ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
В ЛЕНИНГРАДЕ

a 00003 023258

СЕРИЯ II

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ НАУКИ,
ЛИТЕРАТУРЫ и ОБЩЕСТВЕННОСТИ
под общей редакцией проф. Н. С. ДЕРЖАВИНА

ПИСЬМА
РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
К А. С. СУВОРИНУ

Подготовил к печати проф. Д. И. АБРАМОВИЧ

ЛЕНИНГРАД
Издание Государственной Публичной Библиотеки в Ленинграде
1927

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
В ЛЕНИНГРАДЕ

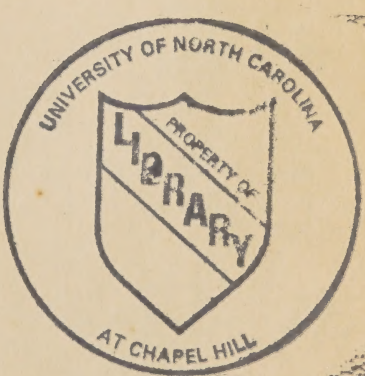
PG3470
.S83
Z53
1927

СЕРИЯ II.
МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ НАУКИ,
ЛИТЕРАТУРЫ и ОБЩЕСТВЕННОСТИ
под общей редакцией проф. Н. С. ДЕРЖАВИНА

ПИСЬМА
РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
к А. С. СУВОРИНУ

Pis'ma russkikh pisateleĭ
k A.S. Suvorinu

Подготовил к печати проф. Д. И. АБРАМОВИЧ

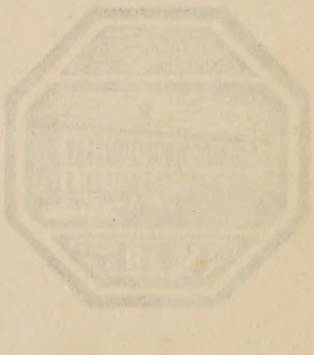


ЛЕНИНГРАД
1927

Напечатано по распоряжению Директора Государственной Публичной Библиотеки в Ленинграде

Ученый Секретарь В. БАНК.

280477



Ленинградский Гублит № 36366. Заказ № 2658. Тираж 3 000.

Типо-литография „Вестник Ленинградского Совета", 2-я Советская, 7.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

		Стран.
	От редакции	V
1.	И. С. Аксаков	3
2.	В. М. Гаршин	21
3.	И. А. Гончаров	22
4.	Д. В. Григорович	23
5.	Ф. М. Достоевский	49
6.	А. М. Жемчужников	52
7.	Н. Н. Златовратский	55
8.	Н. С. Лесков	57
9.	Г. А. Мачтет	87
10.	С. Я. Надсон	92
11.	Н. А. Некрасов	95
12.	И. С. Никитин	98
13.	А. Н. Островский	100
14.	А. Н. Плещеев	105
15.	Я. П. Полонский	138
16.	В. В. Розанов	145
17.	М. Е. Салтыков-Щедрин	168
8.	Вл. С. Соловьев	173
19.	Л. Н. Толстой	178
20.	А. П. Чехов	185
	Примечания	193
	Алфавитный указатель	221

От редакции.

Сын крестьянина — по происхождению, военный сапер—по образованию и учитель провинциального уездного училища—по своей начальной профессии, Алексей Сергеевич Суворин принадлежит к числу тех печальных образов в истории русской либеральной общественности, которые умели славно начать свое литературное поприще, блеснуть на заре своей юности талантом, дать ряд бесспорных достижений, подняться до высоты чуть ли не центральной фигуры в кругу прогрессивной журналистики („С.-Петерб. Ведом." В. Ф. Корша с 1863 г.—„Очерки текущей жизни", изданные в 1866 г. отдельным сборником „Всякие", который вскоре после выхода по постановлению окружного суда был сожжен; знаменитые в свое время—во 2-ой половине 60-х г.г.—фельетоны „Незнакомца", вызвавшие, между прочим, в 1874 г. отстранение всей редакционной коллегии газеты во главе с В. Ф. Коршем; сотрудничество с 1869—1872 г.г. в „Вестн. Евр." и с конца 1875 г. — в „Бирж. Вед." Полетики),—и затем бесславно закончить свои преклонные дни в роли „пятиалтынного 3-го", по меткому выражению Салтыкова-Щедрина (см. здесь, стр. 171, письмо от 18 марта 1876 г.) и бесспорно центральной фигурой в лагере великодержавного российского воинствующего национализма и крупной либеральствующей бюрократии („Новое Время").

Отсюда естественна, конечно, в переписке с А. С. Сувориным, охватывающей время с 1860-го по 1911 год т. е. период в 50 лет, наличность представителей самых разнообразных общественно-литературных те-

чений и группировок, начиная с Салтыкова-Щедрина в 70-х г.г. и кончая Л. Толстым, Вл. Соловьевым и В. Розановым—в 90-х и 900-х годах.

В настоящий выпуск „Писем русских писателей к. А. С. Суворину" — вошло 152 письма двадцати корреспондентов: последние расположены в алфавитном порядке, письма же каждого из них, по возможности,—в хронологическом.

Нет нужды говорить о том, какой огромный историко-литературный и литературно-бытовой интерес представляет собою весь этот материал в целом,—в фактическом, биографическом, общественно-историческом, литературном и пр. отношениях. В частностях же, среди публикуемого материала имеется, несомненно, и кое что, не представляющее собою какой либо особой историко-литературной ценности, но печатаемое здесь, с одной стороны, в целях выявления в возможной полноте всего имеющегося в нашем распоряжении материала, а с другой — в убеждении, что мельчайшая фактическая подробность или характерная деталь в этой области имеет свое значение, когда дело идет о таких крупнейших величинах в нашем литературном прошлом, как Салтыков - Щедрин, Некрасов, Л. Толстой и др., чем и объясняется то, что наряду с письмами большого содержания, вроде, напр., писем И. Аксакова, Григоровича, Лескова, Плещеева, Полонского, В. Розанова, Салтыкова-Щедрина, В. Соловьева, Льва Толстого, А. Чехова и др.—в настоящее собрание включены также и несколько писем незначительного содержания, а иногда даже и не письма, а просто памятные записки и т. п. материал, как это имеем мы, напр., в письмах—Гаршина, Некрасова, Островского, того же Салтыкова-Щедрина и нек. др.

Выпуская в свет настоящий сборник — „Писем русских писателей к А. С. Суворину", мы рассматриваем это издание, как одну из форм популяризации материалов обширнейшего в мире рукописного собрания Государственной Публичной Библиотеки в Ленинграде в целях приближения их к широким читательским массам — с одной стороны, и с другой -

как новый материал для специальной научно-исследовательской работы в историко-литературной области, и позволяем себе высказать скромную уверенность в том, что и это издание Публичной Библиотеки, как и предыдущие, окажется не совсем бесполезным в указанных выше отношениях; что историк нашей литературы и общественности действительно найдет в нем новый для себя материал, а широкий читатель — интересные страницы, непосредственно вводящие его в круг писательских настроений, идеологии и быта нашего недавнего литературного и общественного прошлого.

Digitized by the Internet Archive
in 2025 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/pismarusskikhpis00unse

ПИСЬМА

РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

К А. С. СУВОРИНУ

I.

И. С. АКСАКОВ.

1.

Милостивый Государь
Алексей Сергеевич.

Вы задали мне пренеприятную задачу [1]. До сих пор я отказывал всем в автобиографических сведениях, ненавидя автобиографии и считая для публики совершенно излишним знать обо мне более того, что известно из моих изданий и моей публичной деятельности. Отвращение говорить о себе так сильно, что я до сих пор не решаюсь взяться за перо, чтоб опровергнуть или выправить неверные данные о славянофильстве и славянофилах, которыми испещрены статьи борзописца Пыпина и вообще всех тех, которые трактуют нас, как умерших, и относятся к нам даже почти с высшим беспристрастием. Но так как мой отказ не отклонил бы Вас от исполнения Вашего намерения и Вы бы напечатали, пожалуй, и небывальщину, т. е. приписали бы мне то, чего не следует (напр., что я издавал „Молву“, когда я ее не издавал), то, без дальних слов, вот Вам некоторые сведения: о Самарине. Об нем несколько подробнее.

Ю. Ф. Самарин родился в 1819 г., где—хорошо не помню. В 1837 г. вышел кандидатом из Моск. Университета, по факультету Словесному или Философскому, как тогда называлось. В 1844 г. происходил его диспут в Москве на степень Магистра; его диссертация носит название: „Стефан Яворский и Феофан Прокопович“; она состояла из трех частей, но напечатать дозволили только одну часть. Об этом диспуте см. письмо Чаадаева, напечат. в „Вестнике Европы“ 1871 г. [2]. В конце 1845 г. он поступил на службу в Петербург, сначала в Сенат, потом перешел в Министерство Внутр. Дел, при Перовском, и отправился в 1847 г. в Ригу, в составе Комиссии, туда посланной ради расследования тамошних смутных обстоятельств: социальное и религиозное движение латышей, теснимых помещиками-немцами и фанатиками немецкими пасто-

рами. См. об этом „Записки латыша“, изданные за границей, во 2-м томе „Окраин“, Самариным. Тайны Остзейского края в первый раз были выведены на свет божий этою Комиссией. Изучив все городские архивы, Самарин, по поручению Мин—ва, написал Историю города Риги, громадный том, напечатанный Мин—вом только в количестве 25 экземпляров, ибо эта история вся составлена по документам секретного архива самого Рижского магистрата. Окончательным результатом трехгодичного пребывания Самарина в Прибалтийском крае было целое сочинение в виде ряда писем, в которых мастерски были изложены все обстоятельства тогдашнего положения дел, движения латышей к православию и отношения Остзейских немцев к России. Письма эти ходили в рукописи, но по доносу немецких баронов и Генер. Губ. князя Суворова, рукопись была конфискована и Самарин в самом начале 1849 г. был засажен в Петропавловскую крепость, откуда впрочем, через 10 дней, его выпустили, т. е. сначала привели к покойному государю Николаю Павловичу, который целый час держал речь Самарину, об'ясняя свой поступок (т. е. почему он его засадил в крепость, „чтоб не предавать суду за разглашение тайн, узнанных на службе из секретных архивов“),—свидетельствуя о своей любви и „своей службе России“, и пр.... В заключение государь об'явил ему, что так как он своей рукописью нажил себе много врагов, то ему, Самарину, нельзя оставаться на службе в Петербурге. Ему велено было ехать служить в Симбирск, где у него имение, однако-ж оттуда перевели к Бибикову, в Киев, где Самарин и занялся усердно крестьянским или инвентарным вопросом. В 1852 г., кажется, ему позволили выдти в отставку, и Самарин предался изучению процесса освобождения крестьян из крепостного состояния в Западной Европе, преимущественно в Пруссии,— результатом чего было большое сочинение, оконченное задолго до возникновения практической попытки к разрешению этого вопроса в России (в конце 1857 г.). Это сочинение было, несколько в сокращенном виде, напечатано в журнале „Сельское Благоустройство“, издававшемся Кошелевым в 1858 г. при „Русской Беседе“.

С конца 1857 г. до 1864 г. Самарин без устали работал над делом освобождения крестьян в России, сначала в качестве Члена Редакционной Комиссии в Петербурге (он, кн.

Черкаский и Милютин были главными деятелями в этих Комиссиях), затем, по подписании Манифеста 19 февр. 1861 г., три года в звании Члена Губ. Присутствия по крест. делам в Самаре. Хотя в Приказах и значится, что по окончании работ в Комиссии (Самарин писал первоначальный текст Манифеста, потом отосланный государем к Филарету и им переделанный), Самарину дан какой-то крест, но я знаю, что крест был им отослан обратно к графу Панину, ибо, окончив свои труды в Петербурге, Самарин, вместе с своими товарищами, просил графа Панина (тогдашнего Председателя) передать их просьбу: не награждать их за это дело, так как на них и без того озлоблена была вся дворянская публика. В 1865 г. Самарин напечатал в „Дне", потом отдельной книгой, выдержавшей два издания, — целый ряд полемических писем об Иезуитах,—необыкновенно блистательных.

В 1868 г. он издал за границей 1 и 2 том „Русских Окраин", посвященных положению латышей в Прибалт. крае в социальном, религиозном и политическом отношениях,—а также том богословских сочинений Хомякова с своим предисловием. В 1871 г. вышел за границей же 3-й том „Окраин".

Сочинения эти вышли с его именем; в России они строго запрещены. В 1870 и 1871 годах Самарин, как Гласный Моск. Земства, в качестве Председателя Комиссии, назначенной Земством для обсуждения податного вопроса, составил подробный, тщательно разработанный проект о податной реформе, разумеется в смысле уравнения всех сословий,—лучший из всех представленных.

Литературн(ые) его статьи, критические и полемические, были напечатаны в „Московских Сборниках" 1846 и 1847 г.г. (издававшихся Пановым), в „Москвитянине", в „Русской Беседе" (1856—1860 г.г.), в „Дне" и в „Москве". Чин его Коллеж(ский) Советн(ик).

Что касается до меня, то я родился в 1823 г. (моложе брата Константина, родившегося в 1817 г.); кончил курс в Училище Правоведения в 1842 г., служил по Министерству Юстиции, в 1848 г. перешел в Минист. Внутр. Дел, в 1851 г. вышел в отставку с чином Надв(орного) Советника, с каковым и пребываю. В начале 1849 г., одновременно с заключением Самарина в крепость, был в Петербурге, по приезде моем из Бессарабии, куда ездил по делам раскольническим, — посажен

в III Отделение, ни за что, ни про что, по какому-то доносу на Славянофилов; высидел 10 дней, подвергнут допросу, на который отвечал, по юности лет, целыми рассуждениями в славянофильском вкусе, и выпущен, при чем граф Орлов прочел мне собственноручные отметки, замечания и возражения Ник(олая) Павл(овича) на мои ответные пункты и лаконическую надпись на них его величества, обращенную к графу Орлову: „Призови (т. е. меня). Прочти. Вразуми. Отпусти". (Все ведь это для календаря не годится). Тем не менее я состоял под секретным надзором до 1857 г., когда он был снят при нынешнем государе.

В 1852 г. издал я „Моск. Сборник", имевший значительный успех, но продолжение было запрещено, 2-я часть Сборника в рукописи была совсем заарестована в Цензуре, и я, вместе с своими сотрудниками (братом, Хомяковым, кн. Черкаским и пр.) подвергнут запрещению печатать что-либо иначе, как чрез посредство цензуры III Отделения. В 1854 г., по поручению Географического Общества, исследовал я торговлю на Украинских ярмарках, и в 1857 г. издано это исследование самим Обществом, которое присудило ему большую медаль. В конце 1857 г. об'явил я подписку на издание „Молвы" в 1858 г.

Эту газету в 1857 г. начал издавать и издавал мой брат Конст. Серг., но номинальным редактором был Шпилевский (теперь профессор в Казанском Университете). Но статья брата „Публика и Народ", помещенная уже в конце 1857 года, так переполошила публику и цензуру, что цензора сменили и издание обставили такими цензурными условиями, что я отказался продолжать его в 1858 г. под своим именем и, не выдав ни одного №, возвратил деньги подписчикам.

В 1858 г. и 1859 г. заведывал я редакцией „Русской Беседы". В начале 1859 г. стал я издавать газету „Парус", но газета на 3-м № была запрещена. С октября 1861 г. начал я издавать газету еженедельную „День", которую и издавал до конца 1865 г., при чем, в 1862 г. был на три месяца совсем отстранен от редакторства за то, что отказался об'явить имя сочинителя одной статьи. В 1867 г. стал я издавать „Москву",— но судьбу ее и „Москвича" Вы знаете. Ну что еще? И Самарин, и я во время Крымской войны служили в ополчении, но в сражениях не участвовали. Более сказать нечего, да и из

того, что я написал Вам, половина не может быть напечатана. О Самарине распространился я подробнее собственно для Вас и Ваших, не вполне оценивающих высокую гражданскую честность и вообще все достоинство этого замечательного человека.

Никаких корректур присылать мне не нужно, и вообще мне бы не желалось, чтобы Ваши календарные заметки обо мне и о Самарине могли возбудить подозрение об источнике, откуда почерпнуты сообщаемые Вами сведения [3].

Календарь Ваш пользуется вполне заслуженным успехом, и лежит у меня на столе постоянно.

С глубоким почтением имею честь быть
Вашим преданным слугою

Ив. Аксаков.

15 Авг. 1872.
С. Турово.

P. S. О Самарине я забыл прибавить, что когда в 1863 г. государь поручил Н. А. Милютину дело Польши, то Милютин взялся за это дело только под условием, чтоб ему дозволено было пригласить к официальному соучастию, без зачисления на службу, Самарина и кн. Черкаского (в то время Мирового Посредника в Веневском уезде). Государь согласился, и они втроем совершили поездку по Царству Польскому. Записка об этой поездке, писанная Самариным, напечатана, сколько мне помнится, в одном из томов „XIX Века", Бартенева. Затем Самарин, вместе с Милютиным и Черкаским, работал над проектом наделения Польских крестьян землею, и по окончании этой работы, оставил Варшаву, отказавшись вступить на службу, несмотря на просьбы Милютина.

2.

Почтеннейший Алексей Сергеевич.

После выговора, затем отрешения от должности Председателя Слав(янского) Общества, внезапно последовало (недели через две) высоч. распоряжение о „немедленной высылке меня из Москвы куда-нибудь в имение, впредь до особого распоряжения".

Это значит—Конгресс или трактат вошел в душу [1]...

Прошу Вас сделать немедленное распоряжение о том, чтобы мне высылали „Новое время“—в г. Юрьев-Польской Владим. губ., село Варварино (моей свояченицы Екат. Фед. Тютчевой).

Ни причины высылки, ни срока не знаю,—но знаю, что меня разоряют.

Ваш *Ив. Аксаков.*

25 Июля 78. Москва.

3.

Милостивый Государь
Алексей Сергеевич.

Прилагаю в виде письма к Вам мой ответ Фарлею и мое письмо к нему, из которого он напечатал выдержку. Он должно быть ужасно глуп. В Англии все товары доброкачественны, и даже глупость. Глуп по-английски, добротно и прочно. Мое письмо написано по-французски и разумеется топорно, потому что я не французский литератор и претензии на это не имею. Предоставляю Вам право поместить его в подлиннике или же в переводе,—но с означением в скобках некоторых подлинных французских выражений, ради истины [1].

Вас искренно уважающий
Ив. Аксаков.

2 Июля (1877 г.)

4.

Благодарю вас за помещение моего письма, хотя не могу не высказать сожаления, что ему так не посчастливилось в типографском отношении [1]. Во всех №№, полученных в Москве, письмо мое к Вам оттиснуто так скверно, что почти разобрать нельзя. Может быть в №№, розданных в Петербурге, оно напечатано лучше.

Про Москву, впрочем, толковать нечего, она в этом случае на моей стороне,—но было бы очень желательно, чтоб письмо мое было прочтено в Петербурге и заставило замолчать Фарлея и К°. Довольно подло будет со стороны „Голоса“, „Бирж. Ведомостей“ и „Сев. Вестника“ [2], если они не перепечатают

моего об'яснения и моего письма к Фарлею. Если последний будет продолжать нагличать, то погрозите ему, что я напечатаю то его письмо, где он ссылается на Гирса, товарища М-ра Ин. Дел, обещавшего ему со временем достать денег через придворную даму графиню Блудову — понятно откуда. Ведь он тогда окончательно скомпрометтируется.

Сейчас получил Вашу телеграмму. Никакого вызова от Уэллеслея я не получал, да вероятно и не получу. Не ехать же мне в Болгарию с ним стреляться! Гораздо вероятнее какой-нибудь дипломатический запрос и вследствие того неприятность от нашего Правительства. Что за холопство у „Сев. Вестника", Полетики и Краевского относительно Англичанина и какое предательство относительно Русского! Как же можно было согласиться печатать отрывок из моего письма, без моего спроса. Скажите от меня Валентину Коршу, что я не ожидал от него такого непрямодушного поступка. Хоть мы всегда стояли в разных лагерях, однако же я всегда уважал его как человека.

Вам искренно преданный

Ив. Аксаков.

7 Июля 77.

Говорят, что Буренин проехал через Москву обратно в Петербург. Очень жалею, что он не заехал ко мне.

5.

В Вашей газете, почтеннейший Алексей Сергеевич, было напечатано известие из Праги о каком-то адресе ко мне Чехов с 690 подписями, во главе которых стоит Сладковский (принявший православие). Адрес этот—говорится там—был напечатан в одной из пражских газет, конфискован полицией (австрийской) и потому отправлен ко мне в рукописи.

Так как я никакого адреса не получал, то и спросил о том по телеграфу редактора Politik, доктора Грегра, который вчера отвечал мне, что адрес сдан был на почту в Праге уж две недели тому назад.

Стало быть он перехвачен австрийскою почтою. Нельзя же предположить, чтоб он был задержан русским почтовым ведомством...

Не найдете-ли Вы возможным заявить о том в Вашей газете, только не от моего имени (это было бы похоже на какое-то важничанье), а как сообщенное Вам достоверное сведение, что́, в то же время, оправдает и пред Чехами и пред Русскими (интересующимися религиозным движением в Чехии) мое молчание [1].

Очень рад, что Вы наконец переменили шрифт.

Ваш *Ив. Аксаков.*

27 Июля 1877. Москва.

6.

Почтеннейший Алексей Сергеевич.

Послала Вам здешняя Типография Гагена экземпляр ею отпечатанный „Семейной Хроники“ [1]. Гаген купил у меня это издание (два завода) и пустил не дороже назначенной ему мною цены. Издание это ему чуть-чуть не в убыток; вся цель его — реклама, т. е. заявить о своем уменье и мастерстве в типографском деле. Я сдал ему печатанье нового издания Гоголя, 12 тыс. экземпляров, из 4-х томов каждый,—за весьма умеренную цену (за набор, за печать, за бумагу и за портрет—15 т. р.). Все это пишу к Вам по просьбе Гагена: нельзя-ли как-нибудь похвалить печатно внешность издания и Типографию, по поводу „Семейной Хроники“. О самой книге толковать нечего,—она не нуждается в рекламах,—но собственно о Типографии. Сие предоставляю на Ваше усмотрение. Но считаю просьбу заслуживающей уважения.

Кстати, сейчас просмотрев „Новое Время“, нашел в фельетоне вопрос: кому принадлежит эпиграмма: „Люблю я резкость эпиграммы“ [2]. Она принадлежит тому-же М. А. Дмитриеву.

Такого открытия от моего имени публиковать впрочем не следует: тут 4 стиха (о крикуне) относятся к покойному Загоскину, приятелю моего отца,—и сын Загоскина жив.

А „Молва“ 1857 г. пошла бы очень хорошо (Шпилевский редактором был по имени, основателем ее был мой брат Конст. Серг.; ему принадлежит большинство передовых статей),—но за статью брата „Публика и Народ“ цензор лишен был места

и вышла большая история. Я хотел было взять на себя издание с 1858 г., об'явил даже о том, началась уж оживленная подписка, но так как Цензурное ведомство велело ее цензуровать специально-строго и прислало грозные предписания, отказался от этой мысли и возвратил деньги подписчикам.

Ваш *Ив. Аксаков.*

19 Дек. 79. Москва.

7.

Почтеннейший Алексей Сергеевич!

Я не понимаю недоумения Достоевского. По словам Юрьева, Председателя Моск. Общества Любителей Р. Словесности и Председателя особой Комиссии, распоряжающейся литературным празднеством [1], Достоевский включен в список лиц, имеющих читать и говорить свое „нечто" о Пушкине, так же как и я, грешный, несмотря на все мои отнекивания. Таковых „нечто" будет столько, что для изглаголания их будут происходить торжественные заседания в течение двух дней сряду, чуть не в Зале Росс. Благор. Собрания. Разумеется — будут повторения одного и того же, потому что предварительно считаться некогда,—а главное будут и противоречия.—Как бы там ни было, а Ф. М. напишите, чтобы ехал в Москву ничто же сумняся к 25 Мая, т. е. накануне открытия памятника, и обратился бы тотчас к Сергею Андреевичу Юрьеву, живущему на углу Садовой и 4-й Мещанской, в доме Пятницкой. Заседания же Общества будут происходить 27-го и 28-го Мая. В день открытия памятника последует банкет по подписке (6 рублей). Подписываться можно будет в Редакции „Русской Мысли". Так хотели устроить. Но Вы знаете Юрьева: человек он—по меньшей мере не распорядительный, и Коммиссия (членом которой я впрочем не состою) приставила к нему в качестве полицеймейстера Поливанова, директора Частной Гимназии. На банкете имеют право говорить все не Члены Общества (в Обществе говорить будут только Члены или депутаты). „Надеются", что словоизлияние произойдет сильное, а я надеюсь что, в соединении с излиянием винным, можно будет себя поздравить—если обойдется только перебранкой.

Если Вы лично, почтеннейший Алексей Сергеевич, не в хороших отношениях с Юрьевым, то, пока еще Вы там перецелуетесь с ним на обеде,—обратитесь к Полицеймейстеру, Поливанову, для сбережения Вам репортерского места.

Ваш *Ив. Аксаков*.

7 Мая 1880 г.

Гоголь печатается, скоро приступлю к 3-му тому. А отчего Вы не берете Семейной Хроники. Издатель (Гаген) обращался к Вам и в Ваш магазин, только не получил ответа. — Старого издания Гоголя у меня уже нет, все распродано. Будущее будет продаваться публике по 5-ти рублей. Книгопродавцам уступка за экземпляр 1 рубль, т. е. за все 4 тома—4 р. Так было и с прежними изданиями.

8.

Многоуважаемый Алексей Сергеевич!

У Вас было напечатано письмо О. Ф. Миллера о том, как бы хорошо было, еслиб все подписчики на Дневник Достоевского отказались от своих денег и предоставили их на сооружение памятника и на издание сочинений [1]. Ко мне начинают поступать заявления, которые я и собираюсь напечатать. Пожалуйста справьтесь и потолкуйте с законниками, как бы это лучше оформовать. Во 1-х тут опека. Во 2-х заявления газетные может быть не имеют юридической силы, а нужны письменные собственноручные заявления, аки документы. В 3-х не лучше ли предоставлять деньги в распоряжение А. Г. Достоевской?

Не знаю, как Ваши подписчики, а я Вашей газетой очень доволен. Нельзя издавать живее, отзывчивее. Очень уж Вы только на брань развязны. Благодарю Вас за благоволение постоянное к „Руси“. На последнюю статью А. Н. буду, как соберусь, отвечать [2]. Никольского Вы мне не дали,—так нет ли у Вас какого экономиста, — по части финансов и промышленности. Вам такой зачем? В ежедневной газете и соврать не беда; это не то что еженедельная. Что́ это за скудость талантов, Господи! Масса писем и статей получается ежедневно, и хоть бы пахнуло свежим дыханием, дарованием! Знаю, что газета моя чересчур серьезна, знаю, что недостает в ней

легкого чтения, но решительно ничего для Литер. Отдела не могу промыслить. Справедливо кто-то заметил, что в моей газете сотрудничают покойники. Это верно. Вот и еще крупный человек ушел [3]. Теперь и хоронить некого. Едва-ли дождемся чего от Толстого. А Тургенев — все равно, что умер, — хуже: выдохся весь.

Прекрасна Ваша статья о Достоевском [4] и как подло отнесся к Дост. „Голос“ [5].

Ваш *Ив. Аксаков.*

6 февраля 1881 г.

9.

Удивляюсь Вам, Алексей Сергеевич, что вы дали место в „Новом Времени“ статье „По поводу речи Аксакова“ [1]. Я буду на нее отвечать. Вам ведь очень хорошо известна история с адресом и то, что во время самой моей речи мне сунута была бумажка „не говорить о Земском Соборе“, ибо Государь хочет инициативу этого дела оставить за собою. Да и нечего „Новому Времени“ прикидываться недоумевающим по поводу моих убеждений. Я буду отвечать — в 22 № [2].

Теперь же пишу потому, что сейчас получил письмо из Петербурга. Мне пишут, будто В. С. Соловьев в своей речи где-то об'явил, что недосказанное мною в речи—заключалось в мысли, что Государь должен простить убийцам своего отца [3]. Ступайте к Соловьеву и если действительно он сморозил такую чушь, так уполномачиваю Вас заявить, что я никогда ничего подобного не подразумевал. Я не считаю Государя даже в праве прощать: его правосудие не личная месть, не личные счеты. Россия не позволяет ему прощать. Я о судьбе этих животных никогда и не задумывался. — Это Вы все наделали, поставив вопрос о чем-то мною недосказанном.

Ваш *Ив. Аксаков.*

Вторник 31 марта 1881 г.

10.

Я вчера, по молодости лет, написал Вам, почтеннейший Алексей Сергеевич, письмо, которое вероятно удивило Вас своею горячностью. Я находился под впечатлением только что прочтенного мною письма из Петербурга и опасался, что

пожалуй все это повторится и в „Новом Времени“. Но сообразив потом, пришел к заключению, что это все сплетни и выдумки, и что если действительно юный философ что-нибудь сказал в этом роде, то ни одна газета не решится передавать странных речей, главное в высшей степени неуместных в настоящее время [1]. Я всегда в принципе был против смертной казни, но если она уж существует, то конечно приложение ее к настоящему злодейству всего менее способно оскорблять нравственное чувство. Затем: в прошлом году казнили десятка два человек. Отчего же Соловьев тогда не протестовал, а протестует против казни Рысакова. Наконец — протест в настоящую минуту слишком уж на руку живым извергам. Здесь казнь имеет значение не возмездия, а самообороны.

Сейчас разнесся слух, будто Соловьев арестован — за эту речь. Не верится, быть не может. Странный Вы человек! Хотите от меня волшебного элексира, от которого больной мгновенно бы выздоровел, хилый стал силачем, безумный — мудрецом, старый — молодым! И говорите: нет, г. Аксаков не владеет таким фокусом... Нужно лечить самое сознание, совсем искривившееся, — и без этого никакие внешние учреждения не помогут. Нет, Вы в Петербурге не чувствуете ужаса и трагизма положения России.

Ваш *Ив. Аксаков.*

2 апреля 1881 г.

11.

24 Ноября 83. Москва

Очень Вам благодарен за Ваше письмецо, почтеннейший Алексей Сергеевич, и принимая сердечное участие в Вашем личном положении, радуюсь, что жене Вашей лучше и что никто из детей, слава богу, не заболел и желал бы знать все также ли идет благополучно, как и теперь.

Не могу понять, от чего произошла такая путаница,— у меня ли в Конторе, или у Вас, т. е. что и 22 № не дошел до Вас во время, ни публикации о продолжении „Руси“ на 1884 г. не появилось. Эту публикацию я послал еще до получения Вашего письма, так как во всяком случае до весны, кажется, ничто не меняется в моем домашнем положении, да и жене несколько лучше, и ей, конечно, чрезвычайно неприятно, что несуразная голова Bobo Мещерского (так его называют его родные) разгласила по всему свету об ее болезни, как

о причине прекращения „Руси“: после такой публикации уж необходимо болеть хоть для вида!

Вчера ходил смотреть „Медею“ [1]. Я уже несколько лет не был в театре, только Эврипид меня вытащил. Был, и исполнился благодарности Вам и Буренину. Это ведь истинно крупная общественная заслуга. Лучше всякого моралиста посодействовали Вы под‘ему в русской публике не только художественного вкуса, но и духовного уровня. И с чего это так клевещут на эту публику? Дали ей Эврипида,—и хот 50 раз повтори „Медею“, театр будет набит битком и будет трещать от рукоплесканий. Даже Морокин (бывший „сведующий“,— старообрядец или единоверец из-под Кинешмы, Вы—чай его знаете), и тот ходил, и в восторге. Само собой разумеется, успех пьесы зависит, как это и в порядке вещей для драматического произведения, от исполнения, и лучшей истолковательницы „Медеи“, как Федотова — трудно найти. Сейчас об‘ясню—почему. Можно сыграть Медею двояко: придать ей чисто демонический характер,—тогда она будет внушать ужас и отвращение; говорят — Рашель так понимала эту роль во французской переделке,—и потому от нее отказалась. Можно дать перевес над демоническим человечному, — так играет Федотова, от того-то во все продолжение пьесы сочувствие зрителя или сострадание на стороне Медеи, несмотря на совершаемые ею преступления. Без сомнения, и Вы с Бурениным в этом именно смысле и оттенили Медею. Надо будет сличить с оригиналом. И вот великое достоинство Грека: весь этот диссонанс трагической коллизии, всех этих убийств и несчастий, завершается в душе зрителя гармоническим аккордом нравственного удовлетворения: сознанием и чувством высшего правосудия, явленного исходом трагедии.

Федотова и не может сыграть воплощенного демона, у которого зло само себе цель. Но женщину, но женскую душу об‘ятую страстью, для которой теряется грань добра и зла, страстью самоотверженною до преступления, но жену и мать, оскорбленную в священнейших своих правах, и не подлежащую за свои злодеяния суду человека, воспользовавшегося страстью, — Федотова передала мастерски. Только великий талант может исполнить эту роль: для посредственного таланта она не мыслима.

Ваш *Ив. Аксаков.*

P. S. Совсем забыл. Если Вам нужен бойкий, скорый, умный переводчик с французского, немецкого и латинского, рекомендую Вам одного из моих сотрудников, белоруса Давидовича. Он просил у меня об этом. У него отличная метода переводить: диктовать. Выходит гораздо живее. Напрашивается к Вам в сотрудники и несчастный Пуцыкович, бедствующий в Берлине: он печатает у меня от времени до времени разные письма и заметки из Берлина,—одну из них передало в извлечении „Новое Время". Он мог бы Вам сообщать содержание выходящих брошюр и пр. В Берлине, кажется, у Вас корреспондентов нет.

12.

Да, положение Гилярова очень затруднительное, многоуважаемый Алексей Сергеевич! Он запутался в долгах, — подкосила его главным образом бумажная фабрика, которую он как-то „необыкновенно выгодно" купил, где затеял какую-то „особенную плотину" своего изобретения, и т. д. Вся беда в его притязаниях на практичность, на универсальность его дарований, когда он силен только в вопросах отвлеченных, преимущественно в области философии, богословия, филологии и т. п. Жалок он мне очень, — я и указывал на него купцам, затевающим издание газеты для специальной защиты интересов русской торговли и промышленности. Предназначаемый для сей газеты редактор (финансист „Моск. Ведомостей") по моему совету и обращался к Ник. Петровичу. Переговоры еще не кончились, но вряд-ли к чему приведут. Со стороны Гилярова велик денежный запрос, чуть ли не свыше 100 тыс. руб. (с типографией), со стороны покупщика требования не лестные для самолюбия: покупается газета с имеющимися подписчиками с тем, чтоб самое название „Современные Известия" упразднить и самого Гилярова совсем за борт. В сущности никакого особенного расчета при учреждении новой газеты в приобретении „Соврем. Известий" не имеется, хотя бы и с типографией, которая, конечно, в беспорядочном виде. Как сотрудник срочный или обязанный поставить статью к такому-то часу — Гиляров не годится, слишком для этого нервен и капризен, — но конечно его свободное сотрудничество может только украсить всякое издание: его статьи всегда будут выдаваться оригинальностью мысли, умом, дарованием и логич-

ностью изложения. Только мудреное дело из редактора обратиться в сотрудника, как из попа во дьякона. Спросите его, по крайней мере, в каком виде представляется ему сотрудничество, на каких условиях, — тогда и Вам отвечать ему будет легче. Еслиб я был М-р Просвещения, или Обер-Прокурор Синода, или вообще государств. человек, я бы держал Гиляров при себе как консультанта и для изложения мнений, и т. д. Мыслью вообще он очень сочен. В бумагах покойного Ю. Ф. Самарина нашлось много писем Гиляров философских: они одно время вели философскую (специально) переписку, — и письма эти в высшей степени замечательны.

Соловьева следует сильно отделать [1]. Я намерен потрепать его в следующем №. Это новое явление нашей отвлеченности, ни пред чем не останавливающейся в своих формально, т. е. мнимо логических выгодах. Ужасно дешевы эти „возвышенные“ идеалы, — дешевы именно потому, что носителям их не с чем расставаться, не чем жертвовать. У богослова Соловьева нет ни живого чувства веры, ни живого чувства народности. Оттого он и мог притти к выводу, что спасение России в подчинении Папе! В статье „Слав. Известий“ он этого прямо не высказывает, но таково его убеждение, высказанное в других статьях. Широкий идеал сводится на идеал страшно узкий и внешний!... Я на него махнул рукой. Единство церковное он думает достигнуть единством внешним, т. е. подчинением единому начальнику, и теперь пишет ряд статей, которые я отказался помещать в „Руси“, о необходимости единой монархии, в параллель единому Папе!... Я не знаю о письме Пушкина к Жуковскому — и хочу непременно его достать. Нет ничего забавнее всех этих протестов против нашей теперь национальной исключительности!! Точно будто и в самом деле грозит опасность России именно с этой стороны. Точно будто все зло именно в том, что еще недовольно мы обезличились. Замечательно также, что все эти господа имеют вид ратующих против какой-то грозной силы в литературе, тогда как людей с русскими убеждениями всего два-три, и обчелся, — да и не в авантаже они обретаются! Но они воюют против собственной природы, против собственной совести, поднимающей голос, — от того-то так и запальчивы?

Ваш *Ив. Аксаков.*

17 февр. 1884 г.

Простите, что так долго не отвечал Вам, многоуважаемый Алексей Сергеевич. Не знаю—в какую новую мою квартиру Вы заходили, верно в помещение Редакции или попросту сказать—конторы. Я теперь поместился отдельно и от Конторы „Руси“ даже довольно далеко—вследствие разных гигиенических соображений в виду болезни моей жены. Вот перевозка в этот дом с дачи и устройство наше там и заняли это последнее мое время, одновременно с наступлением срока выхода 19 № „Руси“, для которого заранее не успел написать передовой статьи. Так надоело это обязательное периодическое писание, что когда нет чего-либо возбуждающего к письму, всегда откладываешь к самым последним дням. Вы—счастливец, Вы—баловень судеб; Вы—барин: хотите пользоваться летом, пользуетесь! Шутка-ли! Издатель газеты отсутствует 6 месяцев сряду, жуирует себе в Италии, и что̀ еще завиднее: удит себе рыбу в своей реке!

А мое издание — „Все во мне, и я—во всем“!

Очень жалею, что не виделся с Вами, но не знаю, сумел-ли бы я удовлетворить Вашу любознательность, разжегшуюся 6-ти месячным удалением от дел. Особенного ничего не произошло во внутреннем строе жизни,—ничего особенного ни худого, ни хорошего,—скорее даже более хорошего. Крестьянское дело обстоит довольно благополучно, особенно с назначением Н. А. Хвостова в Товарищи Обер-Прокурора в крестьянский Департамент Сената. Даже гр. Толстой убедился в том, что с точки зрения консервативной и ради интересов самого дворянства нужно поддерживать крестьянскую общину, а не кулаков. Победоносцев сделал попытку поместного Церковного Собора. В Остзейский край назначен управлять Палатой Госуд. Имущ. прелестнейший человек—в русском смысле, А. А. Нарышкин, крепкий борец. Остзейских привилегий государь еще не подписывал. Устав университетский сам по себе, конечно, есть движение вперед,—что̀ окажется на практике—другой вопрос. Я разумею начало академической свободы учения и преподавания,—а о профессорской автономии, которая у нас в Москве просто котерия самая деспотическая, нисколько не жалею. Я знаю студентов и магистрантов, которые, нуждаясь в покро-

вительстве профессоров, не смели участвовать в „Руси“ иначе как под чужим именем, о чем говорили мне сами. Да и пресловутое „цветущее время“ Московского Университета с Грановским и пр. не знало этой автономии и знало „просвещенный деспотизм“ попечителя гр. Строгонова! Но при тайном противодействии профессоров, отчасти же и потому, что со стороны власти существеннейшим в Уставе ценится не академическая свобода, а возможность подтянуть учащийся и учащий персонал, может быть выйдет и пшик!—Вообще же настоящее царствование честнее прошлого. Но не подлежит сомнению, что наступили долгие, долгие будни,—очень может быть необходимые в смысле исторического развития,—будни, для которых требуются и будничные деятели, вовсе не яркие, высоко талантливые деятели, не гении, увлекающие за собою массы, при чем массы-то устремляются вперед со-слепа, сами-то не подготовленные и не зрелые.

Нужны не творцы доктрин и отвлеченных принципов,—сего было слишком довольно,—а нужно дать самой жизни, дать ежедневности, которая весьма противна (каюсь) нашему брату поэту-лирику,—время и свободу проверки и критики всей этой массы отвлеченности, натворенной предшествовавшими поколениями. Одним словом историческая экономия требует, повидимому, наступления, на известный срок, периода посредственности и процесса внутреннего пищеварения, не смущаемого воздействием ярких талантливых личностей. Это очень скучно для людей нашего поколения, но что делать! Процесс пищеварения видимо совершается,—и именно в молодом поколении: на беспорядки в Киеве и т. п. смотреть нечего: это эпигоны старого доктринерства, последние могикане, которых еще много на Юге благодаря польскому и жидовскому элементам; совсем иной дух в подрастающих молодых поколениях Великороссии. И что замечательно—процесс этот совершается помимо газет и журналов. Молодые поколения их не читают,—и право, оставляя вопрос о свободе слова в стороне,—истинно во благо—исчезновение „Дела“ и „Отеч. Записок“—этих столпов отрицательного доктринаризма, мешавших свободе внутреннего процесса в молодых поколениях.

Теперь нужны: газеты ежедневные, как необходимая пища, но чуждые доктринерства,—и хорошие книги.

Что касается области внешней политики, то подстегивать нашу дипломатию необходимо, ибо иначе она совсем убаюкается пением Берлинской сирены [1]. Я знаю, что ей напевают из Берлина про проливы и т. д.,—кажут их в отдаленной перспективе будущего, требуя и добиваясь реальных или способных теперь же реализоваться уступок в пользу Австрии. Но такой торг не выгоден. Необходимо, чтоб за границей считались не с одной дипломатией, но и с русским общественным мнением. Да это же полезно и для самой нашей дипломатии: ее умеренность, не редко неизбежная, приобретает от того, в глазах иностранцев, больше цены. Этим и об'ясняются мои статьи в 18 и 19 №№ [2].

Кстати: велите в „Новом Времени" никогда не употреблять слов: „Руссин, Руссинский", говоря про Галицию. Это ведь Немцы выдумали. Нужно говорить: Русские в Галиции, Галицкая Русь, Карпато-русы, и т. п. Очень этим огорчается Наумович, самый симпатичный старец. Только берегите их в Петербурге, не компрометтируйте. Ведь Спасович—глава Польской справы, он—то и дело шныряет во Львов, в Краков.

Толстой, о котором Вы спрашиваете, Конст. Константинович, очень умный человек, был земским доктором под Москвою, теперь где-то странствует по России. Я его непременно приглашу Вам в сотрудники, когда увижу. Хотели было мы с ним завести отдел: „Перед судом здравого смысла" и пробирать (все) газеты и книги,—но заглавие показалось мне неудобным, притязательным, да и он заболел, уехал на кумыс.—„Дело" же и „От. Зап." запретили.

То что̀ Вы сообщаете о Салтыкове—меня не удивляет. Он был в приятельских отношениях в те года со мной и с братом, навещал покойного отца и близок был к нашему направлению.

Ваш *Ив. Аксаков.*

2 Окт. 84.

Мой новый адрес: Пречистенка, против церкви Троицы в Зубове, дом Ребиковой.

II.

В. М. ГАРШИН.

Милостивый Государь
Алексей Сергеевич!

Исполнение выраженного Вами при нашем свидании 27 Декабря намерения дать в Вашей газете новый отзыв о биографии Писемского, написанной г. Венгеровым, вероятно, встретило препятствие в том обстоятельстве, что фирма Вольф из'яла из продажи эту биографию. В виду этого, позвольте просить Вас принять прилагаемую при этом письме статью г. Венгерова [1].

Примите уверение в совершенном почтении

Всеволода Гаршина.

31 Декабря 1883 года.

III.

И. А. ГОНЧАРОВ.

29 Октября (1887 г.).

Многоуважаемый

Алексей Сергеевич.

Сегодняшнее известие в газетах (между прочим и в „Новом Времени“) о моей, будто бы опасной болезни, произвело значительное впечатление на обширный круг моих знакомых [1]. Беспрестанно раздаются звонки в передней, приходят справляться о моем здоровьи, присылают карточки и проч. Все это очень трогательно для меня, но и неудобно. Позвольте покорнейше просить Вас, если Вы не найдете этого неудобным, поместить прилагаемое при сем на особом листке опровержение, в Новом Времени — по возможности — скорее, в завтрашнем № например, 30-го Октября. Вы очень обязали бы меня, исполнивши эту мою просьбу. Полагаю, что опровержение сразу положило бы конец беспокойствам моих друзей и знакомых на счет моего здоровья, о котором в прилагаемых строках все сказано верно и точно [2].

Извините за докучливость и примите уверение в совершенном моем почтении и преданности.

И. Гончаров.

IV.

Д. В. ГРИГОРОВИЧ.

1.

Спешу уведомить Вас, дорогой Алексей Сергеевич, что сегодня познакомился с П. П. Куломниным; вещи все пришли и завтра начнется установка. Слава богу. Вот только что худо: это болезнь Тургенева. Третьего дня я получил от него письмо, которое просто меня сокрушило. Вы знаете, как горячо люблю я этого человека мимо его литературы. Он сообщает, что виделся с Шарко и этот последний об'явил ему, что у него: Néosolgie Casdiolgique de poitrine [1] (т. е. грудная жаба) и прописал ему какую-то "polybromuse", прибавив, „la médecine est à peu près impuissante contre cette maladie..." Я писал ему тотчас же, убедительно прося его сообщать нам как можно чаще о состоянии его здоровья,—что он и сделает.— Очень рад, что Вы будете на днях в Москве; есть что сообщить Вам, есть также что и показать.

Кланяюсь Анне Ивановне, а Вам жму дружески руку

Григорович.

Четверг [2].

2.

Дорогой друг Алексей Сергеевич.

Вчера [1] было заседание Комит. Лит. Фонда. Избрана Комиссия распорядителей для встречи тела Тургенева и распоряжения во время шествия и похорон: Ив. Ильич Глазунов, Н. С. Таганцев, В. Д. Спасович, В. П. Гаевский и я, которому, по общему приговору, назначено быть председателем. Для меня роль эта весьма трудная,—но отказаться я не мог. В субботу 10-го сент. назначена торжественная панихида. Потрудитесь в Четверг выпустить об'явление: „Комитет Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым сим извещает, что в Суб-

боту, 10-го Сентября в 20-й день по кончине И. С. Тургенева, отслужена будет панихида по усопшем в Казанском Соборе в 1 час дня". Г. Грессер будет предупрежден об этом и не задержит об'явления. У меня теперь вдруг столько работ, что право не знаю, когда удастся, заехать к Вам в Павловск.

Душевно Вам преданный

Д. Григорович.

3.

Вейдлингау 28/9 [1].

Дорогой Алексей Сергеевич,—пишу Вам безо всякой надобности, так себе, потому только, что в настоящую минуту к Вам преимущественно повернулось сердце. Без преувеличения,—я много раз вспоминал Вас, жалел искренно, что Вас и семьи Вашей нет в том хорошем углу, где я поселился. Вейдлингау не больше как деревня, но заметьте, деревня европейская, с газетами, телеграфом, железной дорогой; прибавьте к этому чудные горы, покрытые разнообразным лесом, потоки и дивный воздух. Двадцативерстное расстояние от Вены не беспокойство,—а только удобство. Я здесь совсем исправил нервы благодаря воздуху, тишине и отсутствию сует. В 2½ месяца я раз только во сне видел Петербург. Скучен проезд от нас сюда,—но он вознаграждается здоровьем с одной стороны,—дешевизной с другой. Вы здесь за большую дачу заплатите за все лето 800 гульденов; я за свою,—с прекрасным садом, плачу 200. Отсюда открыты Вам все пути, слева в Италию, справа — во Францию; но здесь так хорошо, что право никуда не тянет; совсем бы здесь остался; протяну еще годик—другой—и потом это сделаю непременно. Вот Вы все думаете—я человек общественный, весельчак,—а я между тем проживаю один по целым месяцам и никогда не бываю так счастлив! Я с ужасом вспоминаю Павловск, его вокзал и гуляющего Полякова под ручку с Краевским! Благодаря тишине и беззаботности, меня опять потянуло к литературной работе: написал повесть; но пока она написана еще в длину,—надо приняться написать ее теперь поперек; если успею докончить, прочту Вам ее как только приеду. В Вену езжу редко, хотя

там теперь довольно интересно. В Пятницу 29 10 подле Votive Kirche—была весьма серьезная демонстрация рабочих, требовавших уменьшения цены на говядину, поднявшуюся на 52 крейцера за фунт. — Крики, речи, потом совершенная бойня между народом и полицией и 2 батальонами войска. Арестов множество. Австрия держится разладицей различных племен враждебных друг другу; ее сила в этом раз'единении и враждебности, потому то она так и старается ее поддерживать. Без этого давно бы что нибудь случилось серьезное. В народе большое неудовольствие; необычайно усиленная такса на все—на всех действует крайне раздражительно. На электрической выставке еще не был;—ложась спать накануне думаешь: завтра поеду, но завтра день так хорош, что невольно потянет в горы,—а там смотришь уже поздно! Прочел я очень много,—больше литературного; горячо рекомендую для „Нового времени“ две книжки G. de Maupassant: „M-elle Fifi“ и „Contes de la Bécasse“. В 1-й рассказ „A cheval“, во 2-й „Ce cochon de Morin“ просто сокровища для фельетона газеты: остро, весело, наблюдательно. Я для Вас хотел было перевести „A cheval“, но увлекся собств. повестью. Заметьте только: рассказы эти требуют перевода не с плеча, как у нас обыкновенно,—но крайне внимательного и обработанного. Здесь во многих газетах говорят о новом указе, требующем, чтобы все иностранцы, поселяющиеся в России с целью наживы,—обязательно принимали русское подданство. Все убеждены, что иностранцы бросят Россию и она тогда пропадет. Не думаю, чтобы так случилось,—но указу—если только он существует,—сердечно радуюсь. Давно пора показать, что кое-где шило есть! Убедительно прошу поклониться от меня,—но хорошо и сердечно,—Анне Ивановне и также Буренину. Вас обнимаю и целую. Если что надо в Вене, пишите так: Oëusterreich. Wien, Westbahnstation, Weidlingau, Hauptstrasse № 6.

Душевно Вам преданный

Д. Григорович.

4.

Дорогой друг Алексей Сергеевич,—получив вчера Ваши подарки—я ахнул, увидав издание „Горе от ума“—до того поразило меня его изящество [1]. У нас положительно ничего подобного еще не являлось. Вы мне словом не промолвились, что готовите такой чудный переплет и печатаете на такой бумаге. Книга эта с Вашей умной и легкой руки наверное послужит образцом для многих издателей и наконец то увидим мы русские книги в цивилизованной форме. Прекрасно также издана книга о женщинах! Но за что сыплятся на меня такие благодеяния? Я впрочем и Вам готовлю кое что приятное. Спасибо за адрес Чехова. Я сегодня-же написал ему длинное пиьсмо. Думаю оно будет ему приятно и не совсем бесполезно. В четверг приду поблагодарить Вас лично, а до того времени кланяюсь Анне Ивановне и Вас обнимаю.

Сердечно Вас любящий

Д. Григорович.

25 Марта
1886.

5.

Ницца 6/18 Ноября (1887).

Давно собираюсь писать Вам, дорогой Алексей Сергеевич, но все откладывал, думая засесть тогда уж, когда окончательно пристроюсь и увижу какой нибудь результат моей поездки для моего здоровья, в котором Вы и Анна Ивановна принимали такое дружеское участие. До сих пор здоровье мое нисколько не улучшилось, несмотря на педантическое исполнение всех докторских предписаний; стоит только сделать несколько усиленных движений, напр. когда одеваюсь, или пройти 10 шагов чуть-чуть скорее чем ходят 100-летние старцы и как я хожу обыкновенно, — немедленно начинаются замирания в груди, заставляющие сесть или остановиться. Казалось-бы чего-же лучше: солнце здесь греет как у нас в Июле, все вокруг зелено и как-то лучезарно,—словом рай земной, невольно вызывающий время от времени восклицание: Господи! что происходит теперь у Кукушкина моста!—Но мне от этого нисколько не легче; я пришел к убеждению, что болезнь моя нисколько не зависит от климатических условий, а носит в себе зародыш

чего-то такого, чего не могли объяснить мне медики. Но довольно об этом. Проездом через Милан вышел я из гостиницы на улицу; кто-то вскрикивает на родном языке: Боже мой, Вы ли это? Смотрю: Боткин,—не доктор, а один из его многочисленных московских племянников.—Что вы здесь делаете?—спрашиваю.—Учусь петь уже 2-ой год. Такой ответ Вы можете безошибочно услышать в Милане от каждого русского, и таким русским имя—легион! Где-же однако-ж певцы наши? Надо думать, они на пути к нам из Милана где-нибудь проваливаются или у нас их проваливают до появления их на сцене. Вот напр. Олеников, которого я также здесь встретил. Вытуренный Кондратьевым, он между тем ангажирован на сезон в Геную и на Карнавал в Неаполь на отличных условиях. Здесь певцу даром денег не дадут,—значит Олеников чего нибудь да стòит! В Милане мне показывали знаменитого Г. Дубецкого—червонного валета, сосланного в Сибирь за мошенничество: он поселился в Милане и занимается сдачей квартир русским, которых грабит совершенно безнаказанно, потому-что русский консул, некто г. Веденисов принял похвальное намерение скрываться как только заслышит русское имя. В одной гостинице со мною проживал начальник ветеринарного отдела, посланный в Италию нашим военным министерством; он три дня добивался, чтобы увидеть консула,—наконец плюнул и поехал дальше. Отношения наших консулов и некоторых посольств к соотечественникам представляют один из курьезов заграничной жизни русских. Мне рассказывали напр. в Милане следующее: какая-то русская девушка, дурная собою и крошечного роста,—упорно училась петь у Котòни; оставшись без гроша (не мудрено,—учителя обирают их здесь как липку),—она просила Котòни засвидетельствовать об ее успехах в нашем посольстве в Риме, имея в виду получить какое либо пособие. Заручившись свидетельством, она отправилась. В посольстве один из секретарей об'явил ей отказ, прибавив уже от себя: „неужели вы думаете, что с такой наружностью можно быть на сцене!?“ Оскорбленная девушка, вернувшись домой, отравилась и была спасена только тем, что вò-время послали за доктором. Зная многих прелестных юношей, составляющих красу наших посольств—юношей с облачками из волос на лбу à la Capoul, с хрустящим бельем под изящным вырезным жилетом,—я охотно верю в справедливость такого рассказа.

Разгар сезона в Ницце начинается с 1-го Ноября здешнего стиля; но до сих пор все дома и отели покрыты надписями: à louer и à vendre; приезжих совсем мало. Виноваты в этом отчасти землетрясение прошлого года,—но главным образом, беспокойное состояние в области политики и следовательно финансовое колебание; курс везде падает. Сегодня рано утром прошел слух, что подле нас в Сан Ремо скончался германский принц и с минуты на минуту ждут кончины имп. Вильгельма и больших беспорядков в Париже. Из русских я бываю здесь только у гр. Лорис - Меликова, которого застал больного и в постели. Что это за умница! В одном его мизинце больше материалу для государственного человека, чем во множестве наших официальных деятелях. У него встретил я г-жу Арнольди—автора запрещенной у нас Василисы [1], я по необходимости сделал визит,—но думаю этим окончится. У меня пробный камень для женщин: как только дама заговорит о Шопенгауере, она для меня умерла; а эта вдобавок представляет еще себя увлеченной астрономией; маменька ее той-же школы, но больше говорит о Таците и Ювенале; муж (кажется и Вы знаете его по Воронежу)—в восторге от обеих и слушая их точит слёзы умиленья. Здесь я также встретил Краевского—но о нем сегодня же пишу Буренину. Встреча с Краевским была тем хороша, что я читал „Новое Время“, которое доставлял мне Бильбасов. Превосходные, между прочим, две статьи: одна Буренина об Антокольском—верно точку в точку, другая, подозреваю Ваша, об юбилее Крылова и пьесы Потехина [2]. В последнем случае действительно потерял стыд и я удивляюсь Всеволожскому, допустившему такую страмоту. Как бы мне хотелось узнать, когда пойдет Ваша пьеса и как она пройдет и также что будет при 1 представлении Агриппины? Здесь „Новое Время“ только в одном кафе—да и то никогда не найдешь. От скуки принялся за работу—продолжаю свои литературные воспоминания; но чем дальше подвигаюсь—тем яснее вижу, что печатать невозможно; правдивая картина редакции „Современника“, отношений Некрасова и Панаева—сделали-бы то, что от моих старых костей пыли-бы не осталось! Окажите мне дружескую услугу, дорогой Алексей Сергеевич, прикажите мне выслать два томика, напечатанные у Вас: „Акробаты благотворит.“ и другой, где „Гуттаперчевый мальчик“; их очень просит Лорис-Меликов, а я на все готов

лишь бы угодить ему. Приеду—сосчитаюсь с магазином.—Часто, часто, сидя вечером в своей комнате, — мысленно и сердечно переношусь в кабинет Ваш с бегающими детьми и умницей Анной Ивановной; мимо сочувствия к лицам, в этом кабинете существует еще для меня связь умственная и литературная. Последняя, между лицами нашего сословия, сильнее чем может казаться; она владеет нами часто даже вопреки несходства убеждений и даже личной неприязни. Боборыкин и даже Михневич всегда будут нам ближе и больше интересовать нас, чем напр. командир Семеновского полка, протоиерей Казанского собора или Погребов, торгующий в гостинном дворе. Вот! Думал только напомнить Вам о себе,—а между тем настрочил целых 8 страниц; но дружеское чувство Ваше ко мне ручается за снисхождение. Лишнее будет сказать Вам, как обрадовало-бы меня словечко от Вас. Убедительно прошу принести мой самый задушевный поклон Анне Ивановне, которой напишу отдельно. Адрес мой следующий: France. Alpes Maritimes. Nice. Pension Rivoire. На днях, как только будет мне полегче—поеду в Канн повидаться с Мопассан и напишу Вам о нашем свидании. Все, что писано о М—е Арнольди—писано лично для Вас; малейшая нескромность повела-бы к ссоре, которая была-бы для меня крайне неприятна. Обнимаю Вас дружески, весь Ваш

Григорович.

Nice. Alpes Maritimes.
Pension Rivoire.

6.

Дорогой Алексей Сергеевич!

Уезжая из театра после Репиной—я простудился и сижу дома,—а как бы хотелось поговорить о бывшем представлении [1]. Вчерашний мороз помешал мне быть на чтении Чехова—о чем горько сожалею. Если он уезжает сегодня—поклонитесь ему от меня самым сердечным образом. Как нас всех обмануло 3-ье действие! В постановочном отношении оно вышло несравненно хуже и слабосильнее других;—все шло как то в расклейку и в разлад; вся подготовка к сцене Савиной прошла вяло, бесцветно—и потому показалась длинной. Жестоко также обманул всех Давыдов; такой отличный актер ничего не мог сде-

лать соответственно тому, что можно было сделать; вместо того, чтобы показать, как он постепенно затягивается и увлекается Репиной,—он только резонировал как благоразумный дядя с племянницей. Разговор старухи Ленской с Далматовым во 2-м действии—по моему, совсем лишний; он замедляет только действие; к тому же то (что) говорит Ленская—никому не слышно даже из 1-го ряда. Вы и Анна Ив. утверждали, что 1-ое действ. длинно и скучновато—и оба ошиблись; оно и 4-ое вышли едва ли не лучше других. О 1-м действии с похвалою отзывались даже враги, сидевшие в креслах—сам слышал. Пока у нас будут ставить серьезно обдуманные пьесы с 6—7 репетиций, всегда будут недочеты в ансамбле, в средоточии сил на главных выдающихся пунктах, на которых, как на столбах, стоит пьеса. Савина была очень хороша даже в 3 действ.,—несмотря на то, что без всякой надобности садилась спиною к публике и местами была как бы не тверда в своей роли; за нею идет Свободин;—остальные старались—но были обыкновенны как всегда. Пьесу вывезла ее собственная сила и нечего Вам говорить, как я радуюсь ее успеху. Поехал-бы сегодня в театр—но боюсь мороза; из котенка, который засел у меня в горле,—может образоваться целая кошка. Сегодня же сажусь за рассказ, обещанный для „Нов. Врем.“ Обнимаю Вас и целую руки Анне Ивановне.

Душевно преданный

Д. Григорович.

13 дек. 1888.

7.

Вейдлингау 20 Мая—1 Июня (1891).

Дорогой Алексей Сергеевич, приехав в Париж 1-го Мая нашего стиля—я зашел к Плещееву и был крайне раздосадован, узнав, что Вы едва-ли не накануне уехали вместе с милым вашим спутником Чеховым. Воображаю, какое впечатленье после Сахалина — должны были сделать на Чехова Италия и Париж! Таких противуположностей вряд ли кому доставалось испытывать в течение одного и того-же года. Италия, впрочем, вряд ли могла ему понравиться; там положительно не знаешь куда преклонить голову без специальной подготовки;

Венеция, Флоренция и т. д.—ничего больше как скучные города для человека даже умного,—но который прежде не интересовался их историей и особенно не интересовался искусством на столько, чтобы произведения величайших мастеров и даже имена их—не встречались полнейшим равнодушием. Чехов тут ни при чем: русское образование вычеркнуло почему-то изучение древнего искусства; кроме того, Чехов принадлежит к поколенью, которое заметно стало отклоняться от Запада и ближе присматриваться к своему. Так может быть и следует. Я сожалел, что Вы так скоро оставили Париж из эгоистического чувства,—для себя собственно; для Вас—надо было радоваться. Уж на что хорош Париж (земной пуп ошибочно считают в Иерусалиме—он здесь), уж на что люблю я этот город,—но должен сказать: с 1-го Мая до 20-го, когда я из него уехал,—он был никуда не годен, на себя не похож: дождь лил не переставая, дул холодный ветер, напоминавший Шлисельбургские зефиры, несколько раз падал град! Француз,—Вы знаете,—подымет воротник сюртука и думает, что надел шубу; но я в эти дни закутался в кашнѐ и облачился в теплое пальто; невыносимо было в гостинице,—еще хуже было на улице. Отправляясь туда в другой раз—право подумаешь писать завещание. Отводим душу в Клюни, Лувре и на выставках. Заходил к добряку Плещееву, у которого встречался с его сыном и Безобразовым,—двумя Титанами по неутомимости в обжорстве и увеселениях всякого рода. Если М. П. Федоров любит сладко поесть и склонен к увеселениям,—эти два молодца его в лоск уходят. Был у Бернштама, видел Ваш бюст и статуэтку,—то и другое прелесть без всякого преувеличенья: мимо внешнего сходства отдельно каждой части и верности взаимного их отношения, в них замечательно то, что схвачены с поразительной наблюдательностью главные черты, определяющия характер изображаемого лица; жизненность при этом удивительная. Раскрасьте такой бюст,—как это делали старые итальянские мастера,—перед Вами живой человек! И все это делает Бернштам в какие нибудь 6—7 часов. Я это на себе испытал, уступив его просьбе. Ваш бюст, статуэтка и другие произведения Бернштама показывают в нем выдающийся талант и я сделаю все возможное, чтобы поддержать его; это тем более необходимо, что Антокольский, как слышно,—подводит под него хитрые траншеи и всячески интригует; я всегда

думал, что последнего сильно раздули; не будь в Париже в свое время Гинцбурга, Полякова, которые платили в журналы и угощали членов жюри, уверяя, что награда Антокольскому будет приятна России,—никогда-бы Антокольскому не видать парижской медали и почетного легиона. Что Вы намерены с собою делать? Едете-ли в Феодосию или избрали на лето другое место? Я безвыездно остаюсь в своем углу в Вейдлингау до 10 Сентября. Почему в письме к Плещееву называете Вы меня: „железным человеком"? Эпитет не совсем верен: после моей болезни я, в физическом отношении, превратился в совершенную рыхлятину; в нравственном отношении не нужно для меня большого огня, чтобы довести до мягкости воска. Жду Маслова, которому писал, но не получил ответа,—должно быть нет его в Петербурге. Если вздумаете ехать в Биарриц и поедете через Вену,—надеюсь дадите знать; я бы как в прошлом году — приехал встретить Вас на станцию. Обнимаю Вас дружески и приношу мой сердечный поклон Анне Ивановне.

Душевно Вам преданный

Д. Григорович.

Oëusterreich. Wien. Weidlingau—Hadersdorf. Wienergasse, 4. Лишнее говорить, как радостно будет получить от Вас словечко.—

8.

Вейдлингау 20/1 (1892).

Дорогой Алексей Сергеевич,—с тех пор как я 3 Апреля заходил прощаться с Вами, я не имею о Вас никаких известий; никто из проезжавших здесь не мог положительно об'яснить, где Вы проводите лето; узнал я только, что Анна Ив. где то во Франценсбаде. В былое время, я всегда получал от Вас несколько строк; но этот раз я их не дождался. Не знаю как Вы,—но я нынешнее лето провел отвратительно, отчасти благодаря невозможной погоде: беспрерывные дожди, сменяемые холодами, а в Августе такой вдруг зной, от которого нет возможности спастись. Со дня приезда, я не тронулся с места—и что еще хуже,—не чувствовал в этом даже потребности—верный знак наступившего старчества! Начал было писать по-

весть,—но бросил, и вспомнив совет Ваш, принялся писать свои воспоминания [1]. Не воображал я никак, чтобы этот род работы сопрягался с такими трудностями. Писать о себе, вообще как то неловко — даже противно; говорить об умерших — не всегда удобно; после них остаются близкие родные и знакомые, всегда готовые вступаться за покойников несравненно охотнее, чем делали это при их жизни; касаться живых,—еще неудобнее. Надо быть закаленным в грубости и быть облеченным в барабанную шкуру, чтобы, подобно г-же Головачевой, не стесняться, ломить с плеча и прибегать к лисе (sic) и клевете, когда память отказывается служить; ее задача была впрочем иная: ей хотелось выместить злобу не успевшую угомониться в течение 40 лет (каков характер?) против тех, кто выказывал сочувствие Панаеву и из-за него относился к ней не совсем почтительно,—чего она вполне заслуживала. У меня нет злобы против кого-бы то ни было; но я имею другой недостаток, неудобный для писания воспоминаний: мне все представляется не в саркастическом, а в смешном виде; я не умел этим хорошо воспользоваться, а то вышел бы из меня, быть может, изрядный комик; но не в этом дело. Брань легче прощается, чем насмешка; зная это, мне то и дело приходится ставить точку там, где рука зудит написать страницу. Деликатное чувство удерживает с одной стороны,—с другой робость. Помните, я говорил Вам о чувстве робости, свойственной большой части нашим писателям [2], робости, заставляющей смягчать смелость мысли, выражений, ослабляющей в целом живость и краски; робость эта преследует меня теперь более чем когда нибудь. Думаешь: э! была не была,—скажу так; и тут же вычеркиваешь написанное, соображая, что тот обругает, другой осмеет, и т. д. Большие писатели не так делали. Грибоедов ни мало не стеснялся описать все тогдашнее московское общество, включая родных и знакомых; у Гоголя: Земляника — так Земляника!—„Яичница...“—„Я также закусил...“—„Нет, это моя фамилия Яичница!“ Эти молодцы ни перед чем не останавливались и правы, потому что всегда оставались победителями! Мои воспоминания будут похожи на акварельные наброски, а никак не на картину, густо написанную масляными красками. Я провел лето в полном неведении того, что делалось не только в России, но даже в нашем кислочерносливном Петербурге. Весь интерес впрочем сосредоточивался на появлении холеры и назначении

А. А. Татищева в члены госуд. совета. Не понимаю, почему не дают Георгия за храбрость членам гражданского ведомства; меня например уверяли здесь, что в заместители Вышнеградскому серьезно прочат г. Николаева и сей последний готов принять такую должность,—помилуйте, разве это не храбрость.—Скобелев да и только. Что делает наш милейший Чехов? Я часто о нем думаю,—и думаю также, что пора и как еще пора! выступить ему с чем-нибудь крупно-выдающимся. Он не должен забывать, что память у публики коротка и чтобы держаться в ней,—необходимо ее подстегивать. Но всего что хочется сказать не напишешь; размер бумажного листа и труд писания—не только стесняют, но охлаждают живое стремление мыслей. То-ли дело живое слово! В полчаса им выразишь больше и лучше чем целой пачкой писем. Находясь в полной неизвестности на счет Вашего пребывания,—адресую письмо в редакцию; надеюсь оно будет Вам доставлено без замедления. Прощайте, дорогой мой. Надеюсь у Вас все благополучно. Будьте здоровы; целую Вас,—до скорого свидания.

Д. Григорович.

Поклон всем, кто подле Вас и меня помнит.

9.

Дорогой Алексей Сергеевич.

Письмо Ваше меня глубоко тронуло тем чувством, каким оно было продиктовано. Жалею, что Вы предупредили меня: не далее как вчера, я просто тосковал от желания поехать к Вам и по старому обнять Вас; задержало меня не совсем улегшееся чувство огорчения возбужденное не Вами, — даю Вам в этом мое честное слово,—но другим лицом — и возбужденное во мне не его выходкой,—даю Вам в этом опять мое слово,—но злобным чувством человека, способного — из-за такой дряни — держать на сердце более года желание выместить его на мне. Злых людей я всегда старался избегать; глумление над всем и вечное глумление было мне всегда противно; и вот почему, не желая встретиться у Вас с г. Бурениным, я до сих пор у Вас не был. Вы для меня совсем другое дело; Вы были мне всегда не только симпатичны — но я уже давно

Вас люблю совершенно искренно и всем сердцем и прошу Вас этому верить. Я сейчас бы отправился к Вам, еслиб не было так поздно. Я ложусь с облегченным и радостным чувством, что завтра увижу Вас и снова пойдет все по старому и для меня дорогому.

Дружески жму Вам руку.

Григорович.

25 Дек. (1894) [1].

10.

Хотелось бы написать Вам что нибудь веселое, дорогой Алексей Сергеевич, — но долго пришлось бы ждать такого счастливого настроения, — а писать Вам хочется — хотя бы с тем, чтобы о себе напомнить. Я в самом угнетенном нравственном состоянии духа,—и есть от чего: уезжая из Петерб., я думал: приеду в Вену, переночую и рано утром, на другой день, отправлюсь в любимую мою Венецию. Представьте же себе: до сих пор сижу безвыходно в Вейдлингау, не имея даже возможности выйти на воздух. При в'езде в Вену, благодаря северному ветру и холоду, я схватил жестокий бронхит, после которого на другой же день возобновилась моя болезнь (грудная ангина), от которой я чуть не умер 7 лет тому назад. Здесь в атмосфере происходит что-то невероятное: вот ровно три недели как льет дождь, бушует ветер и такой холод, что у нас весь день топятся печки, как в Январе; в окрестностях лежит на метр снегу. Французы приписывают такому явлению влияние de la lune rousse; что это такое la lune rousse? Это разрешат разве только Эльпе [1] и Кайгородов, – но от этого будет не легче. Иногда во время пароксизма думаешь: еще 10 минут таких судорог в груди,—и готово... Куда как скверно! В промежутки пробовал писать — но тут-же бросил; в самом деле хорошего, так как бы хотелось, — не напишешь, — сил нет,—а для посредственного не стоит трудиться и волноваться. Услаждал себя читая в 5-й—6-й раз „Кто виноват?“ Герцена: что за прелесть! Какая сила в ударах кисти, какая кипучая страстность, а блестки остроумия так сверкают точно газ в шампанском. Что было-бы, еслиб такой человек остался исключительно только литератором? Политика с этой стороны,

богословская философия с другой — положительно обокрали русскую литературу. Правда-ли, что Чехов болен и харкает кровью?.. Этого только не доставало! Я очень был рад, что Буренин, – хотя и слабо, но оценил наконец Чехова. Как часто, сидя здесь больной и одинокий, вспоминаю я Ваши милые Четверги, — единственные дни, сближающие меня с литературой и людьми, мне большей частью симпатичными и близкими; как бы там ни было, — но кто литературы отведал, тому она всасывается в кровь и становится насущною потребностью в жизни; меня, по крайней мере, она одна да еще люди к ней причастные, только и интересуют. Найдете минутку свободной (хотя это трудно), — черкните о себе два слова.

Что Вы делаете летом? После семимесячной Петерб. сутолоки и редакторства, вполне законно отдохнуть. Как только погода улучшится и мне будет легче, — уеду долечиваться в Венецию. Вот был бы счастлив встретиться там с Вами. Кланяюсь низенько Анне Ивановне, а Вас сердечно обнимаю.

Д. Григорович.

3/15 Мая 1897.
Вейдлингау. Westbahn.

11.

Weidlingau Hadersdorf 2/14 (1897).

Дорогой Алексей Сергеевич, письмо Ваше от 13 Июля из Ишля я получил, несмотря на совершенно неверный адрес: (Weidlingau Hauptstrasse 4,—вместо Hadersdorf Wienerstrasse 4)— адрес записанный у Вас в книжке; письмо было без конверта и надорвано в придачу. Я крайне удивился: я думал Вы преспокойно проживаете в Гале (Haal подле Стейера), превосходном месте, окруженном с одной стороны горами, лесами и фермами,—с другой: парком, гостиницами и Bad-anstalt отлично устроенном. Экие непоседы право! Надеюсь по крайней мере Вы дольше пробудете в Зальцбурге, — хотя надо сказать, — ничего там особенного не найдете кроме красивых видов и средственных гостиниц. В Инспруке Вы найдете больше развлечений: прогулки разнообразные, замок Амброз — курьез первого сорта, Эгерталь (½ часа от города), где я жил 2 месяца и где Вам и детям будет раздолье бродить по чудным горам. Проживите в Инспруке до 1-го Августа нашего стиля

(лучше будет чем в Швейцарии), я явлюсь тогда к Вам и мы огулом с Чеховым — совершим ту чудную прогулку через Тироль до Базеля, о которой я говорил Вам. До 1-го Сент. Швейцария гадость: жара невыносимая—разве захотите забраться на вершины, где холодно и где все Вы перепростудитесь. Послушайте хоть раз меня старого туриста. Обрадовался я весьма приезду Чехова. Адрес мой я ему дал, но вероятно по свойству русской неаккуратности он давно затерял его. (У Вас он был записан в книжке—и то не так написали).—Вот что надо сделать, чтобы не вышло путаницы: прежде чем Чехов выедет из Сум, — напишите ему немедленно и сообщите мой адрес; мне-же телеграфируйте о дне выезда его из Сум; я узнаю на ж. д. о поездах и рассчитав дни и часы, буду ждать его на платформе в каком-бы часу ни было. Затем прямо повезу его к себе на дачу, дам ему отдохнуть и пошлю Вам телеграмму в Зальцбург или Инспрук о нашем выезде из Вены; оставьте только Ваш адрес в Инспруке или Зальцбурге на почте. Мне необходимо только знать, где Вы будете наверное и потому убедительно прошу, не теряя минуты, дать мне обстоятельный ответ; иначе Чехов—не знающий языка и заграничных порядков—все перепутает и Бог весть куда попадет; — и я с ним — (если только сойдусь с ним в Вене),—никак не найдем Вас. Итак, мой дорогой, прежде всего жду письма о том, где Вы решились нас ждать: в Зальцбурге или Инспруке или другом месте, но другое место было-бы в стороне от пути и повлекло-бы меня и Чехова к лишним расходам. Анне Ивановне целую ручки, детей милых целую в щеки, M-lle Emilie кланяюсь, а Вас дружески обнимаю и жду письмо.

Григорович.

Weidlingau—Hadersdorf. Wienerstrasse 4.

12.

Пятница 7/19 (1897).

Дорогой друг, я в ужасном беспокойстве! Я со вчерашнего дня (четверг) был в 5 час. утра на Nordbahn, в 7½—затем вечером в 5 час. 5 мин., — ночевал бог весть как, снова ждал в 5 утра и 7½, Чехова нет как нет. Что делать? Ради бога будьте терпеливы, уговорите Ан. Ив. еще подождать, иначе вся поездка Чехова пропала; меня эти два дня ожидания ни

свет ни заря на сквозном ветру и холоду—совсем уходили. Подождите, умоляю Вас, ради Чехова еще два дня; я буду спокойнее и завтра же еще Вам телеграфирую. Через 2 часа снова отправлюсь в Вену на ж. д. Есть-ли у него мой адрес? Я ему дал его еще в Петербурге. О Российская неаккуратность и спустя рукава. Просто беда! Беда! Главное ждите его ради самого бога. Завтра телеграмму пошлю Вам и письмо. В таком волнении, что не могу писать.

Обнимаю всех

Эх если бы меня послушали и потерпели бы в Haal—ничего бы этого не было! А то где теперь Чехову искать Вас, если Вы уедете??!!!

Григорович.

13.

Пятница вечером (1897).

Дорогой Алексей Сергеевич, я в истинном горе; сегодня в пятницу, несмотря на усталость и нервное возбуждение,— я не утерпел и снова отправился в Вену на вечерний (последний) поезд Северн. дороги; на нем Чехова опять нет! Я распорядился таким образом: на большом листе написал его имя по-немецки и дав на пиво,—упросил завтра в 5 ч. утра и 7½ также утра орать во все горло его фамилию в то время, как будут обирать билеты у выхода. Сам-же я больше не в силах ждать его; на бумаге написал и свой адрес и просьбу непременно хоть на час заехать в Вейдлингау. Он очевидно выехал во вторник. Не случилось-ли чего? Во всяком случае убедительно прошу Вас обстоятельно написать мне, где Вы намерены пробыть постоянно несколько времени, дабы я смог его направить, когда он приедет. Он положительно без языка и привычки путешествовать за границей,—не может угоняться за Вами не путешествующими, но стремящимися как вихри! Ну что бы стоило отовсюду бросить слово на почту, слово одно; я бы успокоился тогда и по отношению Чехова да и Вас самих; ведь Вы все мне не чужие. Вернувшись сегодня домой в 11 час., я был в таком волнении, что насилу мог писать: руки дрожали как у 100 летнего старца; эти возбуждения мне крайне вредны; не успокоюсь я вполне до того времени, пока

не узнаю что либо положительное о судьбе Чехова. Я рад был бы прожить с ним месяцы, — но в Вейдлингау ему делать нечего: два—три дня и довольно; но быть куда ему? Вот вопрос, который разрешить можно только тогда, как Вы (будете) постоянно извещать меня о Вашем пребывании; везде оставляйте адрес следующего места, куда отправляетесь, по почте; тогда есть еще какая либо возможность Чехову догнать Вас. Я уеду 1-го Августа нашего стиля в Париж и остановлюсь по обыкновении: Rue du Helder. Hot. du Tibre. Ради бога запишите этот адрес и не затеряйте его. Простите мне мое маранье, спешу и к тому же две ночи не спал.

Всех обнимаю.

Григорович.

14.

30/11 Вейдлингау (1897).

Дорогой Алексей Сергеевич. Как я был рад узнать о Вас что-нибудь; Вы перескакиваете неожиданно такие пространства, что можно думать, — странствуете на ковре-самолете. Я впрочем так ездил когда то, когда собирал предметы для музея в Больш. Морской,—но это уже давно, теперь меня бы на это не хватило конечно. Радуюсь сердечно, что Вам всем было хорошо и Вы все здоровы и веселы. Выезжаю я в Париж послезавтра во вторник 1-го Августа, т. е. 13 по новому стилю. Остановлюсь по обыкновению в Rue du Helder, 8. Hot. du Tibre. Я Вам писал об этом,—но Вы вероятно письма посланного в . . . [1] не получили. Убедительно прошу,—как только приедете в Париж, — немедленно дайте мне знать и в записке дайте знать, где и в котором часу Вас можно застать; согласимся хоть вместе обедать, если нельзя мне бродить с Вами по выставке благодаря моей проклятой болезни. Очень-очень хочется Вас всех видеть. Чехов поступил с нами всетаки не по-европейски: следовало обстоятельно написать или телеграфировать о своем намерении, а не заставлять Вас ждать, а меня двое суток тереться на станции ж. д. Что бы там ни было,—но он никогда более не вернет того, что потерял променяв Ялту на путешествие с Вами: славянин распущенный без твердой внутренней опоры, помогающей управлять собою — вот и все! Насколько за него радовался — настолько

теперь сержусь на него. Не рано-ли собираетесь Вы ехать в Биарриц? Сезон купанья там в сентябре, — а то жарко. А впрочем, что загадывать; Париж—не свой брат, как раз затянет. Здесь я встретил нескольких лиц вернувшихся оттуда: чудеса рассказывают о выставке. Славная статья была в „Фигаро“ по поводу приезда в Париж Эдиссона; говорится, что если сделали такую овацию шаху, который не только для человечества, но и для своей Персии ничего путного не сделал,—то чем же надо почтить Эдиссона!? Не прощаюсь с Вами—говорю: до скорого свидания и всех от души целую и обнимаю.

Преданный Вам

Григорович.

15.

Ницца 14/26 Окт. (1898).

Сердечно уважаемый и дорогой
Алексей Сергеевич!

После двухмесячных странствий, переездов с места на место, испытания всяких невзгод с целью отыскать удобный угол для проведения зимы, я остановился наконец в Ницце, несмотря на то, что так называемая: cote d'Azur никогда не была мне симпатична: слишком парадно и дорого. В 1858 г. я был здесь с великим князем Конст. Николаев.; Ницца была деревня с единственной большой гостиницей на Англ. набережной—тогда еще немощеной и без признака пальм; на углу, где теперь роскошный разбойничий притон: Hotel des Anglais, был жалкий домик (une bicoque) с вывеской: Alfonse Karr fleuriste. В настоящее время Ницца разрослась в большой город и представляет сплошной ряд многоэтажных дворцов для помещения приезжих. Благодаря наплыву последних, — преобладающее умственное настроение жителей: обдирание, свирепая эксплуатация, лихорадочная жадность скорой наживы. Но здесь действительно тепло (сегодня жарко в сюртуке) и это прежде всего необходимо для облегчения моего горлового катарра и нервного расстройства в груди. С Апреля до настоящего дня лучшим моим временем был Сентябрь, проведенный в Венеции. Там, между прочим, встретил я г-жу Ласси (жену адвоката, живущего в Вашем доме, приятеля А. П.

Коломнина),—от нее узнал, что милая Ваша Настенька [1] об'явлена невестой. Поздравить Вас и Анну Ивановну не спешу, пока не узнаю, правда ли это. После возмутительного грабительства в гостинице Beau-Rivage, я поместился в Английском пансионе, где с точностью выставлена такса на все предметы и хотя посредственно кормят,—но знаешь вперед размер своих расходов. Русских я еще не встречал; узнал только, что г. Половцев, проживающий в Монте-Карло,—был вчера ночью ограблен (60—75 тысяч франков) и чуть не был убит,—ранен палкой в голову. Он заплатил за жадность,—какая была надобность ему играть в рулетку! Никогда во всю долгую мою жизнь не скучал я так жестоко; каждый день кляну себя за то, что сюда заехал. Единственным моим развлечением служит чтение „Петербургской газеты"; рядом с этим прихожу в недоумение, отчего ни за какие деньги нельзя здесь достать „Нов. Время". Оно так легко покупается в Венеции. С ужасом думаю, что в такой скуке и при таких неудобствах, придется прожить здесь до Марта; к тому же, и пользы в болезни не вижу: горлу нисколько не лучше и нервные спазмы в груди повторяются точно так же как в Петерб. Там, по крайней мере,—я был бы дома, со своими,—что для меня особенно дорого, потому что, вопреки мнению о старческом охлаждении, — я напротив, все более и более дорожу старинными дружескими связями. Каждый Четверг мысленно переношусь к Вам и с горечью переживаю свое отсутствие. Не пугай меня холод по дороге к Вене и в самой Вене—радостно уехал-бы отсюда: так уж теперь опротивела мне Ницца. Найдете свободную минуту, черкните мне, правда ли, что милая Настенька выходит замуж и сами Вы здоровы-ли и все-ли у Вас благополучно. Приношу мой самый сердечный поклон Анне Ивановне, а Вас дружески обнимаю.

Душевно Вам преданный

Д. Григорович.

France—Alpes Maritimes.
Nice. Rue Meyerbeer, 34.
Villa Brice—Pension.

Ницца сегодня в волнении благодаря известиям из Парижа; боятся революции, которая возбудительно подействует на местное население. В гостиницах спешно укладываются. Придется, быть может, и мне бежать отсюда. Этого только недоставало!

16.

Ницца 29 Окт. (1898).

Сердечноуважаемый и дорогой
Алексей Сергеевич!

Ах, как хорошо, когда кого-нибудь любишь! Вы представить себе не можете, как я обрадовался Вашему письму и строчкам милой Анны Ивановны! Подтверждение Вашего ко мне дружеского чувства облегчило тяжелое удрученное состояние, вызванное известием о кончине Полонского. Вы пишите, что присутствуя на панихиде,—считали себя кандидатом „на переселение в другой мир". Нет, дорогой друг, не перебивайте очередь у других; Полонский и я были последними представителями из литературной группы 40-х годов, — очередь очевидно теперь за мною, 77-летним старцем, а Вам надо еще подождать. Я очень любил Я. П. — и сознательно и по привычке. На обеде у Тургенева я говорил, что еслиб раздеть его до нага и поставить против окна, — он внутри показался бы таким чистым и светлым как кристалл, но я тогда несколько слукавил. У Тургенева был все-таки где-то запрятан уголок с запасом язвительной остроты, которую он почему-то тщательно скрывал, но пользовался ею по мере надобности; у меня записано до 20 горьких эпиграмм его работы. Мое сравнение гораздо бы лучше шло к Я. П. Я еще в жизни не встречал человека с душой более чистой, детски наивной; сколько подлостей прошло мимо него, он не замечал их и положительно не верил, что есть зло на свете. Не даром называл я его седым голубем. Амфитеатров, — этот подчас грубоватый, но всегда умный и талантливый человек — написал о покойном две прекрасные горячие статьи. Одну глупость он сделал: снял театр Неметти; я побоялся, что антрепренерство лишит „Нов. Время" столь полезного сотрудника и рад, что ошибся. Вы и Анна Ивановна поразили меня предложением Сигмы! [1] — Ни за что на свете! Он весь—одна неопределенность; он до сих пор не выяснился ни одной сколько нибудь ясной чертой; его черные, быстрые, беспокойные глазки не предвещают ничего доброго. Относительно Вашей Настеньки я всегда мечтал о Чехове... Вот этот был-бы другое дело; не считая сердечную нравственную связь между ним и Вами — вытекающую из

взаимной оценки и служащую гарантией для счастья в будущем,—он сам по себе так мил и честен и талантлив, — что лучшего и желать нельзя. Но как Настенька? Вот вопрос. Как разгадать сердечные стремления молоденькой девушки? Их часто увлекает то, что сознательно противно другим и тут уже не помогут никакие увещания. Они в жизни — как в котильоне: подводят кавалеров, спрашивают: розу или крапиву? Они, чаще всего, наперекор всякому здравому смыслу,— выбирают крапиву. Вы спрашиваете, пишу ли я? Нет, дорогой мой! Хорошего написать нет сил; писать только ради провождения времени и от скуки, — выйдет только скучно; следую благоразумному примеру старых певцов и танцоров, покидающих сцену когда слабеет голос и отказываются служить ноги. Зачем в „Нов. Врем." торжественно возвещено, что я оставил свою виллу в Тироле и на зиму переселился в Ниццу: кому это интересно? Добрым людям может показаться, что я богач и пожалуй еще накрал состояние, между тем как я живу только пенсией и с трудом свожу концы с концами; житье здесь хотя и дорого,—но не дороже чем в Петербурге. Сердечно благодарю за присылку „Нов. Врем."; оно мне чаще еще будет напоминать Эртелев переулок и многих милых людей, там живущих. Я замечаю однако-ж, что на радостях слишком расписался. Благодарю Вас от всего сердца за письмо; оно меня очень, очень обрадовало. Обнимаю Вас и желаю всего хорошего—особенно здоровья.

Душевно Вам преданный

Д. Григорович.

Nice. Alpes Maritimes, 4.
Rue Durante, 4.
Pension Funel.

17.

Ницца 7/19 Декабря (1898).

Еще 10 дней тому назад собирался я Вам писать, дорогой Алексей Сергеевич, но меня остановила телеграмма, полученная от А. Петр [1]; в ней говорится, что на мое имя высылается 200 р. для передачи г. Молчанову. Я ждал, думая, что при телеграмме будет какое-нибудь об'яснение и вслед за тем

письмо с указаниями о том, как передать деньги и что сказать при этом. Вместо денег получаю письмо Ваше и после свидания с Молчановым отвечаю: предполагать на секунду, что Вы, по отношению к сотрудникам, ограничиваетесь мелкими притеснительными расчетами и смотрите на них как на тружеников, на трутней без всякого к ним сердечного участия, — значило бы не знать Вас и находиться под обаянием какого нибудь гнусного клеветника. Из об'яснений с г. Молчановым я увидел к удовольствию моему, что лично к Вам он преисполнен лучших чувств; недовольство его имеет другое основание, о котором мне говорить весьма тяжело. Он убежден например, что письма его к Вам часто не доходят по назначению, что между Вами и им существуют посредники, питающие к нему личную ненависть, желающие во что бы то ни было его удаления от „Нов. Врем.“. Вызвав его на откровенность по желанию Вашему, я мог его успокоить тем только, что взял на себя послать его письмо в конверте, писанном моей рукою. Он просит, что если будет ответ, то чтобы он послан был на мое имя. Недоверчивость его может быть следствием его болезни, точно так же как может иметь какое нибудь основание. Боже меня упаси делать какие нибудь намеки и предположения! По натуре моей я склонен скорее думать всегда о людях хорошее чем дурное; способность наблюдательности и старческий опыт не научили меня смотреть иначе, не взирая на многие горькие уроки. В редакции „Нов. Врем.“ я хорошо знаю и искренно люблю только Вас и Анну Ивановну; ближе других были мне всегда Буренин и Маслов; с остальными я только встречался и следовательно не могу позволить себе делать какие либо выводы и заключения, основываясь только на личных внешних впечатлениях. Вы 1000 раз лучше знаете, насколько могут быть справедливы или нет подозрения г. Молчанова. Студенческая история в Москве меня сильно взволновала. Я знаю долю, которую надо отдать отзывам иностранных газет,—но все-таки горько! Опять жертвы! Желал бы я только, чтобы в их число попали главные зачинщики, т. е. некоторые из начальствующих. Наша молодежь при естественной своей горячности крайне мягка и податлива; с нею легко ладить; стоит не льстить ей, унижая тем свое достоинство,—а относиться всегда честно, благородно, правдиво и не говорить с нею тоном полицейского агента. Главным виновни-

ком в таких несчастных историях, — если дать себе труд копнуть глубже, — всегда бывает или набитый безтактный дурак или подлый прислужник. Отчего в университетах на Западе меньше без сравнения волнений и историй? Неужто молодежь наша хуже той? Нет,—хуже взрослые люди [1]), хуже профессора без таланта и обаяния, хуже начальство, приставленное к делу ради служебной карьеры, бесстыдно занимающееся мимо университета разными гешефтами, служащее в разных банках и проч.—и тем конечно теряющее уважение в глазах молодежи, вообще бескорыстной и легко увлекающейся. Когда в полку случается история—отвечает всегда начальник и этим нисколько не боятся показать ошибку неудачного назначения; в учебных заведениях выбор начальства — считается всегда как бы непогрешимым, как бы утвержденным не г. Георгиевским, а самим богом! Беда еще в том, что при выборе людей куда бы то ни было руководит всегда чувство недоверчивости, основанное всегда на известной степени самостоятельности лиц талантливых, способных, живых, энергических; основываясь на этом, выбирают всегда так называемых с в о и х, забывая, что только первые в самом деле годны вести успешно любое дело, что только в них и спасение и примирение. Сейчас прочел статью о картине Крамского; одной фразы в ней не понимаю: „Крамской второй после Иванова мученик русского искусства“... Почему мученик?!. Что Иванов и Крамской испытывали по временам мученье при исполнении—один—Явления Христа народу,—другой—Спасителя перед Пилатом— это также естественно, как то, что они пили, ели, спали, дышали воздухом; чувство этого рода мучения знакомо более или менее каждому художнику; оно личное дело и нигде никогда и никем не выставлялось как нечто особенно трогательное, выгодно освещающее внутренний мир художника и как бы даже оправдывающее неоконченность его произведения. Преображение Рафаэля также было неокончено, когда он умер; он также писал его вероятно не с легким сердцем; картина после смерти была докончена его учеником Ж. Романо. Все это так просто, так натурально. Каждый из великих мастеров написал не одно, а множество чудных произведений — чисто

---

[1]) Первоначально было написано: „хуже начальство“, но потом зачеркнуто и написано как в тексте.

колоссальных размеров—и все они были закончены. Рафаэль, скончавшийся 37 лет, — в одном Ватикане написал 9 громадных фреск, не считая сотни картин—и все они также закончены до тонкости. А уж чего кажется было время: зависть, не останавливающаяся ни перед чем и при разнузданности тогдашних нравов кончавшаяся ядом и стилетом, — суровый контроль и подозрительность церкви, необходимость рабского преклонения перед вельможами и кардиналами, материальные неудобства всякого рода и т. д. Перечень того, что должен был выстрадать один Доминикано,—автор знаменитой картины, причащение св. Иеронима,— мог бы составить целый том. Вот этих людей действительно можно назвать мучениками искусства! Иванов и Крамской жили в лучшее время: никто их не преследовал, никто не угнетал,—напротив; часто мешали домашние обстоятельства, но они удел каждого живущего трудом и неправильно брать их в соображение и что либо ими оправдывать при оценке художественного произведения. Как Иванов так и Крамской не окончили своих картин по другой причине. Оба задали себе задачу, которая превышала их силы, превышала средства, данные им природой. Сознание бессилия и внутренняя борьба против нее не давали им покоя и постепенно разжигали их самолюбие, которое собственно и мешало работать; — словом, у обоих было больше ума и самолюбия, чем инстинктворческого таланта. При таких условиях, страдальческий крест, которым отягчают Иванова и Крамского, мало даже интересен и если он был тяжел, вина в них самих, а не в ком другом. Странное дело: нет страны, где-бы такою щедрой рукою (с легкой руки В. В. Стасова) — рассыпались венки славы, страдальческие пальмы и юбилеи как у нас в России; не потому-ли это, что мы сравнительно меньше других трудимся и всякая более или менее видная работа считается уже диковинкой! О себе скажу: что если здоровье мое поправляется, то разве на курячий шаг; и то слава богу. Пишу когда есть расположение—когда нет — и это чаще, — читаю. Здесь прекрасная библиотека и множество читален, снабженных газетами всего мира. Без этого в Ницце такая смертная скука, что ради развлечения оставалось-бы только броситься со скалы в море. Вот сколько написал! Не доказывает-ли это, что я оживляюсь как только нахожусь с Вами. Вы пишете: приезжайте! Хорошо,—но как это сделать; это значило-бы из

полымя броситься в крещенский прорубь и схватить белую горячку и умереть; но жить еще хочется. Дорогой умнице Анне Ивановне приношу мой сердечный поклон, а Вас дружески обнимаю.

Д. Григорович.

Вот мой новый адрес:
Nice. Rue Meyerbeer, 34.
Pension Funel. Здесь и дешевле и лучше чем в прежнем.

18.

Вейдлингау 8 Мая (1899).

Сердечноуважаемый и дорогой
Алексей Сергеевич.

Давно не писал я Вам; удерживала боязнь надоесть Вам моими жеромьядами о печальном состоянии моей болезни, которой конца не вижу; пострадав в Ницце три месяца жесточайшим бронхитом, я переехал сюда и внезапно заболел не менее жестоким катарром желудка — следствие отвратительного 3-х месячного питания в пансионе. Словом мне очень скверно; в моем здоровом организме очевидно совершился перелом и надо думать о том, чтобы скорей вернуться в Пет., дабы не умереть здесь на чужбине; я прежде думал, что это все равно,—а теперь,—как серьезно приспичило, что-то не хочется. Странное дело! Я до сих пор как бы жил в полном заблуждении моих лет; мне все казалось, что я застыл на 60 годах—и вдруг, совершенно неожиданно, перескочил на 78-й год! Я убедился в этом теперь только, когда две несложные в сущности болезни, не уступая никаким лечениям, довели меня до настоящего состояния. Я так ослаб, так состарился, в эту зиму, что меня узнать нельзя: совершенный старец. Я нисколько не удивился, не встречая более на стр. „Нов. Врем.“ имен Амфитеатрова и Фингала [1]; я предчувствовал, что с этими рыцарями „аванса“ Вам долго не ужиться. Обе эти личности хотя и не без дарования,—но уже через меру грубы и невоспитаны. Наказание последует обоим от газеты, затеянной Амфитеатровым в противувес „Нов. Вр.“: она сядет на мель и они вместе с нею; дальше некуда,—везде задолжали [2]. Вы вообще нынешнюю зиму имели много неприятностей и вероятно, только

и думаете,—как бы отпраздновать память Пушкина [3] и уехать. С другой стороны вознаградил Вас небывалый успех Вашего театра. В письмах своих ко мне добрейший Всеволожский забыть этого не может. 75 представлений одной и той-же пьесы в один сезон! Ничего подобного у нас еще не было! Честь и слава и режиссерам и актерам! Я уже скрепя сердце примирился с мыслью, что лишен возможности присутствовать при празднествах Пушкина; благодаря этому, чувствую себя окончательно выброшенным за борт, оставленным за штатом в русской литературе, которой служил всегда честно. Благодарю промысел, что сохранилось еще зрение, позволяющее мне читать. Прием по одной чайной ложке романа Толстого [4] действует раздражительно, во вред целому впечатлению; а все-таки Г. Маркс молодец, что завладел им! Где Вы будете летом? Пора, право пора отдохнуть и успокоить нервы от постоянного возбуждения. Как ни трудно,—найдите минуту написать несколько слов о себе; Вы знаете, что я искренно люблю Вас и живо интересуюсь Вашей семьей. Анне Ивановне мой усердный поклон. Дружески обнимаю. [5]

Д. Григорович.

Oeusterreich Wien
Weidlingau Cottagegasse, 4.

V.

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ.

1.

15 Мая 77.

Милостивый Государь
Алексей Сергеевич,

Извините, что Вас обеспокоил и даже, кажется, Вас из-за меня разбудили. Я сам сплю до 2-х часов, когда работаю, и понимаю, как досадно когда потревожат. Но тогда г. . . . инский [1] прямо, помнится, сказал: „ну так в Воскресенье в 3 часа"— и все так согласились. Значит я ошибся. Так как я через два дня выезжаю из Петербурга, то вижу, что дело это, для меня по крайней мере, покончено.

Рассчитывал тоже, увидя Вас, не отказать себе в удовольствии заявить Вам о приятном впечатлении на меня по поводу собственно Ваших нескольких слов, на прошлой неделе, об Анне Карениной [2]. Хорошо то, что в наше смущенное время Вы провозглашаете важность литературного явления как общественного факта, не боясь величия войны и прочего. Этот новый взгляд в Вашей газете очень отраден. Ради Христа не примите с моей стороны за похвалу и поощрение к дальнейшему. Я просто выражаю мое удовольствие, которое-бы наверно выразил Вам, еслиб удалось встретиться, и лично. Теперь все дело у нас—в образе отношений к известным фактам, мыслям, явлениям. Вот этот-то образ отношений для многих совершенно неведом и еще не открыт и все только мятутся и суетятся. Но извините, и примите как искреннее слово

Вашего слуги,

Ф. Достоевского.

Старая Русса
14 Мая 80.

Многоуважаемый
Алексей Сергеевич,

Благодарю Вас за Ваше любезное письмо. Пред самым от'ездом из Петербурга получил я от Юрьева (как председателя Общества Люб. Р. Словесности), и кроме того от самого Общества официальное приглашение прибыть в Москву и сказать „свое слово", как они выражаются, на заседаниях „Любителей" 27 и 28 Мая, 26-г оже Мая будет обед, на котором тоже говорить будут речи [1]. Говорить будут Тургенев, Писемский, Островский, Ив. Аксаков и кажется действительно многие другие. Сверх того меня выбрало Славянское благотв. Общество присутствовать на открытии Памятника и в заседаниях „Любителей" как своего представителя. Я решил что выеду из Руссы 23. Приезжать мне опять в Петербург (за билетом) невозможно, а потому если на станции Чудово не добуду билета на экстренный поезд, то поеду по обыкновенному билету. Благодарю за Ваше предложение взять мне билет, но выходит что мне сподручнее и выгоднее взять самому. Известие что Вы может быть не поедете мне очень неприятно: веселее было-бы нам, петербургским гостям, быть там в более сплошной кучке. А потому: нельзя ли Вам постараться приехать? Постарайтесь-ка! Известие о Буренине, уехавшем на Волгу, мне тоже не нравится: я ждал не напишет ли он чего нибудь об моем последнем отрывке Карамазовых, ибо мнением его дорожу. На счет глупенькой „каймы" не знаю что Вам и сказать[2]. Словами в Нов. Времени (о кайме) я конечно доволен[3]. Если сам что нибудь напишу, то когда нибудь потом, когда начну мои „Литературные Воспоминания" (а их начну непременно). Но еслибы теперь Вы, например, как издатель газеты, поместили бы в ней всего пять строк в том смысле что: „мы де получили от Ф. М. Достоевского формальное заявление что никогда ничего подобного рассказанному в Вестн. Европы (на счет каймы) не было и не могло быть", и проч. и проч. (формулировка по вашему усмотрению), то я был бы Вам весьма за это благодарен[4]. На счет дела Веймара в выс-

шей степени согласен с Вами[5] —Но зачем Вы хвалите Пашкова и зачем Вы написали (сейчас прочел в № от 13 Мая) что Пашков хорошо делает что проповедует? И кто это духовное лицо, которое дня три тому назад напечатало у Вас статью в защиту Пашковцев? Неприглядная это статья[6].— Извините, пожалуйста, за эту откровенность. Мне именно потому и досадно что все это является в Новом Времени, — в газете, которую я люблю.

Искренно Вас уважающий

Ф. Достоевский.

P. S. А где бы Вы остановились в Москве, еслиб надумали приехать? Я постараюсь остановиться или в „Европейской гостиннице“ (против Малого театра), или, если не добуду в ней места, то в гостиннице Дюссо (весьма недалеко от Европейской). 24-го вечером вероятно буду в Москве.

VI.

А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВ.

Милостивый Государь

Алексей Сергеевич,

Позвольте мне чрез посредство Вашей газеты сделать несколько заявлений.

I.

Прежде всего я имею честь принести глубокую благодарность всем лицам, обществам и редакциям газет и журналов, почтившим меня поздравлениями и приветами в день моего 50-летнего литературного юбилея. В настоящее время чувствуя себя ни в силах ни лично, ни даже письменно засвидетельствовать мою признательность, я прошу снисходительного отношения к избранному мною способу выражения моих чувств, как единственно мне теперь доступному. Я был бы сердечно благодарен газетам, которые взяли бы на себя труд перепечатать мое настоящее заявление.

II.

Я должен сказать несколько слов по поводу заметки Ю. Д. Беляева, напечатанной 14 февраля в Новом Времени. 1) Только в последние года и преимущественно после смерти брата моего Александра Михайловича, случалось мне слышать, что остроумные его шутки приписывались мне. Во время же нашей юности всем нашим знакомым было известно, что главным и даже, за весьма малыми исключениями, единственным действующим лицом в этих шутках и, как выражается г. Беляев, проделках был Александр Михайлович. Он же был известен как превосходный актер на домашних спектаклях. Разнообразные созданные им типы высоко ценились М. С. Щепкиным, П. М. Садов-

ским и И. Ф. Горбуновым. 2) Что касается до его участия в творениях Козьмы Пруткова, собранных и изданных покойным братом нашим Владимиром Михайловичем и мною, то о степени этого участия сказано точно и определительно в предисловии к изданию Пруткова (а равно и об участии Ершова). Там перечислены и переименованы те басни, которые обязаны своим существованием Александру Михайловичу. В сочинении изречений (Плоды раздумья) он, к сожалению, никакого участия не принимал, потому что находился в Оренбурге при нашем дяде графе Василии Алексеевиче Перовском, бывшем в то время Оренбургским Генерал-губернатором; между тем как Прутковские афоризмы писались в Петербурге. По поводу трех „непременных членов" К. Пруткова, т. е. графа Алексея Толстого, брата Владимира и меня, я нахожу нужным войти в некоторые об'яснения и подробности; но для этого я должен предварительно навести справки. Такую нетрудную работу я однако вынужден по причине чувствуемого мною утомления *).

III.

Я получил письмо, автор которого замечает, что в моем curriculum vitae, напечатанном недавно в Новом Времени, не упоминается о моем пребывании в Вильне в должности губернатора. Об этом обстоятельстве не упоминается потому, что губернатором в Вильне был покойный брат мой Александр Михайлович, а не я, Алексей, на имя которого письмо однако было адресовано. Пользуюсь этим случаем, чтобы повторить мое заявление, напечатанное еще в 1892 году, в автобиографическом очерке, находящемся при собрании моих стихотворений, что я никогда по М-ву внутренних дел не служил, а следовательно нигде не мог быть ни губернатором, ни вице-губернатором.

IV.

По поводу моего юбилея, в некоторых провинциальных изданиях: Киевском Слове, Орловском Вестнике, Одесском Дневнике, Варшавском Дневнике и других, меня называют Александром Михайловичем, причем говорится обо мне не только как об участнике в издании Пруткова, но и как об

*) Далее несколько строк вычеркнуто.

авторе всех моих стихотворений. Эта ошибка произошла, может быть, потому что в известном большом энциклопедическом лексиконе находится посвященная мне статья Владимира Сергеевича Соловьева, озаглавленная: Александр Михайлович Жемчужников. Это — не ошибка автора (в его рукописи, у меня хранящейся, я назван моим настоящим именем); это — опечатка, оговоренная в последующем выпуске лексикона *).

Алексей Жемчужников.

17 февраля 1900.

Извините за помарки и неразборчивость почерка. Опасаюсь по этой причине возможности опечаток [1].

*) Далее вычеркнуто следующее: V. Исправляю неточности, вкравшиеся в статью, помещенную в Новом Времени от... февраля и подписанную господином Петром Быковым. 1) Имя моей матери: Ольга, а не Елизавета. 2) Я родился не в Петербурге, а в Черниговской губернии, в местечке Почепе, принадлежавшем тогда графу Алексею Кирилловичу Разумовскому.

VII.

Н. Н. ЗЛАТОВРАТСКИЙ.

1.

Согласно предложению редакции я насколько возможно сократил и исправил свою статейку и в таком виде снова посылаю на ее усмотрение, с покорнейшею просьбою поместить ее, если то будет возможно, поскорее. Вместе с тем покорнейше прошу редакцию уведомить меня по получении ее о своем решении и о времени ее помещения, а также и о размере гонорара.

Что же касается до желания редакции, чтобы я пополнил свою статью более свежим и новым материалом,—то, к сожалению, должен сказать, что этого исполнить почти не мог, по не имению в руках материала в настоящее время. Если редакция найдет возможным доставлять мне этот материал,—в виде Земских Сборников,—то я с готовностью принял бы на себя разработку его и время от времени (но не обязательно) мог бы доставлять редакции очерки земской печати.—Кстати могу указать редакции, что подписка на Владимирский Земский Сборник принимается в магазине Надеина (Иногород) и стоит в год, за 12 книг, 3 р. 50 к.

Мне очень было бы желательно войти по этому поводу в личные переговоры с почтенной редакцией, но болезнь не позволяет мне выходить из дому и дает очень мало времени для работы.

Надеюсь, что редакция не оставит меня письменно уведомить, по адресу: Петербургск. стор. д. № 16, кв 5, по Татарскому переулку, Никол. Никол. Златовратскому.

1876 г. 12 Апреля.

2.

Покорнейше прошу уважаемую редакцию „Нового Времени“, если она найдет возможным, поместить прилагаемый рассказ мой „Федька“ в последних номерах настоящего или в первых будущего года.

Если рассказ не будет принят редакцией, — то прошу похранить его до востребования [1].

Во всяком же случае я прошу редакцию возможно поскорее известить меня о своем решении, по следующему адресу:

Москва, Гостиница „Кремль“, против Александровского сада, № 2-й. Николаю Никол-чу З-му.

Что касается гонорара, в случае принятия статьи,—то предоставляю это усмотрению уважаемой редакции.

Готовый к услугам редакции

Н. Златовратский

20 Декабря 1876.

3.

21-го Октября 1879 г.

Милостивый Государь
Алексей Сергеевич.

В течение настоящего года в „Отечеств. Зап.“ помещается ряд моих статей под заглавием „Деревенские будни“; с Октябрьской кн. началось печатание второй части их, которая будет кончена в Декабре. Статьи эти, насколько мне известно, имели некоторый успех. Впрочем, судить об этом—Ваше дело. Я только хотел бы предложить Вам:—не сочтете-ли Вы возможным сделать отдельное издание „Деревенских будней“? В журнале эти статьи не подписаны моим именем, но, буде это нужно, их можно издать под полной моей фамилией; кроме того, я пересмотрю их и исправлю все слабые места.

Если Вы примете мое предложение, то об условиях не откажите сообщить мне по адресу: СПБ. Харьковская ул. д. № 1—4, кв. 14 [1].

Готовый к услугам Вашим

Н. Златовратский.

VIII.

Н. С. ЛЕСКОВ.

1.

8 Окт. 83.

Уважаемый Алексей Сергеевич!

В высокой степени любопытно то, что Лев Толстой сделал, но „Петерб. Ведом.“ врут, что он отказался будто потому, что христианину нельзя судить [1]. Есть текст „по суду любящих имя Твое—спаси мя“ [2]. Судить самый высокий христианин может и суд его будет благ, ибо „любя имя божие“ он может „спасти“, а не погубить. Судиться „у своих“, т. е. у верующих, даже повелевается св. писанием.—Дело вероятно зависело от присяги, от ее убийственного для христианской совести текста, повелевающего нам „клясться богом“. Я об этом в прошлом году давал заметку Вам. Гей ее (в Ваше отсутствие) счел негодною — и возвратил, — она напечатана под моим же именем у Аксакова, с заглавием „Снедаемое слово“ [3]. Многие не произносят—„снедают“ слова присяги,—Толстой очевидно на это лукавство не согласился. Но он не один таков. Из Военного Министерства ко мне приезжал три раза казачий генерал Хрещатицкий, присланный по поводу той же моей статьи в „Руси“, с просьбою комиссии по учреждению войск „составить новый, иной текст присяги“, т. к. и в войсках люди (особенно казаки) тяготятся ужасающими клятвами русской присяги. Я два раза отклонял от себя это, но потом составил новый текст присяги, кажется довольно удачно. Хрещатицкий опять приехал ко мне благодарить меня и передавал „общий восторг“. Присяга написана коротко, стильно, в христианском духе, без угрожений и самонадеянности.

Нынче по зиме это должно решиться для войск, но доколе же будет оставаться все это в нынешнем возмутительном виде для людей гражданских? Случай с Толстым

слишком благоприятен, чтобы теперь промолчать об этом в чуткой газете. По крайней мере я так думаю и за напоминание о том прошу у Вас извинения.

Имя генерала Хрещатицкого, конечно, неудобно, упоминать но о деле, думается, можно бы написать хорошую передовую статейку.

Ваш покорный слуга *Н. Лесков.*

А Толстому, знаете-ли, чего хочется?... Он совсем онародовел и „жаждет пострадать“. Поверьте, что это так!

2.

9 Окт. 83. СПБ.

С величайшим бы удовольствием исполнил о чем Вы мне пишете, Алексей Сергеевич, но я завтра уезжаю в Москву, и теперь весь в сборах и хлопотах; а это надо написать спокойно и хорошенько. По приезде назад с радостью это сделаю. Это ведь не к спеху.

О Льве Н. Толстом я совершенно тех же мыслей, как и Вы, но это не исключает сбыточности моих предположений насчет „желания“ постраждовать. Он будет рад, если его позовут к суду за ересь, но этого, как Вы справедливо думаете,— не будет. Желание постраждовать, ведь, даже прямо выражено им в конце его предисловия к его евангелию. Вихляется он—несомненно, но точку он видит верную: христианство есть учение жизненное, а не отвлеченное, и испорчено оно тем, что его делали отвлеченностью. „Все религии хороши, пока их не испортили жрецы“. У нас византиизм, а не христианство, и Толстой против этого бьется с достоинством, желая указать в евангелии не столько „путь к небу“, сколько „смысл жизни“. Есть места, где он даже соприкасается с идеями Бокля. Старое христианство просто видимо отжило и для „смысла жизни“ уже ничего сделать не может.

На церковность не для чего злиться, но хлопотать надо не о ней. Ее время прошло и никогда более не возвратится, между тем, как цели христианства вечны.

Поступки Толстого „есть чудачество“, но оно в народном духе.

Разве Вы думаете, там тоже не чудачат? Но ведь без этого нельзя.—По приезде приду к Вам и поговорим.

Ваш *Н. Лесков.*

3.

3 Марта 86 г. Спб.

Простите меня, старый Коллега, что я два дня не ответил на Ваше дорогое и милое письмо! Я Вам не лгал: я болен и, еще больше,—расстроен. Я был бы „не к пиру гость“, но я был все время с Вами, и притом очень близко, и очень приятно. До 12 час. я говорил и спорил о Вас и внушал добрые к Вам чувства, находя в собственной душе моей для Вас мир и благословение. „Несть бо человек, иже поживет и не согрешит“.—До 5 часов утра я читал полученные из Москвы новые тетрадки Льва Толстого и... все время с Вами... Я чувствовал: „как он до святости искренен!“ И слышал, как это Вас радовало и восторгало.—В 5 час. я сам открыл бутылку красного вина и выпил ее всю за Ваше здоровье,—при чем подошел к окну, поглядел в Вашу сторону и сказал: „будь, друг, счастлив!“ На другой день нашел у подушки Ваше прекрасное письмо и... рассмеялся. Выходит, что мы оба всю эту ночь были вместе и притом в самом хорошем друг к другу настроении... Много-ли таких воспоминаний в жизни?.. Я свернул Ваше письмо и положил его в своей божничке Строгановскому Спасу за спину. Он у меня бережет то, что мне нравственно дорого.

Спасибо Вам за это письмо.

Что мы не умеем сойтись плотнее,—это конечно досадно, но хорошо и то, что добрые чувства все-таки живут в нас.

Я зайду скоро, а пока напечатайте-ка прилагаемую заметочку о пасквильных акростихах. Поэт тут упоминаемый есть Д. Минаев. Событие, разумеется верно, как то, что я чту имя божие.

Ваш *Н. Лесков*.

PS. А замечаете-ли Вы, что Лев Толстой и в нынешнем своем настроении о ж и в л я е т литературу. Он шевелит совесть, будит мысль, переустанавливает точки зрения на лица и репутации... Сколько-бы дела и интереса для независимой критики, чтобы все это разобрать и оценить? Отчего же этим не занимаются? Ведь это живо, любопытно и полезно!

18 Марта 88 г. Спб.

Критическая статья о картине К. Маковского „Смерть Грозного“—очень умна, метка и справедлива [1]. Несмотря на ее спешность, она останется памятною и художнику и читателям. Картина истолкована прекрасно, а что от нее следовало спрашивать—показано еще лучше. Вы напрасно жаловались на утрату чуткости и вкуса, а я вам возражал „в правиле“. Это очень хорошая, умная, зрелая и, в то же время, спокойная и необидная заметка. М—к стыдно будет, если он рассердится, или обидится. Так бы надо писать и обо всех,—кроме подлецов (т. е. людей продажных), но к сожалению—так не пишут ни о ком. К замечаниям о представленном я прибавил бы, что Ирина ни в каком случае не могла „на-людях“ стоять в той позе, в какой она поставлена около мужа. Как ни исключителен момент, но женщина русского воспитании того века не могла себе позволить „на людях мужа лапити“, а она его удерживает „облапя“. Читайте Забелина, вспомните типический взгляд Кабанихи (Островского)—схваченный гениально, наконец проникнитесь всем духом той эпохи, и вы почувствуете, что это „лапание“ есть ложь и непонимание, как сцена могла сложиться в московско-татарском вкусе, а не во вкусе „живых картин“ постановки К. Е. Маковского. Вы этого не заметили, или я говорю вздор? По-моему—я говорю дело... И далее: бездушность женских лиц в картинах Маковского есть их специальная черта. Многим думается, что в русских картинах это и кстати, т. к. русские женщины „были коровы“. Это однако глупо и неправда. Были коровы, а были и не коровы, и Ирина, смею думать, не была корова, а она была баба с лукавиной и двоедушием. Неужели это не черты для живописца?.. У Алексея Толстого в „Потоке—богатыре“ есть боярышня, которая ругается: „сукин сын, неумытое рыло“ и т. д., а потом прибавляет про свой „девичий стыд“... Вот это наша старинная „царевна“ и даже „царица“... на-людях“ очей не поднимает, а „в дальней клети с соборным певцом... окарачивает“. Художники боятся льстить,—это хорошо,—но они не знают, что сами у себя характерную и вовсе не

лестную правду жизни крадут. У меня есть этюд головы „боярышни“ стыдливой, но с..., и никто из М. и Р. до него не долезет. Я его когда нибудь принесу Вам показать. И не забудьте, что он писан девушкой (т. е. настоящей „мамзель, а не гут-морген“). Что же М.—то все свою красивую куклу мажет!

5.

20 Марта 88.

В полученной сегодня мартовской книжке „Русской Мысли“ есть статья о картине Маковского. Статья подписана „П. К...ским“. Кто это—я не знаю. Он во всяком случае „не на высоте своего призвания“. Статья только льстит М—му.

В этой же книге есть о книжках „Дешевой библиотеки“—обо мне и о Гр. Петровиче Д. и о цене [1]. Я в добрых отношениях с редакциею „Р. М-ли“, но об отзывах о себе не хлопочу и с Гр. Петр. рядом становиться не стремился. Кем писан отзыв—не знаю. Во всяком разе, в вопросе о местничестве, не я добивался сесть под Гр. П—ча, а разве уж его ласка была меня „под себя“ посадить. Я ничего против этого не имею, но и против Вас за цену никогда не говорил и не говорю. Я очень доволен, что „Запеч. Ангел“ [2] стоит 20 к. вместо 1 р. 50 к., что и удостоверяю.

Н. Лесков.

6.

25 Марта 88 г.

Простите, Алексей Сергеевич, что я три дня медлю ответом на Ваше письмецо. Это потому, что хотел ответить обстоятельно.—„Монашеские острова“, где описана поездка на Валаам, наход. при базуновском издании „Запеч. ангела“. Их кое-кто любит, но я их терпеть не могу и всегда отрываю и бросаю. У меня их нет, именно п. ч. не люблю их —Что Вы спрашиваете о Дамаскине?.. [1] Я не совсем понимаю вопрос Ваш. Я о нем ни чего не писал; что о нем писал Алексей Толстой—то Вы знаете: на церковно-слав. языке есть „житие“ и потом еще „жизнеописание“. Я вчера справлялся и ни чего

не нашел более. По историч. источн. он, надо думать, был „песнотворец“ и вообще „художеств. натура“ и порядочный интриган. Христианство он понимал навыворот и был неразборчив в средствах борьбы. Это не Исаак Сирин, который искал истины и милосердия, а Дамаскин вредил людям, которые стояли за христианский идеал и довел дело до „иконопоклонения“. Но я все-таки не знаю: что Вы спрашиваете о Дамаскине и может быть отвечаю Вам невпопад.—О „Маргарите“ [2] надо знать: сколько за него просят и какого он выхода? В этом есть разница. Но вообще на что он Вам?.. По моему мнению—ни на что он Вам никогда не понадобится, и никакой прелести в библиотеке не составит. Лучше уж купите когда нибудь одну книгу (рукописную) „Зерцало великое“, чтобы человек мог притти к Вам и просить позволения „позаняться“, а то срам, что надо в Москву к Буслаеву ездить. А „Маргаритов“ сколько угодно у староверов и им их и читать, а литератору они ни на что ненужны.—Таково мое посильное мнение.—Что „Аза“ [3] Вам нравится—этому я, понятно, очень рад. Я с нею столько мучился (буквально-мучился), что сам к ней примучился. Вчера приходил Полонский, которому я обещал отдать первую черновую, и трогательно меня целовал и все говорил мне милое и теплое. „Аза“ писана с любовью и крайне тщательно.—Прошу Вас — велите набрать ее ранее и оставить корректуру у меня на ночь. Это очень полезно. А то принесут на полчаса и сидят над душою. Я еще хотел бы в двух местах крошечку тронуть.—Прикажите тиснуть и прислать, а я возвращу когда назначите, т. е. через ночь.—Книгу Крамского [4] взял с Вашего дозволения и многое в ней проследовал, напр. о Ледакове, Александрове, Стасове, Исаеве, Булгакове и др. Это лучший способ читать такие книги, и этим же способом узнаешь личность автора... Боже, сколько вздора все мы говорим и пишем! Н. И. Крамской по моему не был „хамелеон“, но был „с лукавинкой“, без чего „нельзя на московском государстве жить“. Если бы был теперь ловкий фельетонист—он бы по этой книге мог написать 2—3 такие штуки, что люди запрыгали бы, кто со злости, кто с радости, но это требует труда,—и умного чтения, выборки и лукаво-добродушного изложения. А могло бы выйдти много qui—pro quo, и много смеху и колкости.—За книгу эту усердно Вас благодарю и кое-где пущу о ней весть в тоне забирающем и духу

органа соответствующем. Но позвольте снахальничать и по-купечески еще что-то вымаклачить. В „агенстве“ смеются надо мною—как они „нажили“ на „Смехе и горе“ [5]. Знаете, как это колет... У русских купцов есть обычай в таковых разах давать „утешение“. Я похвалился при всех, что выпрошу себе у Вас „утешение“ в виде экземпляра Лейкснера [6] и может быть даже в переплете... Посудите теперь: каково мое положение, если Вы на это промолчите? А „прикинуть“ право стоит. – „Подозрительность“ во мне может быть есть. Вошневский писал об этом целые трактаты и изъяснял—откуда она произошла. Он называет ее даже „злопомнительством“, но ведь со мною так долго и так зло поступали... Что нибудь, чай, засело в печенях... Притом я знаю натуру того, с кем рядом упомянут: ему мало прилепить пятно, а еще надо и почесывать, а Вы—человек впечатлительный... Мы много прожили вместе и я не хочу ни чем огорчить Вас, и потому вперед себя ограждаю от наветов „мужа льстива и двоязычна“. Я люблю сказать прямо и сам прямое слово слушаю без досады и раздражения. Заметку о скотах опять Вам посылаю. Вы ее прочтите, разорвите и бросьте,—мне она ненужна: но разве это не надо знать газете?... Я не понимаю Вас. Это большое дело. Не нравится Финляндия — вычеркните ее, но ведь р. скота никуда не пускают... Неужто это не вопрос? Я узнал это случайно—при встрече в гостях и мне это показалось за любопытное.

Ваш *Н. Лесков.*

О скоте я слышал сам от инспектора медиц. части в Херсоне, который теперь приехал сюда по требованию начальства. Фамилия его „Сотничевский“ (Доктор).

7.

26 Марта 88.

По поводу Дамаскина мы говорим о разных лицах и это я только догадываюсь, а вопрос Ваш и теперь не ясен. Чехов вероятно говорил Вам о валаамском игумене Дамаскине, чего я не мог вообразить и старался отвечать Вам о настоящем Дамаскине, который просился у Калифа „на волю“, сочинял „панихиды“, и стоял за иконопоклонение против идеалистов христианства.

Любим калифом Иоанн,
Ему, что день—почет и ласка;
К делам правления призван
Лишь он один из христиан
Порабощенного Дамаска.

Валаамский игумен Дамаскин (это имя, а не прозвание) — в монашеском мире зван был „валаамский полицмейстер“, и эта кличка ему была дана по шерсти. Он был штукарь по вызнаванию секретов, дипломат по сношениям, оч. разумный эконом — знал где взять и где дать, и вот Вам его фигура и облик. — Как Вы держитесь и хотите держаться с „Деш. Библиотекой“ вещей чисто литературных, то я не думаю, чтобы туда годились Валаам и его „полицмейстер“. Говорить о нем правду — значит „терять дружбу“ и „дразнить гусей“, а повторять бабьи россказни и монашеские „афинейские плетения“ не достойно издателя с литературным именем.

Это может делать Синод, Тузов и подобные, но не Вы. Чехов милый юноша, он м. б. в каком нибудь увлечении. Я это знаю, ибо сам все это прошел и описывал „старца Иону“ из Выдубецкой пустыни, который оказался прохвостом и с помощью „церквина сына Тертия“ оттягал у крестьян соседнего села всю землю и лес, купленные ими „на слово“ и „под записочку“ у княгини Екатер. Алекс. Васильчиковой (рожд. Щербатовой), уверовавшей в Иону, как современные дуры веруют в Ивана Кронштатского. Она завещала „все имение“ Ионе (т. е. его скиту), а скит на этом основании завел тяжбу с крестьянами, которые купили землю у своей бывш. помещицы „под записочку“, и у них эту землю отняли, при содействии „церквина сына Тертия“. Мужики (хохлы) сначала ревели, а потом озлились и стали монахов ловить и бить, а отпускали, наклав в порты крапивы. Поднялись дела,—усмирения и ссылки... Этих „освященных“ особ надо „подождать хвалить, дондеже чудеса сотворят“, Валаамский Дамаскин заморил голодом крестьян, возбраняя им ловить рыбу у берегов острова под тем предлогом, что они подвозят ром, которым его монахи опиваются.

—„Маргарит“ — книга „беседная“, — ее хорошо грабителю купцу в пост читать. В библиотеке литератора она ни на что не нужна. Другое дело редкости „житийные“, как „Зерцало“

и т. п. Честь была бы Суворину, чтобы писатель пришел к нему в библиотеку и у него просил права поработать, тогда как теперь в Синоде (2 экс.) книги не дают, а надо просить у Солдатенкова, Буслаева или Владимирова. На этакие книги—тратьте деньги, и Вы себя и других утешите; а на что Вам „беседность", во многом узкая и всегда оч. скучная и не полезная?—„Четьи—Минеи" Екатер. времени полные имеют еще свое значение, но не важное, т. к. Феофан [1] из них все поэтическое или легендарное повыпускал, а не полные к чему они? —„XIX век" [2] еще не получил, но ожидаю, и Вас очень благодарю. Это мне приятный подарок от Вас и „возмещение" нравственное за торговую насмешку надо мною. Усердно Вас благодарю и прошу не посердиться на мое попрошайство. По русским торг. обычаям, при хорошей „развязке"—продавцу полагается „могарыч" или „накидка". Соблюдите обычай. Природу воронежскую хорошо описываете и синодик воронежских людей интересен. Какие хамы у нас в двор. собраниях и в думах: отчего ни Орел, ни Воронеж не имеют на стенах этих учреждений портретов своих даровитых уроженцев? В Орле даже шум подняли, когда кто-то один заговорил о портрете Тургенева, а недавно вслух читали статью „Новостей", где литературный хам „отделал Фета" [3]. Сколько пренебрежения к даровитости, и это среди огромного безлюдья!.. И газеты не дорожат своими людьми. Неужели Гаршин не стоил траурной каемки вокруг его трагического некролога?... Я ложась спать думал: „верно А. С. велит поставить крестик и каемочку". Утром вижу—нет! Почему спрошу? Нам, литераторам он ближе чем Скобелев? Он несомненно „пробуждал мысли добрые". Зачем все известия о приезде „действительных стат. советников" печатаются, а непристойным считается известить о приезде Чехова? Это уже Ваше, редакторское пренебрежение. Пусть бы люди знали, что литераторы достойны внимания не менее столоначальников департамента. Прикажите быть к ним внимательнее, — это даст тон и другим, не умеющим ни чего придумать. Вам это часто удавалось.

Смир. *Е. Николай.*

„Азу" ставьте когда угодно. На 6-й неделе я Вам дам „Пасхальную ночь в Аду" для пасхального номера. Не позабудьте уберечь место для этого полномерного фельетона ростом с „Далилу".—

8.

12 Апреля 88.

Если бы нашелся человек, способный сказать утешительное слово отцу, перенесшему горе, равное тому, которое Вы вспоминаете,—это был бы „истинный утешитель“. Я не верю, чтобы это было возможно, и притом, мне кажется, все утешения пошлы,—религиозные сугубо пошлы. Л. Н. Т. однако как то стал выше этих скорбей. Он говорит весело об умерших. Они, правда, не страдают уже... Им ничего не страшно,—терять больше нечего. „Покой небытия“, „Нирвана“, „Блаженни умершие“, „иже не суть“... Вот и все, что есть. Один мужик говорил: „слава те Г-ди, что он (сын) теперь отстрадамшись, а то-бы еще надо терпеть“... Я, признаться, всегда думаю так, как этот мужик, но я верю в бессмертие духа и даже убежден, что это так. Тут — школа, которую надо пройти, а потом будет перевод в другой класс,—мож. б. высший, а м. б. в низший... Это видно „как зерцалом в гадании“, но видно, и видят это люди оч. дальнозоркие: Сократ, Сенека, Платон, Христос, Ориген, Шопенгауер, Л. Толстой. Как хотите, а компания завлекательная... Очень рад бы видеть Вас к ним приставшим! Я в этом нашел огромное, почти полное успокоение и „князь мира“ с тех пор имеет во мне „своего“ гораздо меньше, чем имел раньше. Мне по кр. мере понятно—какое благополучие иметь возможность сказать: „вот он идет, но он во мне не найдет уже ничего своего“... Замечательно, что однако и Христос мог это сказать только в последние дни своей земной жизни!.. Я узнаю о Ваших душевных муках даже по газете. Это смешно, но это так.— Вчера (11 Апр.) заметку о статьях Соловьева [1] Вы сами писали, или Вы ее насоветовали, или Вы ее поправили. Я говорю о заметке, начинающейся со слов о книгах Кони и Н. Данилевского. Эта заметка вся больная... Зачем это Вам? Я говорю „Вам“, п. ч. газете это совсем ненужно. В газете довольно держать свой тон, но... „надо жить и давать жить другим“. Разве статьи Соловьева не правдивы, не искренны и не содержат дельных указаний?! Разве это так часто и так заурядно в нашей печати?! Разве Вы можете факт за фактом опровергнуть все, что он Вам ставит на вид? Или Вы совсем раз-

любили истину как венценосцы и все несогласное с Вами—Вам несносно? Но это было бы ужасно! Тогда—как не быть хандре и мучениям! Но в чью же это пользу идет этот форсированный расход сил?.. Даже не в пользу детских приютов. Подписчикам, или публике Вы даете все, что нужно и без этого, а тот, „один в партере“, который понимает музыку и для которого только и стоит стараться взять верную ноту,—тот в таких случаях недоволен, и удивляется: зачем брать до этого „фа“, когда можно играть хорошо на „до“ и всем будет хорошо. Вы меня простите,—я не злодей Вам и искренно жалею, что нападками на Соловьева Вы теряете сочувствие многих совестливых друзей Вашей газеты. Пусть Страхов напишет деловые возражения—тогда им и честь и место, но заскоки без доказательств только сердят хороших людей, кот. знают что̀ ассимилируется с „данилевщиной“... Зачем это брать на себя? Между тем д е л о в о е возражение будет и уместно и интересно и не обидит людей, уважающих свободу суждения.—„Северяне“ у Вас печатают письмо о „сборнике Гаршина“ с назначением его „на доброе дело“... Это новость. Третьего дня я дал письменный ответ, что я отказываюсь от участия, ибо я „н е сочувствую культу мертвых и не дам моего труда на к а м е н ь, пока слышу просьбы живых о хлебе“. Я думаю, что этим оскорбились, хотя письмо мое было оч. вежливое и кончалось готовностью участвовать, е с л и будут собирать н е на камень.—Сегодня читаю в „Нов. Вр.“ новость... Какое однако „доброе дело“ на чужой счет?! Какие все это глупости! Как бы хотелось написать об этих товарищеских кривляньях и о „культе мертвых“. Дал бы я им занозу прямо через бесстыжие очи в разжиженные мозги, болтающиеся в их сентиментально-глупых башках. Первое „доброе дело“—не беспокоить никого без крайней надобности. У Гаршина не осталось сирот, а одна вдова 27 л. с медицинским дипломом... Кому это будут помогать? Или просто хочется суетиться.

Чем и кем Г. был обижен? Он не нес н и к а к о й несправедливости, а прожил свою короткую жизнь в „любимчиках“—с 3000 р. жалованья в общ. ж. дорог и 200 р. гонорара с самого начала. Чего еще было нужно?—„Литературный фонд“, смею сказать есть учреждение фальшивое и может быть вредное. Наши старцы бесприютны, наши сироты без опекунов. Это бы надо делать. Дом бы надо купить да приютить бескровых,

а к сиротам назначить кураторов и иметь сведения о том, что делают с сиротками. Вон Лиду Пальма обирают ежемесячно на 25 р., и Европеус одевает ее в лохмотки, которые где ни будь выпросит, а мать Лиды, по удачному выражению одного горячего человека представляет „е... мать“ и 25 р. Лиды дает пропивать своему „....“, сыщику. Отчего нет кураторов при сиротах? Отчего не разбить это пошлое учреждение? Вот и собирайте! А пойдет все свинье под хвост.— О „сошествии во ад“ не сомневайтесь. Я ни мало не в претензии на Вас и понимаю в чем дело, и даже разделяю Ваши соображения „для газеты“. Я не понимаю Шубинского, которого я давно извещал, что у меня есть интересный материал и что я могу его сделать для „Ист. В.“, где он по преимуществу на своем месте и будет оч. интересен, но С. Н. тогда желал „воспоминаний“ и гневался за „апокрифы“ в „Русской мысли“. Он меня импонирует своими взглядами на „интересность“. Кажется со мною за одно хоть можно быть спокойным, что я, как говорит Гончаров, „всегда и непременно выдеру где то интересное“. Зачем я стану работать над неинтересным, когда у меня столько материалов, что мне их не переработать? И все знают и говорят, что „Л. дает вещи интересные“, и я это принимаю без жеманства за истинную правду. Шубинскому же 2 года хочется со мною контрировать чорт знает для чего и от этого я не страдаю, но журнал едва-ли выигрывает, ибо те же деньги платятся другим. Я— слава богу—с хлеба на квас не перебиваюсь и могу держать работы в столе, и эту продержу (т. к. теперь ее устраивать кстати уже поздно), но Ш. упускает вещь интересную, и я вполне удовлетворен тем, что Вы имеете на нее такой же взгляд. Начиная с Любимова и Каткова мне всегда верили в том, что моя работа имеет интересность. Она может быть удобна или неудобна, но она непременно интерес имеет, а С. Н. имеет потребность раздражать человека нытьем до того, что скажешь: ну тебя совсем! И отдашь другим. Тогда он в гневе! Я ему дал ст. о Бурнашове. Человек вскрывает свою ложь, притворства, рекламаторство, службу в III отд., а С. Н. все твердит: „Интересно-ли это? Он все лжет“. И как зарядила „сорока Якова—так и до всякого“. А я Вам говорю—это водевиль— вот как интересно! Просил „воспоминаний“:—ну вот воспоминания. Теперь надо сделать как Стасюлевич: по выбору—про

кого пустить, а про кого нет.—Это меня возмущает! Кто имеет право делать такую сортировку? Надо выпустить должностных лиц,—но это я и сам уже сделал. Вообще он хороший человек, но охотник делать себе и людям затруднения,—что я и говорю ему в глаза и потому говорю и за глаза. Бурн. затрогивает почти всех литераторов,—понятно, что каждый поинтересуется знать—как он тронут? Это делает говор, это заставляет искать журнал, и т. д.—но это все надо доказывать редактору и с ним спорить, просто из-за его привычки пессимировать. Для нервного человека как я—это ужасно! А Вы сами знаете, что со мною сговориться и разговориться всегда удобно с толком и без неприятностей.—За ваши отношения к „Азе" я глубоко Вам благодарен. Несмотря на то, что я старый писатель и имею опытность—такое сочувствие редактора и мне нужно и дорого,—даже очень дорого. Это напоминает отнош. Достоевского при печатании „Леди Макбет" [4], Каткова при „Соборянах" и „Запеч. Ангела" [5] и Дудышкина при „Обойденных" [6]. Это оживляет. Краевский этого боялся, что „после дороже спросят"... Мне Ваше сочувствие было очень мило и дорого и таким и останется.—В 37 женских типах есть не менее „Азы" интересные, но такой грациозный—один и я его отделал с особенной любовью, п. ч. он мне нравился и Гончаров помог мне его выбрать из всех 37-ми, которые пойдут в сплошном обозрении. Жалею, что не знаю, что́ говорят о конце. Конец написан точно по Прологу. Так в Прологе. Я, ведь, могу варьировать, но не могу отступать от источника. „Аза", ведь, пойдет в обозрении „под числом", когда о ней читается в Прологе... Разве мог я дать иной конец! Я мог только опоэтизировать сцену,—что и сделал. Всех не переслушаешь. Л. Н. [7] говорит: „зачем очень хорошо написано—это заставляет обращать внимание на художество, красоту и закрывает суть" (т. е. дело). А как бы он хотел?... Там стоит например: „иди облязи со мною". А она отвечает: „не хощу днесь спати"... Повторяю: всех не переслушаешь, а сделано хорошо: „Аза" летит вверх как стрелка. Чего еще требуют? Полонский прислал стихотворение:

Как я мал, и как ничтожен,
Перед этой красотой,
С этой дивною женой
Был бы рай любви возможен!

А потом все о себе,—что он не взыскан любовью христианской... А „Аза“ все-таки „летит!“ Не напечатать ли у Вас стихотворение Полонского по поводу „Азы?“ Я думаю, что он этого хочет.

Прилагаю два томика моих молодых рассказов, 25 лет скрывавшихся. Очень хорошо их видеть в „Дешевой Библиотеке“. Простите, что много написал.

Ваш *Н. Лесков.*

9.

15 Апреля 88 г.

Благодарю Вас за Ваше сегоднешнее письмо, более, чем за всю нашу переписку. Я знаю, что сознание своей вины есть величайший шаг, ибо с него начинается поворот. Слова Ваши: „и я в этом виноват“—есть прекрасные слова человека тронутого сознанием своей былой несправедливости.—Чего мне недостает?—Вы отгадали: именно критики. Я очень чуток и правдивое замечание меня восполняет и родит во мне много мыслей. Критики я ни какой не слыхал... Теперь я ко всему этому равнодушен и „замалчивание“ меня только смешит.

Журналисты молчат, а публика меня ласкает и любит. Этого довольно. Анатолий... [1] говорил мне, что он у Андреевского имел... [1] разговор о безтактной глупости „пропустить... [1] замечательного писателя“. Он хотел писать сам, хотел сводить меня с Стасюлевичем,—хотел сам все это сделать. Потом за тоже брался Гончаров... Я ничего этого не захотел по глубине чувствуемого мною оскорбления, и ничего не хочу. Я имею что нужно: я сыт и публика меня любит. Нас с ней теперь нельзя поссорить, как это было сделано в глупые годы нигилизма. А „в борьбе“ с пошлою злобностью (как сказано у Тургенева в „Помещике“) таится наслажденье

Неистощимое,—презренье...
Как яд целительный оно
И жжет и заживляет рану...

Не читали Вы меня—это видно. Иначе, может быть, Вы захотели бы указать вчера Виктору Петровичу, что повесть Боборыкина „У плиты“—есть перелицовка „Леди Макбет

мценского уезда"... Да! я Вас прошу—окажите мне дружбу—пробежите эту „Плиту" и Вы увидите, что это м о я ф а б у л а, может быть значительно искаженная. И в „Вестнике Европы" этого н е у з н а л и, и Буренин тоже. Неужто это позволительно? Как бы, я думаю, Стасюлевич удивился, что напечатал „подражательность модисткам" и „предпочел" список оригиналу"... По моему это стоит может быть указать,—и еще не поздно. Что́ Вы говорите о моей литературности, то я хочу оборотить к Вашей жизненности, о которой Вы упоминаете и на которую не даром сетуете. Отстрадали Вы ужасно много, может быть оттого, что над Вами в начале Вашего семьянства не было доброй критики... Все это однако прошло, и пусть не воротится в вашей памяти. Теперь слава богу-хорошо. У одной Вашей девочки ч у д е с н о е л и ц о... Какое-то превосходное слитие лучшего от отца и от матери... Она Вас должна много утешить. – Вы раз сказали о Горбунове, что он „более писатель, чем актер". Я это запомнил, п. ч. это правда. Вы хороший, живой писатель и л у ч ш и й по моему мнению критик теперь, но по натуре Вы не редактор, а нрав у Вас актерский. Вы чувствуете вдруг, порывами, страстно и прекрасно и Вам бы ездить, играть, увлекать и увлекаться и потом опять писать страстно. Редакторство не по Вашей натуре.—Вы сделали и делаете дело, но все-таки страдаете. Счастливым актером Вы были бы счастливы. Я мог бы кажется написать на Вас повесть не такую как „у Пристани" Смирновой...[2] Хорошо это, что мы стариками стали друг другом заниматься.

Очень хорошо!

Рассказы у Вас находящиеся издавайте как хотите: я на все вперед согласен. Положите сами по совести и по расчету,—я буду доволен.

Вы меня не обидите. Желаемые переделки сделаю в корректуре. От Шуб.[3] ни слуху ни духу; Гайдебурову нравится „Пасхальная ночь", из Москвы спрашивают о „Прологах"... Я ли буду виноват, если я опять „продам его за сребренники"? Вот настоящий „Сергий изнуритель!" А потом разобидится. Бируков (от Толстого) просил сто экз. „Азы" для кого то в Москве. Приказали ли Вы дать? Ему ста экз. не дают, а давали менее. Зачем не дают? – Толстой написал „Пустой барабан". Бирук. спрашивал меня: нельзя ли его у Вас напечатать как „Азу"? Я отвечал, что поговорю с Вами и не сомневаюсь

в Вашей готовности напечатать рассказ Льва Николаевича, но сомневаюсь в возможности—рассказ не цензурен. Я, однако, знаю его по устной передаче,—мы написали, чтобы Татьяна Львовна прислала рассказ в рукописи. „Пустой барабан" в роде Ивана-дурака.

Ваш *Н. Лесков.*

10.

19 Апр. 88 г. Спб. Фуршт. 50.

Усердно благодарю Вас, Алексей Сергеевич, за экземпляр Радищева [1]! Это уже не малый дар, и даже не средний, а большой, восходящий к разряду „поминков". Покорно Вас благодарю. Получилось письмо от Л. Н. об „Азе". Это совсем не то, что говорили. Он (как и Вы) пишет, что „ставит Азу выше всего" и дальше другие похвалы о кот. говорить не чего. Ровно ни какого замечания, — всю одобряет и хвалит с головы до ног и советует мне „еще написать такую". Но я очень устал и утомился, да и довольно этого жанра. Вчера получил письмо от барон. Мендгем и Трохимовского о переводе Азы на нем. и фр. языки. По мне это все равно. Что мне не приносит заработка тем я ни мало не интересуюсь. – Какая жалость, что в книге Радищева есть ошибочная буква [2]! Это должно неприятно обидеть Вас. Надо совладеть с собою. Вы хотели сделать „совершенное", а Великий Сатирик хочет, чтобы все человеческие дела были „несовершенны". Не сердитесь на невозвратное.—Об участии в сборнике Гаршина Л. Н. Т. дал совершенно тождественный со мною отказ. Я читал его письмо. Оно по обыкн. оч. мягко и добро, но содержит твердый и полный отказ, с прибавлением, что он Г-на „знал и любил", но „по поводу его смерти" не понимает цели делать что-либо общественное. „Помощь" он признает в тех же простых применениях как и я им писал. Вы безмолвствуете, точно боитесь тронуть вопрос назревший, на котором этот фонд можно бы весь вывернуть... Что это за такт?...

Вы писали Гайдебурову о Назарьевой, которой дали 75 р. и написали по их мнению „резко" (слово „насмешка" не идет

их величию), а почему бы не резко, но пристально не раскрыть служение их „Культу мертвых“? Это и есть *мое заглавие*: „Культ мертвых“, под которым было два случая раздавить их как холодных гадин и бросить всем на-смех, но Вы молчите и не хотите даже вызваться дать место... Я этого не понимаю. Победоносцы сделали им одолжение запретив ношение венков, а то бы они скоро доспели в ряды форменных похоронных шутов. Вы пренебрегаете делом, которое стоит честной защиты и кот. привлекло бы на Вас горячую признательность всех литер. бедняков,—всех стариков и бесприютных вдов и сирот и оставило бы о Вас прекрасную память. Но Вы этого почему то не хотите, и, еще хуже, я боюсь, что Вы когда-нибудь рассердитесь и сорвете на них справедливую досаду, а их надо не оборвать, а *доказать* их непригодность. На это надо (по Катковски) „предпринять поход“ и отстоять свое мнение доказательно. Не понимаю отчего Вам это не хочется! Покойная Александра Алексеевна [3] приписывала Вам „самодурство“, вероятно, не отдавая себе ясного отчета в значении этого слова. Это слово было в ряду вокабул, которыми говорили сверстницы ее молодого века и она его повторяла зря. На ней было сильное отпечатление нигилистического „помазания“ и какое-то предопределение к несчастию, при полной возможности устроиться удобно в жизни. Я не вижу в Вас свойства, которое она назвала своим словом. Вы непостоянны, страстны и порывисты, и отсюда у Вас частая непоследовательность, но рядом с тем Вы способны и к очень прочным привязанностям!.. Стало быть есть и последовательность. „Привязанность“ Вы тоже внушали, и внушаете. Вы любимы в своей семье. Вас искренно любил покойный Вас. Марков и теперь искренно и горячо любит Гей. Затем есть не мало людей очень к Вам расположенных. Чего же еще? Друзей ни у кого нет, или оч. мало. „Сам—ство“ (если хотите) у Вас есть в манере шутить. Это оч. странно, но у Вас это напоминает старинных избалованных бар, Ал. Н. Арапова, Афросимова и вел. кн. Николая и Владимира, которые когда шутят—не хотят замечать обидности их шуток... Когда я слышу о шутках Владимира и Николая—я всегда вспоминаю Вас и нахожу поразительное сходство... (Смейтесь, а это так). Вы как будто не знаете условий общей среды и не замечаете, что, шутя неосторожно, понижаете положение человека среди

людей, где есть недоброжелающие ему. Этого люди не прощают и навсегда сохраняют в своем сердце. От этого стоит воздерживаться, и оч. можно воздержаться. Думают, что это у Вас „грубость“, но Вы человек не грубый, и вел. кн. Николай тоже, а это так—что-то „великокняжеское“... Однако это и не зло, ибо злой воли тут нет, но лучше если можно это из себя вырвать.—С Шуб. мы кончили к обоюдному удовольствию. Теперь он должен найти нового дежурного покусителя на его спокойствие.—Очень жду Ваших ответов об издании „Захуд. рода“ [1] и рассказов. Сделайте решение поскорее, удобное мне и небезвыгодное для предприятия. У меня оч. болен сын (воспаление легких) и его надо взять из казармы на свободу. Надо стянуть все средствишки, а май м. на дворе, и в 21 год воспал. легких переходит в роковую чахотку...—Что можете сделать без вреда и стеснения своему издательству—не откажите в том моему писательству. Все равно, ведь, издавать кого нибудь надо, а нас, бог даст, добрые люди купят и прочтут.

Преданный Вам *Н. Лесков.*

„Пустой барабан“ придет на днях. Как получу—так принесу сам. Только я оч. сомневаюсь в его цензурности. Человек не—слух,—отца-мать не слушал, бога не слушает, а „пустой кадушки“ слушается (солдат).

11.

22 Апр. 88 г. Спб.

На последнее письмо Ваше, Алексей Сергеевич, я нашелся бы хорошо отвечать, если бы дело шло не обо мне, а о другом писателе. Я бы показал Вам, как я понимаю Ваш поступок и и как ценю со стороны его порядочности и доброй услуги человеку, но как дело идет обо мне, то мне остается просто и коротко благодарить Вас за то серьезное дело, которое Вы вызываетесь для меня сделать, и затем я должен позаботиться, чтобы Вы не имели ни малейшего повода пожалеть о том, что вызвались оказать мне содействие к изданию моих сочинений. Я принимаю Вашу помощь; благодарю Вас от всего сердца и буду так же осторожен и честен, как был честен всегда в денежных делах с людьми.—История с полным собранием

такова: Вольф (старик) купил издание у Боборыкина по 10 р. за лист, за 5 т. р. и в то же время предложил мне ту же цену. Я не отдал, более потому, что человек этот казался мне всегда неприятным и тяжелым в делах. Перед смертью своей он снова заговорил об этом, но ранее конца переговоров умер. Потом было предложение Мартынова—на тех условиях, как издан Григорович,—я на это не пошел по недостатку доверия к состоятельности фирмы. В этих последних днях один молодой писатель, издаваемый Панафидиным, пришел ко мне с вопросом, не желаю ли я, чтобы мои сочинения издал Пнф. на тех же условиях, как изданы им Гаршин и Ясинский? Я оставил за собою время „подумать". Условия их те: Пф. издает все на свой счет и выбирает расходы из продажи первый с прибавкою книгопродавческих 30%. Кто на себя несколько может надеяться—для того эти условия не хуже 10—15 р. полистной платы с отчуждением книг в собственность издателя. Я на себя немножко надеюсь, ибо сочинения мои в общем составе их давно спрашиваются, и я верю, что они должны пойти, и после покрытия расходов издателя могут оставить мне 1 тыс. экз. в мою пользу. Следовательно мне такая комбинация возможна. Но я все-таки и этакую комбинацию всегда предпочел бы иметь с Вами, а ни с кем иным, ибо хотя у Вас издание выйдет и дороже, но оно будет сделано лучше и без всякой издательской „находчивости". Поэтому я сам хотел просить Вас сделать для меня издание на коммерч. основаниях, т. е. издать на Ваш счет; выбрать ваши расходы и книгопр. проценты и потом все остальное, очищенное издание выдать мне. Но просить совестно и я не умею, хотя я никому не должен и никто на расчет со мной пожаловаться не может. Вы были милостивы—заговорили сами, и я Вас прошу: издайте мои сочинения. Угодно Вам взять издание в собственность—вот какая была цена: Вольф давал 3.500 р. (за 350 лист.)—я просил с него не по 10, а по 15 р. (на 5 р. дороже Боборыкина). Около этого я желал бы взять и теперь (за 400 - 420 л.). - Если это удобно, то платеж денег может быть рассрочен как угодно. Если же Вы не хотите издать меня первым полным автором от Вашей фирмы,—то издайте так, как предлаг. Мартынов и Пнф.—т. е. за мой счет с залогом издания Вам до погашения Ваших расходов. И этим я тоже буду доволен и сочту это с Вашей стороны за добрую

дружескую помощь. Я знаю, что у Вас мое издание пройдет лучше и во всяком случае дело будет сделано честно и безобидно. Денег я под издание не буду просить ни каких. В этом я,—слава богу—не нуждаюсь. Издание же надо выпустить зимою, сразу, все целиком и потом его можно дополнять в том же формате. Но о технике издания будем говорить после: это дело второе, а первое принцип: будет оно мое, или Ваше? Я предпочту ту из этих двух комбинаций, которую изберете Вы,—и желаю одного—считать это дело конченным. Относительно распланировки издания я сам буду искать и просить Вашего совета и указаний, т. к. Вы понимаете в этом гораздо больше меня. В этом точном определении вопроса Вы меня и разрешите. Что касается денег теперь, то я разумею только те небольшие деньги, которые пришлось бы мне получить за томики, кот. Вы изберете для „Дешевой" и „Дорожной библиотек"—что должно итти помимо издания. Более я ничего не испрашиваю и счет по изданию не будет прерываем никакими авансами. Я хочу, чтобы это было чисто и окупилось, как окуплено все Вами для меня изданное и уже распроданное.

Замечания Ваши о моих силах и ошибках во многом очень справедливы и метки. Одно забываете, что лучшие годы мне не где было заработать хлеба... Вы это упускаете. Катков был благородный человек к сотрудникам: зачем он платил мне по 150 р., когда мог платить подобно Кашпиреву по 50, и мне „некуда" было деться!.. А он еще мне подарил издание „Соборян". Что только со мною делали!.. В самую силу сил моих я „завивал в парикмахерской у монаха" статейки для „Православного Обозрения" и получал по 30 р., изнывая в нуждательстве и безработице, когда силы рвались наружу... Но ведь я и Бонни были „шпионы III отделения"... Это писали Курочкин и Василевский с Баталиным и Ниль-Адмирари, и tuti fruti... „Надо было продолжать"— пишете Вы. Спрошу: „где и у кого"? Надо было не сделаться подлецом и тунеядцем, и я об этом только и заботился „завивая мохры в парикмахерской у монаха"... Что попало— я вся работал и ни у кого ничего не сволок и не зажилил. Вот и все. Не укоряйте меня в том, что я работал. Это страшная драма! Я работал что брали, а не что я хотел работать. От этого воспоминания кровь кипит в жилах.

Героем быть трудно, когда голод и холод терзает, а я еще был не один. Я предпочел меньшее: остаться честным человеком и меня никто не может уличить в бесчестном поступке. Слава божию милосердию, сохранившему меня от диавола, который приходил два раза, и один раз в образе М. Н. Муравьева... Я мог брать имение под Вильной, а вокруг меня не было ничего кроме „камней пустыни“ и злой клеветы... Довольно и того, что я остался для знающих меня „добропостроенным и честным человеком“, а для общества „занимательным и умным писателем“. . Я доволен и этим... С Гоголем и с Салтыковым меня не раз сравнивали, но не знаю, достоин ли я этого? М. Н. Катков, печатая „Смех и Горе“ говорил Щебальскому: „где у Щ. такая настоящая, д о б р а я сатира!“—Об'езд помещиков в роде Чичикова всегда занимал меня, и я это пробовал слегка в „Смехе и Горе“ и в „Очарованном Страннике“. Обстоятельства не благоприятствовали заняться этим в размерах более широких. Я никогда не хотел быть должным, и 15 лет ждал издания моих сочинений, чтобы иметь денег на 1 — 2 года, но теперь это прошло. Сделайте то, на что еще не ушло время, чтобы я мог что нибудь сберечь на старость „еда оскудевати силе и крепости“.— В прошлом году Вы меня тронули, когда при гробе сына сказали некоему лицу, чтобы купить мои книги (Смех и Горе). Вы сказали: „я х о ч у, чтобы это было сделано“. И Вы сделали мне услугу и себе пользу. Сделайте так и нынче, и я Вам буду очень глубоко признателен. Рассказцы издайте для „Деш“. или для „Дорожн. б.“, а издания собрания возьмите за себя (10—15 лист), или велите его сделать мне и продавайте до погашения долга. Только пожалуйста решите это скоро.

Благодарный Вам *Н. Лесков*.

12.

6 М а я 88 г. С.п.б., Фуршт. 50, кв. 4.

Аполлоний Тианский, глядя на солнце, сказал окружавшим его: „вижу чрезвычайное, из чего может не выйти самого обыкновенного“. Не нахожусь ли и я в подобном созерцании? Вы ничего не говорите, Алексей Сергеевич, а мне не ловко вопрошать Вас, хотя догадываюсь, что наступившее безмолвие

должно выражать перемену в тех намерениях, о которых Вы дали повод мне говорить с Вами. Более всего смущает меня то, что это вероятно тяготит и Вас, и Вы, быть может, сожалеете о своей поспешности и затруднитесь сказать мне об этом. Вот по этому поводу я и решаюсь прервать тягостную паузу простою и задушевною просьбою к Вам—быть со мною откровенным без всякого стеснения, ибо всякий ясный и решительный ответ для меня лучше того недоразумения, в каком я нахожусь теперь, при некоторых других затруднениях. О том, что мне писали Вы и что я писал Вам, знаем только мы с Вами двое. По крайней мере я об этом никому ни одного слова не говорил (как всегда), и не считаю себя вправе ни за что быть на Вас ни в малейшей претензии. Не посердитесь на меня, что я и теперь обращаюсь к Вам письменно, а не лично. Я это делаю против себя, — я знаю, что при личном разговоре с Вами я наверное много бы кое в чем выиграл у Вас по тем сочувственным движениям, которые Вы обнаруживали, но я этого-то и не хочу... Я не хочу, что бы Вы о чем нибудь сожалели и раскаивались после, т. к. это отравило-бы мое спокойствие, без которого мне очень трудно. Заочный разговор на бумаге, не страдающей от впечатлительности, в таких делах лучше. Не стесняйтесь тем—что́ со мною и ка̀к ко мне справедливы или нет, а скажите деловым образом: быть чему-либо или не быть, чтобы я смотрел, — как мне надлежит поступать.

Очень уважаю, что Вы держитесь в стороне от циркулирующих известий по поводу моих „Прологов“ [1]. Тот, кто вывел эту историю из того в чем нет истории и что у порядочных людей кончается тихим словом от уст к устам—вынудил меня к необходимости получить свидетелей в опровержение клеветы, гнусно и глупо распущенной без всякой надобности о труде многодельном и хоть с этой стороны, кажется, обязывавшем к снисхождению в смысле скромности и внимания. Я уверен, что честный человек меня за это не осудит: прослыть человеком, который 2 года работал работу не чувствуя, что она глупа и безнравственна, — это не только нелегко, но этого нельзя снесть, не употребив всех средств показать эту работу 20—30 человекам и слышать их свидетельство. Но я ничего далее не хочу и ничто не считаю теперь возможным... „Пролога“ будут лежать как лежали „Соборяне“—четыре года...

Но настанет время и они будут иметь свое место и свою цену в литературе. Это не может быть иначе, и тогда оценено будет и то, что с ними сделано. Но теперь все это надо постараться предать забвению, ибо это очень гадко. Что тут еще размазывать!

Преданный Вам *Н. Лесков.*

13.

7/V. 88.

Мне теперь кажется, будто в списке у Вас позабыты очень важные люди для „Словаря"—как-то:

1) Ключевский—в Москве (Жития святых).
2) Антонович (старший) в Киеве (Украйна и Польша).
3) Пыляев, Мих. Ив. (люди, обычаи, драгоценности).
4) Быков, П. В. (подробнейшая соврем. библиография).

Может быть и еще кое-кто вспомнится. Да нет никого тоже для истории русского искусства, а это потребуется как вставка при описании всякого угла и закоулка, и этого не следует и нельзя избегать, ибо это-то и дает самую живую окраску месту, показывая что́ там люди делают,—кроме того, что едят, пьют и на небо б.... Все кустарничество надо иметь в памяти и рассказать живо, с знанием дела и с интересом. Это не только оживит местные описания, но сделает их драгоценными для иностранцев, которые теперь надолго будут интересоваться Россиею. Эту штуку надо иметь в буфете, как сою и подпускать ее в каждое соответственное блюдо. По моему для этого ни один из штемпелеванных ученых не годится, ибо все они вялы и скучны, а годится очень опять тот же наш Пыляич,—если только Вы не дадите его обижать, потому что это всякого огорчает и всякому неприятно. Таких подправщиков как Пыляев много не найдете, и он будет нужен решительно к каждому городу и городишке. И он их бездну проехал и осмотрел с Асташевым. — Промышленность у Толя и у Гагарина (в географич. словаре) представлена ужасно жалко, а „промышленность есть душа местности". Надо показать не только, что́ тут делается, но и то, что́ с удобством могло бы делаться, да не делается, и почему это не делается? Это даст свою цену словарю у чужих людей, и об этом еще никто не подумал, а вот Вы, послушайтесь

моего смирения, да подумайте и припасите способного человека, да поберегите его, чтобы ему было при вас не так „как на турецкой перестрелке“ — Что еще вспомню — о том напишу во время свое.

Смир. Ересх. [1] *Николай.*

14.

Я Вам когда то говорил об этюде Л. Н. Т—го под заглавием „Николай Палкин“. — Теперь он у меня случился и я посылаю Вам его для прочтения. Если захотите оставить себе копию, то распорядитесь этим сами, — у меня теперь нет сих дел мастера. Подлинник мне возвратите.

Есть добрые люди очень радующиеся, что я издам свое собрание. П. В. Быков составил для этого случая „библиографический указатель“ всего мною написанного за 30 лет (с 1857 г.).—Я сегодня же отдал его напечатать в 100 экземплярах (2 листа) и доставлю 5 экз. Вам для просмотра и совета. Мне указывают на статьи, о которых я позабыл, но которые представляют картины минувшего и предсказания последовавшего, и потому имеют интерес. Просмотримте пожалуйста все с карандашами в руках и обсоветуем. Будьте пожалуйста мне другом и приятелем в этом литературном, важном для меня деле, в котором я неопытен и неискусен, и на Вас всею душою полагаюсь.

Ваш *Н. Лесков.*

11 мая 88 г.

„Библ. указатель“ должен поспеть дней в 5—6.

15.

16 Мая 88 г. Спб.

Я все нехорошо себя чувствовал и ничего не мог делать, кроме как читать о Сирии и Египте, но слышу, что Вы собираетесь уезжать и стараюсь вырваться из лап одолевающей душевной дремоты.—Сношения с Вами у меня бывают потребностью, и в них есть та особенность, кот. свидетельствует о нашей поглощенности литературою: в личных беседах от уст к устам (что легче писанья) мы никогда не умеем сказать ничего сердечного друг другу, а как расстанемся,—так сейчас же что-то напишем!.. Это что-то в роде прирожденного

писательства. Вам пора уезжать... Опять развел такое ругательство, что никакие нервы этого не могут выносить... Почитайте что-нибудь другое. Посылаю Вам листки, полученные вчера от Черткова, „из мира людей не от мира сего". Тут есть много любопытного, в чем раскрывается жизнь этой группы, представленная в „Северн. Вестнике" г-жою Шабельскою—глупо и злонамеренно [1]. Вы верно заедете к Л. Н-чу и потому Вам мож. б. покажется не излишним узнать теперь: на чем они живут и как подвигаются друзья их. Меня это жгучим образом интересует и пот. мне думается, что и Вам это мож. быть интересно. Если ошибаюсь—не сердитесь, ибо не за что. По прочтении—возвратите бумаги мне, да не позабудьте положить в конверт и „Палкина", кот. остается у Вас.— К изданию „Собрания" подготовляюсь основательно, и для того печатаю в Вашей типографии „Библиографический указатель" всего мною за 30 лет написанного. Это необходимо, ибо я сам позабыл оч. многое. Быков мне сделал большой и милый подарок этим поднесением. Спасибо ему. Я хотел печатать 50 экз., но меня уговаривают напечатать 200 экз. и предсказывают, что 100—150 разойдется в продаже между любителями, а 50 я раздарю товарищам и друзьям. Я на это сдался. Без такого указателя было бы оч. трудно окидывать взглядом все поле, с которого надо собирать мою солому. Экземпляры будут у меня и у Вас и я на своем все подчеркну и пошлю Вам в Крым, а Вы просмотрите и подайте мне свой совет.— Пока же начнем с крупнейшего и более нравящегося публике: Т. I. „Соборяне" и „На краю света"; Т. II „Обойденные", „Смех и Горе" и „Запечатл. Ангел", Т. III „Некуда". Т. IV. „На ножах". Дальше пойдут томы составные и их компановать надо по указателю. То, что взято из Прологов—7 рассказов напечатанных и 8 готовых к печати (из обракованного обозрения Пролога) составят отдельный том под заглавием „Пустынные картины" (древнее христианство в Сирии и Египте). Все это в моей голове начинает мне выясняться и бог даст уложится стройно.

Для „Дешевой Библиотеки" я принимаю Ваши условия и „откровенно как Атаве" [2] говорю Вам: я этими условиями доволен. Записку на 350 р. по назначению Вашему—прошу теперь дать мне. Теперь деньги становятся нужны. Расписку дам в Конторе. Записку на продажу дам Петру Петровичу

Коломнину, с которым мне приятнее иметь дело, но впрочем— это как Вы укажете. На выпуск страниц из „Плодомасова“ согласен; конец к „Котину“ допишу в корректуре. Теперь меня к этому не невольте, п. ч. я его еще не надумал. Я допишу.—Я уверен, что даже Ш-б-ский [3] удостоверит, что я свое слово всегда держу крепко и верно. Сейчас я могу написать гадость, п. ч. я очень изнурен и расстроен. Через 2—3 недели среди эзельских чухон я прихожу в порядок. Будьте уверены, что за мною задержки не будет.—О приплате нечего толковать,—это мелочи. О деньгах доводится сказать в другом деле. Я нахожу удовольствие и удобство помещать мои христианские или египетские легенды в „Новом Времени“. Мне это нравится лучше, чем печатание в журналах,—а друзья мои еще сильнее на этом настаивают. И Лев Н., и Чертков, и другие—все находят, что „это лучшее место“, и они заботятся пропускать листы с моими легендами „в народ“. Притом Л. Н. заметил, что он писал „мужчин“, а я (без умысла) „даю женщин той же семьи“. Толстых журналов мужикам не набраться, а газетный лист до них доводят. И Вам эти рассказы,—я знаю,—не в тягость. По одному в месяц или в два—их все 6 или даже 8 можно бы у Вас напечатать, но гонорар газеты значительно ниже журнального и один я являюсь от этой комбинации в чувствительном для меня убытке... У Вас мне платят по 15 к. за строчку—без различия, что за статью и заметку, как в „Новостях“ и „Пб. Газете“, так и за зрелую, многообделанную повесть... Это ужасно несправедливо и мне так никто дешево не платит... Разве „Нов. Вр.“ беднее Лаврова и Гайдебурова? И потом: разве я работаю хуже других, кот. платят и у Вас дороже?.. Это и несправедливо и мне обидно. Дайте мне за беллетристику что стоит,—что платили напр. Костомарову! Не посердитесь,—я этим (и только этим) живу. Не огорчайте меня,—я и так изнемогаю.

Ваш *Н. Лесков.*

16.

17 Мая 88 г.

Получил Ваше сердитое и несправедливое письмо, и при нем записку на 350 р. за вещи, определяемые для „Дешев. библиотеки“. Благодарю Вас за эту записку, но сожалею, что

она дана мне при таком, видимом неудовольствии, для которого нет никакого повода. Что Вы сами назначили—я то и принимаю и искренно тем доволен. Выписку того, что Вы выбрали—прилагаю. — „Пролога“ Вас раздражают напрасно. Вы говорите о том, чего Вы не читали и не видали. В том-то и дело, что там „блядовства“ нет. Это выдумка моего „покровителя“, которому всегда нужно сочинить себе дежурное терзание. Я не люблю полемики и даже я ее враг. Я коснулся „покровителя“, очень легко и деликатно после того как он целый месяц ходит и звонит повсюду от Невского до Афганистана, рассказывая обидные сплетни [1]. Я ему хотел помочь, чтобы все знали, что он действительно „отверг“. Тут обиды мало. Не мог же он думать, что заседания в Афганистане и разговоры с людьми чужих редакций будут мне за удовольствие! Или Вы не допускаете во мне права обижаться клеветою, или не допускаете в нем способности разводить сплетни? „Обозрение Пролога“ – серьезно и нравственно. Оно сводится к тому, что книга эта не дает повода считать ее такою, как о ней думают. Но я и не претендую на „покровителя“, и я его не трогал, но он меня не оставлял... Если бы я не считал себя стесненным прежнею приязнью, которой никогда не нарушал, и тем, что „Ист. В“ [2] есть Ваше издание, я бы потыкал „покровителя“ носом в то, что у него есть гораздо бесстыжее „Пролога“, и сделал бы это с основанием. Ему просто захотелось развесть сплетню и он ее развел, вместо того, чтобы переговорить уста к устам и оставить дело между собою. Раздражительность, в которую Вы, к сожалению, так легко впадаете, не дозволяет Вам видеть это просто во всей ясности и Вы хотите мне поставить в вину то, что я чувствую обиду, а ничего не вменяете тому, кто ведет себя как баба-перекупка на базаре. Это очень несправедливо и это портит нравы людей. Вчера из „Новостей“ прислали мне оттиск письма Шб [3]. Я отвечал, что ничего не имею против его напечатания, но прошу еще раз послать его автору: не пожелает ли он это оставить, чтобы не вынуждать меня к ответу. Я не хочу разводить эту историю, но я не могу молчать на клевету: в „Обозрении“ все скромно—это слышали 30 человек, из которых 8 занимаются литературою и 6 дам. Я не усиливал, а смягчал всякое выражение „Пролога“ и довел описание до полной скромности. Это я должен доказывать,

ибо я не хочу слыть бесстыдным человеком, каким я не есмь. Если Шб. не будет печатать своего письма, я буду счастлив, освобождаясь от необходимости говорить что-либо в свое оправдание и дело на том кончится. Вам я никогда не предлагал „Обозрения". Напротив,—я сам сказал Вам, что „газете оно не годится", и теперь говорю опять тоже самое. Пусть оно у меня лежит, как лежали „Соборяне", о которых Кашперев [4] тоже писал, что они безнравственны и указывал на сцену Туберозова с женою, которая „манит его к себе по клубочку ниткою". Говорить все можно. Полицейские всегда говорят, что человек „не трезв", а редакторы, как Кашперев, находят „безнравственность". „Смерть Ивана Ильича" нашли даже „бесстыдною" и это пожалуй основательнее, чем „Пролог", который прост до святости.—Если могу или смею просить Вас уговорить Шб. оставить полемику со мною, то усердно Вас об этом прошу, но во всяком разе употреблю над собою все усилия, чтобы быть скромным и только защитить себя от напраслины. Но лучше желаю все это оставить и предать забвению. Вам я предлагаю только избранные, самые лучшие и отделанные истории в роде „Далилы" или „Азы".— Их счетом пять. Одна уже переписана и я ее доставлю в мае, а четыре оставим на осенние месяцы. Кажется так выгоднее для издания. Платят мне в журналах 200—250 р.—Аксаков за „Блоху" без моего требования прислал по 300 р.—Иллюстриров. издания предлагают тоже. Я считаю довольным получать с „Нов. Вр." за беллетристику (которую очень долго обделываю) общую журн. плату, т.-е. 200 р. за лист. Как Вы это мне сочтете по строкам,—я так и приму и буду доволен, и это будет справедливо и само себе достойно. (Я по 5—6 раз переписываю). Если потеряли „Палкина"—это не беда: он вышел за границею и его можно иметь (если хотите). Извиняюсь, что досадил Вам присылкою писем, но не верю, чтобы Вы за это сердились. Я знаю, что Вы Т-го любите, а кого любишь, о том все интересно. Это вы так... чтобы чем нибудь меня огорчить. Сюда идет Сютаев просить „свободы веры"... О Стеде тоже интересно... Как-то отбудется этот Киевский юбилей христианства [5]? Проститесь, однако, со мною без гнева: я Вам ничего злого не сделал.

Н. Лесков.

17.

12 Окт. 92.

Достоуважаемый Алексей Сергеевич!

Я послал Вам Ваши письма не в надежде получить за них от Вас благодарность. Мне ничего не нужно. Я болен ангиною, которая не шутит и не медлит. Я не хотел угнетать себя мыслью, что без меня станут делать из писанных ко мне писем такое употребление, какого я не хотел. Другие письма я мог бы сжечь и быть покоен, но с Вашими я не хотел этого сделать, п. что знаю, что есть толки, будто я вел записки и оставлю в них расплату с людьми, которые обходились со мною не с добром. А так как это—ложь, то я послал Вам Ваши письма, чтобы Вы их уничтожили сами. Больше ничего. Благодарить меня Вам, конечно, не за что. О моих письмах тоже не заботьтесь: такое или иное отношение к ним для меня уже не имеет ни какой разницы. Помню, что я всегда искал мира и берег его и другим не вредил. Словом—это не важно. Мне важно то, чтобы знали, что я на Вас ничего не собирал, не составлял и составлять не намеревался и не буду. Мне ничего не нужно от Вас, а Вам от меня, но между нами все чисто. Вот и все.

Мяса не ешьте. Это дело в виду у всякого, кто захочет быть к себе внимательным. В Одессе одною умнейшею дамою написана чудесная книга для стола без убоины. Жаль, что все это так не скоро издается. Надо бы поднимать пищевые вопросы к предстоящей гигиенической выставке: Вы, бывало, хорошо чуяли, что своевременно... Подумайте-ка об этом не с рутинерами и с обжорами!.. Землю-то надо обратить в „рай“,— в „сад, насажденный богом“ (умом). Этика пищи—великий вопрос. Не должно быть голодных и обжор! Теперь $^{9}/_{10}$ пищевых продуктов пропадает даром. Неужто это так и следует?— Курить надо бросить. Я давно не курю и вина не пью, но привычка курить всех других сильнее. Но все равно—надо бросить. Моя болезнь (ангина), конечно, неизлечима, но, с тех пор, как я не ем мяса (теперь как раз год)—я страдаю меньше, и могу читать и иногда могу писать. Другое мне ничто не помогало. К вегетарианству я перешел по совету Бертенсона; но, конечно, при собственном моем к этому вле-

чении. Я всегда возмущался „бойнею“ и думал, что это не должно быть так.

То что я Вам писал о нищете Соловьева-Несмелова, лежавшего в окровавленных лохмотьях, не было „шантаж“. Если бы Вы тогда захотели узнать что́ это было—Вы бы не сделали одного очень прискорбного дела, о котором надо жалеть. Меня же Вы не обидели. Такой укоризной меня обидеть нельзя.

Да будет мир в сердце Вашем.

Н. Лесков.

IX.

Г. А. МАЧТЕТ.

1.

Москва 28 Октября (1886)

Милостивый Государь

Алексей Сергеевич.

Не найдете ли Вы возможным издать отдельной книгой мои беллетристические произведения, печатавшиеся в наших повременных изданиях то под моею подписью, то под разными инициалами. Не имея возможности лично затратить на издание какую бы то ни было сумму,—я хочу издать книгу в долг на обычных условиях, предлагаемых Вами в таких случаях авторам. Если Вы согласны,—прошу прислать мне подписанное Вами условие, я подпишу и вышлю Вам его вместе с оттисками выбранных мною для издания работ.

Начал я свою литературную деятельность Американскими письмами в „Неделе“, но издание их откладываю до следующей книги. Что касается формата и шрифта,—я выбираю формат небольшой, вроде Таухницовских изданий или вообще принятый в Париже для беллетр. изданий (формат книжек „Недели“ или, пожалуй, „дорожной библиотеки“),—а шрифт или „Вестника Европы“ или „Русской Мысли“. В этих двух вопросах, впрочем,—я приму с удовольствием и Ваши указания, и Ваш совет к сведению.

Во всяком случае, прошу Вас поспешить ответом. Мой адрес: Григорий Александрович Мачтет. Москва. Молчановка, дом Черкесова.

С истинным уважением

Ваш покорнейший слуга

Гр. Мачтет.

P. S. Вот перечень работ, выбранных мною для издания:

1) Повести:

„Из невозвратного прошлого“ (Северн. Вестн. 1886 г., № 4 и 5) печатных листов—8 л.

„Его час настал“ (Наблюдатель 1886 г., № 1)—$2^3/_4$.

2) Рассказы:

„Вторая Правда“ (Отечественн. Записки 1883 г., № 11)—1 л.

„Мы Победили“ (Наблюд. 1884 г., № 10)—$1^1/_4$.

„Сон одного заседателя“ (Наблюд. 1885 г., № 10)—1.

„Он и Мы“ (Русск. Мысль 1885 г., № 12)—$1^1/_2$.

„Хроника одного дня“ (Неделя 1880 г., № 36)—$^1/_2$.

„Мирское Дело“ (Неделя 1883 г., № 20)—$^1/_2$.

„Безгласный“ (Неделя 1882 г., № 29)—$^1/_2$.

Итого листов 17.

Большая часть рассказов из Сибирской жизни.

Цену книги я думаю назначить 1 р. 50 к.,—впрочем и тут прошу Вашего указания, как и в количестве экземпляров, которых прошу печатать 2000.—Выговариваю себе 30 экземпляров.

Еще раз прошу не замедлить ответом [1].

2.

Гор. Зарайск (Рязанск. губ.). Собств. дом. 16 Ноября 1893 г.

Милостивый Государь

Алексей Сергеевич.

Не найдете ли Вы удобным приобрести у меня право на два издания,—одно, или оба вместе,—по усмотрению.

Несчастье и, обусловленная им, острая, непредвиденная крайность вынуждают меня продать издания, вместо того, чтобы издавать самому при содействии редакции, издававшей и издающей мои работы. Издателям весьма часто приходится руководиться в своей деятельности не личными симпатиями, а спросом и требованиями со стороны читающей публики,—почему я и решаюсь обратиться к Вам, хотя знаю, что фельетонист Вашей газеты относится к моим работам более чем отри-

цательно. Эти издания я согласен продать на условиях и за цену, какие Вам будет только возможно предложить мне, твердо уверенный, что московские книгопродавцы, которых я только и знаю, узнав о крайности, неминуемо предложат мне худшие.

Я надеюсь, (что) Вы не заподозрите в этих словах чего нибудь такого, что заставило бы меня покраснеть и пожалеть, в то же время, что моим пером руководили искренность и чистая правда, как я ее вижу и понимаю. Продать мне нужно будет во что бы то ни стало, московских книготорговцев я хорошо знаю (да и Вы, вероятно, знаете),—ну, а Вы лично,—как бы ни расходились подчас вкусы и взгляды,—для каждого грамотного человека,—даже не говорю — писателя, — всегда А. С. Суворин—„Незнакомец“ [1].

Эти издания мои:

1) „Силуэты“. Том первый. Цена книги была 2 руб. Все издание уже давно разошлось, по крайней мере в складе год и четыре месяца уже ни одного экземпляра. На днях вышел второй том (изданный при посредстве ред. Русск. Мысли) и вместе с тем, как меня уведомила контора, очень увеличился спрос на первый том. Я продаю второе издание первого тома.

2) Сборник небольших рассказов, не выходивших еще отдельным изданием и печатавшихся только в периодической прессе. Большая часть этих рассказов представляют собою заимствованные сюжеты (у Эльхо, Санта-Луче, Хозе Маранья, Люсьена Биара), что оговорено было после каждого заглавия, но между ними есть и оригинальные. Заимствуя сюжет, я писал и переделывал рассказ под углом зрения, какой сложился у меня при непосредственном ознакомлении с Америкой и другими странами. Эти рассказы: „Панча“ (из мексик. жизни), „Стрекоза“ (из сев.-америк.), „Море не прощает“ (из норвежск.), „Двадцать первый“, Тропический пейзаж, Роман в Саванне, Свидание, В Прусской батарее, Золотое сердечко, Побратимы (из карпатск. жизни, оригинальный).—Все они печатались в Русских Ведомостях, и составили бы книжку величиной не меньше „В сумерках“ А. П. Чехова.

Примите уверение в искреннем уважении Вашего покорного слуги

Гр. Мачтета.

3.

Зарайск. 22 Ноября (1893).

Милостивый Государь

Алексей Сергеевич.

Прошу Вас простить мне новое беспокойство, к которому отчасти вынуждает меня Ваше письмо. Дело в том, что я крайне боюсь всяких недомолвок и неясностей, весьма часто влекущих за собой неприятные и совсем неожиданные последствия. Редакция „Русской Мысли", которой я много обязан, предложила мне издать и первый том „Силуэтов" вторым изданием на обычных ее условиях (получение выручаемых от продажи денег по покрытии типографских расходов), в чем Вы можете убедиться из об'явления на обложке второго тома: „подготовляется новое издание первого тома". Но мне нужны деньги сейчас. У редакции я столько забрал уж денег авансом и под будущие работы, и под издание, что просить еще не хочу. С одного вола семи шкур не дерут, да и совестно, наконец. Поэтому, я принужден искать издателя, который согласился бы купить право издания, а т. к. я решил продать во что бы то ни стало, то и сделал попытку обратиться сначала к Вам и только после Вашего отказа—к рынку.

Все это, полуинтимное, я сказал теперь затем, чтобы об'яснить Вам, почему я не обращаюсь к ред. Русской Мысли, хорошее мнение о которой разделю с вами всецело и безусловно. Мало того, за это хорошее мнение, мне высказанное, я спешу послать Вам и мою благодарность, и выражение моего уважения. Вы легко поймете меня, когда вспомните: какие не хорошие отношения, больные, раздраженные господствуют в нашем литературном мире, где с собратом обращаются часто не лучше, чем в Германии с рядовыми. Все это до того измучивает, истерзывает, что так и вздохнешь полною грудью, получив образчик другого отношения.

С искренним уважением *Г. Мачтет.*

Я никак не могу понять, как это Вы не читаете русской беллетристики. Не вяжется это у меня с представлением о „Незнакомце". Ответ,—что это „дитя плохих дней" очень

плох,—не ответ, ибо, какова бы ни была,—она всетаки наше единственное зеркало. Верьте, что говорит во мне не обида, и не задетое самолюбие, — у меня нет такого самолюбия или очень мало. Я, конечно, не скажу, что мне безразлично: читает ли меня „Незнакомец“ или нет, но не это говорит во мне в данную минуту. Во всяком случае, мне очень приятно было узнать, что Вам лично чужды отношения Вашего фельетониста [1].

X.

С. Я. НАДСОН.

1.

Милостивый Государь

Алексей Сергеевич.

Я привел в известность число строк моих стихотворений, и оказалось, что всех их—1270. Таким образом, сборничек, при аналогичном формате, будет иметь, приблизительно, об'ем изданного Вами „Подснежника“ Плещеева. Мне-бы хотелось, чтоб и внешность издания была такая-же, как „Подснежника“. Привожу список стихотворений:

1. Посвящение. 2. Поэзия. 3. Поэт. 4. На заре. 5. Не весь я твой... 6. Я чувствую и силы и стремление... 7. Терпи, пусть взор горит слезой. 8. „В сумерках“. 9. Похороны. 10. Я не тому молюсь... 11. Друг мой, брат мой... 12. Да, чудно—хороши Кавказские вершины. 13. Не вини меня, друг мой... 14. Цветы. 15. Муза. 16. Чуть останусь один я... 17. Томясь и страдая... 18. На пол-дороге. 19. Из Джакометти. 20. Милый друг, я знаю... 21. Я пришел к тебе... 22 Сбылось все, о чем за школьными стенами... 23. О любви твоей, друг мой... 24. Завеса сброшена... 25. Как белым саваном... 26. Позабытые шумным их кругом... 27. Весенняя сказка. 28. Из дневника. 1) И крики оргий... 2) Я вчера еще рад был... 3) Мы спорили долго... 31. Я не щадил себя. 32) Герострат. 33) Неужели сейчас еще бархатный луг... 34) Грезы. 35) „Верь“, говорят они. 36) Revêrie. 37. На смерть И. С. Тургенева. 38. Опять вокруг меня ночная тишина...

Число стихотворений, сравнительно со сборником Плещеева, меньше на одно. Впрочем, я полагаю, что к изданию у меня еще что-нибудь напишется. Жду от Вас окончательного ответа [1].

С искренним уважением

С. Надсон.

2.

Милостивый Государь
Алексей Сергеевич.

Покорнейше прошу Вас со всем, касающимся издания моих стихотворений, относиться к Эрнесту Карловичу Ватсон (Фурштадская, д. № 27) (двадцать седьмой). Ему-же прошу присылать и корректуры,—вместе с оригиналом. Право на мой авторский гонорар я передаю „Обществу вспоможения нуждающимся литераторам и ученым“,—о чем комитет общества уже извещен. Хотелось бы, чтоб я мог располагать некоторым количеством экземпляров, для рассылки их моим друзьям.

Искренно уважающий Вас
С. Надсон.

3 Октября 1884 г.
С. Петербург.

3.

19 Сентября 1885 г.

Милостивый Государь
Алексей Сергеевич.

По сведениям, полученным мною из Вашего книжного магазина, издание моих стихотворений все распродано. Так как для меня не тайна, что Вы издавали мою книгу не охотно, и так как трудно думать, что за это время Ваш взгляд на меня, как на автора, мог перемениться,—я, по всей вероятности, не могу рассчитывать, что и второе издание, к которому я намерен приступить, Вы-бы взяли на себя, тем более, что мне хотелось-бы включить в него пьесы, выпущенные Вами при первом. Во всяком случае, не откажите уведомить меня о Вашем решении, равно как и дать мне официальное подтверждение того, что книга моя распродана. В заключение позвольте поблагодарить Вас от души за ту аккуратную и изящную внешность, которая была придана первому изданию.

Искренно уважающий Вас
С. Надсон.

Адрес: Фурштадская ул., д. № 27, Марии Валентиновне Ватсон, с передачей мне.

4.

Милостивый Государь

Алексей Сергеевич.

Письмо Ваше меня крайне порадовало, хотя оно и заключает в себе вежливый отказ Ваш взять на себя и второе издание моих стихотворений. Как бы то ни было, мне было очень приятно узнать, что в принципе Вы не враг моей поэзии. Я имею смелость думать, что и те стихотворения, на которые Вы указываете, как на проповедующие разрушение,—на самом деле не носят такого характера, хотя, конечно, если они и произвели на Вас такое впечатление,—значительная часть вины этого падает на меня, автора, не с'умевшего достаточно рельефно выдвинуть их основные мотивы. Бесконечно благодарен Вам за Ваш бескорыстный и благородный поступок, давший мне возможность хоть отчасти покрыть мой долг литературному фонду. Раз имев дело с таким издателем, как Вы, я не обращусь уже конечно к кому либо другому, чувствуя себя несколько избалованным Вашим отношением ко мне, и на этот раз попробую издаться сам, в кредит. Что же касается до успеха моей книги,—успеха, впрочем, очень скромного, я в значительной мере считаю себя обязанным им Вам, и Вашему согласию рискнуть издать произведения человека, мало кому известного, да к тому-же еще пишущего стихами в наше прозаическое время. Благодаря Вам, я теперь до известной степени чувствую себя на ногах.

Искренно благодарный Вам

С. Надсон.

Село Носковцы Подольской Губернии

30 Сентября 1885 г.

XI.

Н. А. НЕКРАСОВ.

1.

Многоуважаемый Алексей Сергеевич, ничего не имею против Маркова и уверен, что он хороший человек. Переводит он стихи недурно, их можно печатать—изредка. Я завален такого рода стихами, и много уделять места для него, так сказать, в ущерб другим поэтам не могу. Говорю это для того, чтоб он потом не пенял на меня, если не всякое его стихотворение—может быть и не уступающее этим по достоинству—приму впоследствии. При сем записка, по которой выдадут ему в конторе „От. З." пятьдесят руб. впредь до расчета. (Мы платим за стих по 50 коп.).

Искренно Вам преданный

Н. Некрасов.

6 Марта 1873. СПБ.

Из стих. К Северн. Ветру [1].

С дубравой темной, арфою певучей
Тебе я буду! И пускай спадет
Листва моя как чащи лист летучий!

Все это зелено, как дубрава, а листва моя вовсе непроницаема.

Пусть поправит, да пусть пришлет и Жаворонка—я посмотрю. Нахожу, что будет лучше, если мои с ним сношения будут и продолжаться, как начались, через Вас. Если дела его карманные плохи, то посоветуйте ему выбрать и перевести (с английского) какую-нибудь вещь большую. При удачном выборе и недурном выполнении подобный труд легче найдет сбыт, да и даст ему больше.

2.

Благодарю Вас, Алексей Сергеевич, за вашу книжечку, которую теперь читаю [1]. Я предсказываю ей большой успех. Послушайтесь моего совета, бросьте 100 р. на особое об'явление при афишах (с полным оглавлением) и разошлите не позже вторника Страстной. А то многие в газетах не заметили об'явления.

Я переговорил с моими товарищами: мы единогласно рады обещанным Вами статьям. Не изменяйте же Вашего решения.

Весь Ваш *Н. Некрасов.*

4 Апр. 1875 г.

3.

Уважаемый Алексей Сергеевич.

Я виделся с Краевским. На мои глаза он имеет твердое желание сойтись с Вами. Если Ваш вопрос еще неокончен, то повидайтесь с ним. Он сказал мне, что очень рад войти в личные переговоры с Вами; завтра все утро свободен, и если Вы потрудитесь притти к о м н е часу в первом, то придет и он. Дайте мне знать придете-ли и в которое время, дабы я мог вызвать и его.

Еще считаю долгом, без обиняков, сообщить Вам к сведению, что дело о предоставлении Вам фельетона в „О. З". несклеивается: есть элементы в нашей редакции, которые утверждают, что это будет взаимно неудобно. Не забудьте, что Вы завтра обедаете у меня в $4^1/_2$ часа [1].

Искренно Вам пред.

Н. Некрасов.

4.

Многоуважаемый Алексей Сергеевич,

Я сегодня обедаю дома в 4 часа—у меня будет только сестра, она не помешает—и тотчас после обеда уйдет к Зине [1].

Жду Вас обедать или если не можете тотчас после обеда, т. е. в 5 часов.

Весь Ваш *Н. Некрасов.*

6 Окт.

5.

Уважаемый Алексей Сергеевич,

Салтыкову удобнее обедать у меня в четверг; поэтому если у Вас этот день не занят, то приходите в четверг в 4 часа. А я к Вам постараюсь зайти ранее.

Ваш *Некрасов.*

6.

Я только—что встал и еду обедать. Сегодня видеться уже некогда, а завтра милости прошу зайти от 12-ти начиная и до обеда.

Весь Ваш *Н. Некрасов.*

7.

Я сегодня тоже обедаю дома—один с Зиной, и самое лучшее приходите к $4^{1}/_{4}$.

Ваш *Н. Некрасов.*

XII.

И. С. НИКИТИН.

Воронеж. Июля 24 [1].

Прежде всего я должен просить у Вас, милый Алексей Сергеевич, извинения за мое долгое молчание. Оно произошло от того, что я не знал Вашего адреса. Вы его мне не сообщили. Де-Пуле, которому он известен, уехал из Воронежа в Козлов. Таким образом, до времени моего свидания с И. И. Зиновьевым, от которого я добился наконец, что мне было нужно, я, волею не волею, оставался перед Вами в дураках... И так простите Вашего покорнейшего слугу.

От души благодарю Вас за исполнение моих поручений и за покупку некоторых вещей, по Вашему собственному выбору. Я через силу нарочно ездил в магазин, чтобы видеть Ваши московские новинки и, скажу по совести, остался всем доволен, кроме видов Москвы и Петерб. и бювуара, заплаченного Вами 7 р. серебр. Московск. Толстяк содрал с Вас, как говорится, кожу, да еще прихватил малую-толику и мяса, в чем, разумеется, Вы нисколько не виноваты потому, что Вы по части приобретения бювуаров не специалист.

Еще раз благодарю Вас. Из вещей по Вашему счету еще не получены: 15 сигарочниц с кисетом, всего на 30 р. Где они,—не знаю, все же остальное по счету верно. Уведомьте меня, будьте так добры, об... [2] сигарочницах и что и как... О себе не имею сказать Вам ничего нового: здоровье по прежнему плохо. Вот уже почти 3 месяца, как я сижу в четырех стенах, неправда ли что это весело? Лечит меня Тобен.

Сборник наш до сих пор еще здесь не получен [3]. Но издатель этого сборника, кажется, и не думает о нем в настоящее время: он купил у Воронеж. купца В. И. Нечаева рощу, отстоящую от Воронежа всего только на 10 верст, за 55 тысяч серебром... Как Вы думаете, ведь это недурно, а? Говорят, что покупка чрезвычайно выгодна. Впрочем дай бог всякому хорошего.

Ну что же Вы-то теперь, душа моя? Остались ли Вы решительно в Москве, или еще продолжаете жить в ней в качестве гостя? Смотрите, прочно ли избираемое Вами место и много ли Вы выигрываете от переезда из В. в Москву [1]. Также не мешало бы принять Вам к соображению силы Вашего здоровья. Так ли оно хорошо, что может выдерживать постоянную умственную работу при сидячей жизни. Все это я говорю из любви к Вам и Вы, прошу Вас, не пеняйте на меня за мои предостережения.

Увидите Ф. Н. Берга, передайте ему мой поклон равно и Блюмеру. Не знаю адреса ни того ни другого, иначе я бы к ним написал, в особенности мне нужно бы писать к Бергу.

Щелчок, данный Вами „Современнику“, довольно ловок и силен, но он мог бы быть и сильнее; вообще видно, что Вы торопитесь. По поводу этого предмета, по поводу лавочек при наших журналах, много можно бы сказать задушевного и горького. В „Моск. Вед.“ Вы наверное читали статейку Икса, вызванную, как видно, у автора наглою ложью журнальных об'явлений, бесстыдством редакторов, публично воскуряющих себе хвалебный фимиам. Однако я устал, ну Вас совсем... Пишите и незабудьте о сигарочницах с кисетом.

Всею душою любящий Вас

И. Никитин.

XIII.

А. Н. ОСТРОВСКИЙ.

1.

Москва, 11 Мая 1879 г.

Многоуважаемый, Алексей Сергеевич,

Анна Ивановна [1], прощаясь с нами, говорила, что Вы скоро опять приедете в Москву; я и поджидал Вас; но теперь уж я на отлете в деревню и в Москве Вас не увижу. Видеть Вас мне хотелось более для того, чтобы сообщить Вам для соображения следующие обстоятельства: если Вы с Анной Ивановной соберетесь побывать на Волге, то незабудьте, что подле Кинешмы, в усадьбе Щелыкове, Вы можете найти очаровательную местность, довольно удобное помещение и очень радушный прием. Есть и еще одно дело, о котором я не успел (а считаю нужным) поговорить с Вами,—это о Н. Я. Соловьеве. Но это дело пространное, а я теперь тороплюсь, так уж я напишу Вам о нем из деревни. Я обещал Анне Ивановне свой портрет, а если не обещал, то хотел обещать; я их и заказал, но они еще не готовы. Если будете в Москве, то потрудитесь зайти в фотографию Дьяковченко, на Кузнецком мосту,—я распорядился, чтобы один портрет был для Вас оставлен. Они будут готовы и 18-му Мая. Теперь еще просьба к Вам: потрудитесь приказать, чтоб оба „Новых Времени“ высылали по адресу: В Кинешму, Костромской губернии, в усадьбу Щелыково. Я уезжаю завтра, Марья Васильевна [2] уж уехала, она просила поклониться Вам и Анне Ивановне.

Искренно уважающий Вас и преданный Вам

А. Островский.

2.

Москва, 22 Января 1880 г.

Многоуважаемый, Алексей Сергеевич,

А. А. Майков послал 11-го Января в редакцию Нового Времени (на имя М. П. Федорова) статью о Черногории; эта статья до сих пор не напечатана, что его сильно огорчает. Он специалист в делах Черногории, и его статья едва ли может быть непригодною: во 1-х, в ней заключаются сведения, полученные с места действия, во 2-х этими сведениями подтверждается одно из предположений, высказанных в передовой статье Н. Времени. Майков не знает, будет его статья напечатана, или нет,—и это ставит его в неприятное положение. Статья писана „кстати", по поводу черногорско-албанского столкновения, с каждым днем отсрочки она теряет свое значение, потому что „кстати" выдыхается. Еслиб Майков знал наверное, что статья его отвергнута, то, чтобы не потерять даром времени и труда, он поместил бы ее в другой газете, а теперь у него руки связаны. Это „даром" не имеет материального значения, потому что Майков отдает свои статьи безвозмездно. Впрочем Майков предполагает, что, может быть, М. П. Федоров отложил статью к сторонке, да и позабыл про нее.

Искренно Вам преданный

А. Островский.

М. И. Писарев пожинает лавры.

3.

19 Декабря 1880 г.

Многоуважаемый,

Алексей Сергеевич.

Благодарю Вас за искренний тон письма и за откровенное изложение дела, которого я, признаться, до сих пор не понимал. Расчет Ваш для меня ясен, и на предложение Ваше я согласен. По приезде в Москву, я сейчас же займусь отделкой интермедий и буду высылать Вам одну за другой. Я вполне уверен, что все они Вам понравятся и заинтересуют и Вас и чита-

телей, а Вы их напечатаете в „Новом Времени“ штук пять, или шесть непременно [1]. Но главное дело в том, что я очень нуждаюсь в деньгах в настоящее время. Я покорнейше прошу Вас одолжить мне 250 руб.; если эти деньги не покроются в скором времени моими переводами, то я заработаю их чем нибудь другим и уж, ни в каком случае, не останусь у Вас в долгу, как не оставался в долгу не только ни у одной редакции, но и ни у кого и никогда.

Искренно уважающий Вас
и преданный *А. Островский.*

4.

20 Декабря 1883 г.

Многоуважаемый,
Алексей Сергеевич.

Сейчас вернулся домой и нашел Вашу карточку; очень сожалею, что Вы меня не застали. Все с театром вожусь, покою не знаю. Сделайте одолжение, черкните, когда можете уделить мне минут десять; я к Вам заеду.

В Петербурге я пробуду только среду и четверг.

Искренно Вам преданный
А. Островский.

5.

20 Декабря.

Многоуважаемый,
Алексей Сергеевич.

Завтра в 3 часа я буду дома непременно. Милости прошу, буду ждать.

Искренно Вам преданный
А. Островский.

6.

Москва, 11 Января 1884 г.

Многоуважаемый,
Алексей Сергеевич!

Я прочел Вашу статью о театре и немножко испугался [1]. Мне жаль стало нашего Погожева, мы к нему начали применяться. Его нулевое значение, при настоящей театральной

неурядице, даже полезно нашему театру. Теперь, когда в театральном управлении, с самой вершины вплоть до низу, царят: неумелость полная, отсутствие сознания ответственности своего положения абсолютное, теперь тот и лучше, кто меньше делает вреда. А от нуля какой же вред? Бывает, конечно, что и нуль заносится; но, по отсутствию содержания в середине, он, при первом асаже сейчас же опять принимает свою круглую форму. Когда для драматического искусства наступает безвременье и безлюдье, отсутствие начальника по художественной части еще тем полезно, что оно заставляет талантливых артистов теснее сплотиться. Это уж бывало в московском театре. Солидное и блестящее прошлое, крепкие предания, сознание своей заслуженной привиллегированности, величавость, которую сообщает театру прилагательное „Императорский"—все это заставляет сплоченную труппу итти прямой, хорошей дорогой без всякого проводника. Но вот беда, когда явится, вместо нуля, величина отрицательная, т. е., невежественный реформатор с мелкими страстишками самолюбия, зависти и пр., которые чирьями наболели и зудятся, явится окруженный толпою „папочек и мамочек", которые лгут и льстят и, вместо того, чтобы строго служить искусству, все целуются гуртом и поодиночке: тогда уж изящный Аполлон и опрятные музы не могут оставаться в этом притоне амикошонства. Вот чего мы в Москве боимся. А впрочем, твори бог волю свою!

В Петербурге на Святках не шло ни одной моей пьесы, да и теперь тоже. Я отнят у петербургской публики и петербургская публика отнята у меня. Это уж не только материальный ущерб, но и оскорбление. Я тридцатисемилетним трудом заработал для своей семьи постоянный доход; а его у меня отнимают. С моими произведениями никогда еще так не обращались, это в первый раз. Дефицит у меня большой и мне покрывать его нечем; не напишете ли мне чего нибудь утешительного об издании моих сочинений?

Искренно Вам преданный

А. Островский.

7.

Москва 10 февраля 1884 г.

Многоуважаемый,
Алексей Сергеевич!

Много добрых слов сказали Вы обо мне, а я и не поблагодарил Вас до сих пор [1]. Что делать, извините; уж очень горе одолело меня. Марья Васильевна была больна мучительнейшей болезнью; я исстрадался, на нее глядя, потерял голову и чуть—чуть не помешался, уж стал заговариваться. Болезнь, к счастию, оказалась не опасной и дело идет к выздоровлению. Очувствовался немного и я, но еще оправлюсь нескоро; нравственное потрясение было очень велико и прошло небесследно, что то осталось во мне неладное. У меня хотят отнять бумагу, перья и книги, не велят ни думать, ни чувствовать и говорят, что, если я буду этим заниматься, то будет худо.

Искренно благодарю Вас за теплое, ласковое слово, что для меня ценнее всего в мире. Марья Васильевна тоже от всей души Вас благодарит и собирается расцеловать Вас при свидании.

Поклонитесь от нее и от меня Анне Ивановне.

Искренно Вам преданный
А. Островский.

8.

23 Марта 1884 г.

Многоуважаемый,
Алексей Сергеевич.

Так мне и неудалось еще раз видеться с Вами в Петербурге, а нужно бы поговорить кой о чем. Мне обещают пропустить перевод Мандрагоры: хочется напечатать его поизящнее, как того заслуживает великое имя автора. Да и на Вейнберга надежда плоха, вероятно, придется печа(та)ть отдельно переводы из Сервантеса. Дела у меня здесь было по горло, а сил мало, смотался совсем. Сегодня всем моим мытарствам конец, и завтра уезжаю в Москву с почтовым поездом.

Желаю Вам здоровья. Поклонитесь от меня Анне Ивановне.

Искренно преданный Вам
А. Островский.

XIV.

А. Н. ПЛЕЩЕЕВ.

1.

Добрейший Алексей Сергеевич[1]. Обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой и надеюсь, что Вы по старой памяти мне не откажете. В „минуту жизни трудную“, какие мне беспрестанно приходится испытывать, продал я некоему книжнику Тузову,— за такую цену, что и сказать совестно—некоторые свои повести, напечатанные в „Современнике“ и „Русском Вестнике“ 1858—60 г., присоединив к ним два—три фельетонных рассказа позднейшего времени. — Теперь эта книга вышла. Если о ней будет рецензия (издатель очень жаждет этого; я был бы гораздо более доволен, если бы о ней промолчали), то внушите тому, кто возьмется её писать, чтобы он не упускал из виду, что эти вещи написаны 20 лет тому назад. Я очень хорошо сознаю, что они отзывают теперь чем-то архаическим; что на каждом шагу в них наталкиваешься на азбучные сентенции, на обличительные выпадки,—на глумительные туры; и имей я деньги, я бы скупил и сжег все экземпляры этой книги. „Цепные литераторы“ без сомнения разорвут меня на части, обрадовавшись случаю, что есть над чем изощрять свое остроумие. А так как и в Вашей газете таковые найдутся, то я прошу Вас попридержите их,—Алексей Сергеевич; и если уж сделать отзыв о книге признано будет нужным, то пусть ограничатся двумя, тремя общими фразами, хотя бы и бранными.— Исполнив мою просьбу, Вы к Вашим прежним одолжениям присоедините еще одно, не менее крупное, и за которое я буду Вам не менее благодарен нежели за те.—Жму Вашу руку.

Ваш *А. Плещеев.*

P. S. Книгу при сем прилагаю.

Уважаемый Алексей Сергеевич[1].

Ко мне обратился недавно один мой знакомый, межевой офицер Нос, с просьбой навести справку—будет ли помещена в „Пет(ербургских) Вед(омостях)“ его корреспонденция — о южной железной дороге. Он говорит, что готов бы быть постоянным корреспондентом по тем предметам, о которых другие Вам не пишут, у него есть пути добывать не всем доступные сведения.—Будьте так добры напишите мне на этот счет—два слова. Еще—сам я буду просить Вас кое о чем. 1) Мне хотелось бы написать в „Петерб. Вед.“ заметку о журнале „Р(усская) Сцена“ [2]. Меня просил Михно. Он человек честный, которому можно желать успеха. Но я конечно отнесусь вполне беспристрастно. И дурное буду порицать. Мне за это и гонорария пожалуй не надо. Только скажите—можно ли будет сделать сопоставление с Московским „Антрактом“[3], клонящееся не в пользу последнего? Кажется, ведь Корш - в приятельских отношениях с Баженовым? Мне кажется, если бы у Корша было по меньше „приятных отношений“, его газета была бы поярче. 2) Осведомьтесь, если вас не затруднит, у Буренина, что ему сказали в книжных магазинах, где я просил его свести счеты. Может он не успел; или ему не дают денег (а я в них очень нуждаюсь) или наконец—он мне не пишет на этот счет потому, что сам собирается сюда. Он говорил, что в Ноябре будет опять в Москве. 3) Спросите у В. В. Маркова—не примет ли „Инвалид“ [4] заметок о Московск. жизни (о театре и о прочем). Мне здесь предлагал писать туда актер Вильде, у которого брат будто бы тоже при „Инвалиде“. Но по некоторым причинам хотелось бы писать „мимо его“.—Если В. В. может это устроить, то какая плата? а также в какие сроки посылать заметки.—Еще попросите В. В., не может ли он мне одолжить книгу—которая, как мне сказал Буренин, у него есть: Дон-Жуан и Фауст, Граббе [5]. Я ему возвращу ее в целости. Пускай пришлет с окказией.

Извините пожалуйста, если я вам надавал слишком много разных поручений. Они вас как человека занятого могут—я знаю—стеснить. Но мне право не к кому обратиться.—

Прошу вас передать наше искреннее почтение Анне Ивановне; Маркову—тоже кланяйтесь. Жена моя всё хворает. Глаза болят и вообще по временам нервное расстройство вследствие известной—женской болезни, которая летом было значительно поправилась; а теперь опять стала возобновляться.—Коршу пожмите от меня руку. Желаю вам от души всего лучшего. Будьте здоровы и не забывайте искренно преданного вам

А. Плещеева.

P. S. Я еще забыл вас поблагодарить за ваше заступничество—в „Инвалиде", от нападок „Отеч(ественных) Зап(исок)". Кто автор этой критики—подписывающийся буквами Н. К.[6] Не из Берго-Костомаровской ли компании. Вы единственный человек, который сказали доброе слово в мою защиту. А то обыкновенно—друзья всегда более норовили мне напакостить как в литературе, так и в частной жизни. Еще раз благодарю вас сердечно.

Мне бы очень хотелось написать что нибудь в „П. В."[7] для того, чтоб получать их в будущем году. Не посоветуте ли какой работы.

3.

Ноября 11-го [1]
Москва.

Добрейший мой Алексей Сергеевич.—Позвольте мне обратиться к вам с покорной просьбой. При этом письме вы найдете две статьи, или корреспонденции, которые меня просили передать для напечатания в „Петерб. Вед.". Одна из них—о земстве Дмитровского уезда, написана человеком посторонним литературе, и который, не претендуя на литературное изложение, предоставляет редакции делать все возможные поправки и изменения. Так как он подписывает свое имя, то следовательно и несет ответственность за справедливость сообщаемых им фактов. Вы сделаете мне одолжение—если поместите эту корреспонденцию в одном из близких № газеты (разумеется бесплатно). Господин этот оказывал мне сам кое какие услуги, и я не вправе был отказать ему в этом случае в своем посредничестве между ним и редакцией.

Другая статейка моего хорошего приятеля, по фамилии Соболева, который предлагает—не согласится ли редакция помещать у себя в фельетоне, от времени до времени, хронику московской жизни, преимущественно со стороны разных общественных вопросов; за что желал бы получать вознаграждение, так как он живет трудом. Посылаемая им нынче статейка имеет предметом своим—недавно происходившую в стенах университета историю студентов медицинского факультета с Полуниным. Все заключающееся в ней вполне достоверно; и сколько мне кажется, она написана в таком тоне, что поместить ее можно. Но повторяю: автор желал бы 1) чтобы она явилась в фельетоне, а не в отделе корреспонденций, и сколь возможно поскорей; и 2) чтобы ему за нее что-нибудь дали.

Прошу вас, дорогой Алексей Сергеевич, не поленитесь мне сообщить, в какой степени все, о чем я пишу вам, исполнимо.

Если бы статейка Соболева не годилась вам, то не признаете ли возможным передать ее в другое место, по вашему усмотрению.—Чем скорей вы мне ответите, тем более я буду вам благодарен; потому что авторы—по всей вероятности—очень часто будут приставать ко мне с вопросами об участи их писаний.

Что вы поделываете—независимо от своей газетной работы—не предпринимаете ли каких изданий, и вообще как вам живется? Пожалуйста передайте мой искренний поклон Анне Ивановне. А уж как мне живется плохо, еслиб вы знали, Алексей Сергеевич! В денежном отношении бедствую несказанно. Кроме того, с самого переезда с дачи, дети мои не перестают болеть. И в настоящую минуту, когда пишу к вам, Леночка и Кока лежат в сильнейшем жару.—Оба они уже вынесли дифтерическую жабу. Леночка два раза даже. Не знаю что еще такое теперь будет.—Саша учится у меня в частной гимназии; и им там очень довольны; но тоже все нет—нет да и прихворнет. Квартира как видно попалась мне сырая—какой то гнилой воздух в ней. Придется кажется менять. А где теперь найдешь зимой. Служба моя - все идет своим чередом; и под час наводит на меня большое уныние. Пробовал переменить ее; баллотировался в мировые судьи, но разумеется не выгорело—по независящим от редакции обстоятельствам.—Куда ни кинь—все клин.—Болезнь детей и разного рода заботы—не дают

мне до сих пор—окончить мой перевод Струэнзе[2]; которого мне осталось всего поллиста печатного. Работаю урывками, по ночам.—Надеюсь однако же, что в этом месяце окончательно приготовлю его к печати. Хоть бы удалось продать его повыгоднее. Если Некрасов будет скаредничать, не возьметесь ли помочь мне и пристроить его в „Вестнике Европы"? Поклонился бы вам до земли.—Я было тут перевел для денег одну французскую пьесу, да актеры у меня провалили ее. Никто ни в зуб роли не знал. Дали ее всего раз пять; и получу я за нее шиш. Столько у меня здесь развелось доброжелателей, которые с необыкновенным злорадством встречают каждую мою неудачу, и гадят мне при всяком удобном случае,—что Москва становится мне положительно с каждым днем все противней и противней. Может и сам я виноват в этом; потому что в последнее время, под влиянием самых неблагоприятных об'стоятельств, сделался крайне раздражителен, и не щадил самолюбия разной сволочи.—Одну мерзость хотели мне сделать даже весьма крупного свойства; и я не знаю, чему приписать, что она не имела надлежащих последствий.—Узнал же я о ней совершенно случайно. Обо всем этом пишу вам, голубчик, единственно потому, что сколько мне казалось всегда, вы были ко мне искренно расположены; и ни у кого мне, в последнюю бытность мою в Петербурге, не было так т е п л о как у вас.

В последнее время, я почти нигде не бываю; сижу все дома; и у меня редко кто бывает. Но чувствую большую потребность писать; и если не случится со мной ничего особенно гадкого, думаю, по окончании Струэнзе, приняться за новую литературную работу.

Ваши воскресные фельетоны—читаю всегда с большим интересом. Они у вас выходят очень хороши, за немногими исключениями, когда вы видимо бываете утомлены обязательностью работы. Фельетоны Кюи и Буренина тоже иногда весьма удачны. Буренин чрезвычайно верно недавно охарактеризовал талант—Михайлова („В разброд") и вообще у него теперь больше выдержки и лучше тон. Редко—редко не соглашаешься с его оценками. В Боборыкине вы приобрели—по моему—тоже отличного корреспондента. Фельетон его весьма бойкий и живой. Мне кажется это его настоящее дело.—Что говорят у вас о новой комиссии—Урусовской[3]; лучшего или

худшего ожидают? Не знаю—собственно—за что карать теперь печать. Журналы, кажется, очень умеренны стали.

Крепко жму вашу руку. Кланяйтесь Коршу и Буренину.—Желаю всего хорошего. Пишите мне так: в Московский Почтамт, ревизору контрольной Палаты. Еще раз прошу вас, не замедлите ответом, чем много меня обяжете.

Ваш весь

А. Плещеев.

R. S. Что такое „Библиограф"?[4] — И как вам нравится новый критик „Р(усского) Вестника": Нелюбов (Ларош); по моему он напоминает Никитенку.

4.

Москва 24 Апреля [1].

Добрейший Алексей Сергеевич. Обращаюсь к вам с покорнейшей просьбой. Вы уже конечно знаете, из газет, о происходившей здесь дуэли между Урусовым и П. Островским. Если возможно—не касайтесь этого дела, в ваших недельных очерках и картинках. Я прошу вас об этом—как от себя, так и от имени П. Островского, с которым я в самых дружеских отношениях. Он человек прекрасный, честный и скромный; и ему очень тяжело, что он сделался сказкой города. Я принимал самое близкое и деятельное участие во всех переговорах, предшествовавших дуэли; и как со стороны Островского, так и со стороны посредников—сделано было все, чтобы устранить эту глупую дуэль; но с Урусовым никаким образом нельзя было сладить, благодаря его—аристократической закваске и французским понятиям о „пуэндонерстве". Прокурор уже поручил, как слышно, судебному следователю начать дело. Вы сделаете мне истинное одолжение, если до суда не будете говорить об этом. Попросите о том же и В. П. Буренина. Но если уж вы признаете это невозможным, то по крайней мере не будьте слишком язвительны.

В замен этого факта позвольте сообщить вам другой, который может дать вам материал для фельетона.—Здесь появился философ Струве, из варшавского университета, которого Леонтьев и Катков непременно хотят сделать профессором; и пускают для этого в ход всевозможные интриги, запуги-

ванья и инсинуации. Во первых, на диспуте[2] все, кто осмеливался ему возражать, громко назывались Леонтьевым и его кликой людьми неблагонамеренными, нигилистами и полякоманами. Для того, чтобы в факультете не было против него оппозиции—трех профессоров, заявивших себя против него, сочли нужным ублаготворить: Тихонравову дали вдруг ни с того ни с сего диплом на доктора, Нилу Попову и Дювернуа деньги на поездку за границу с ученой целью, и три антогониста положили белые шары.—Некто Аксаков—молодой человек (не И. С.) издал брошюрку[3], где побивает Струве и уличает его в воровстве (хотя сам принадлежит к спиритуалистам и следов. в мнениях с ним расходиться не должен бы), так как диспут закрыли, не давши ему возражать.—На днях Юркевич, клеврет Леонтьева, пишет к Аксакову письмо, где требует, чтобы он уничтожил свою брошюру; а в противном случае—говорит—„вам будет очень худо; на вас может появиться д а ж е передовая статья в „М. В.“[4]. Каково нахальство; и главное—что за высокое понятие о значении передовых статей „М. В.“. Ныне вышла еще брошюра Усова—против того же Струве[5]. Этот—другого направления и уличает его в совершеннейшем незнании физиологии.—Те же самые интриги и инсинуации пущены в ход против Симоненко, который ищет кафедры политической экономии. Леонтьев решился его не допускать ни под каким видом; потому что он не заискал у него, и еще потому, что у него есть на эту кафедру с в о й: латыш Вольдемар, никогда не занимавшийся полит. эк. Даже самые мирные профессора выведены этим наглым вмешательством редакции „М. В.“ не в свои дела (Леонтьеву нет никакого дела до других факультетов, — кроме филологического) и составляют оппозицию. В будущую субботу будут выборы обоих Струве и Симоненко—в совете университета; но едва ли оппозиция восторжествует. Большинство профессоров холопствует перед „М. В.“, особенно—кто бы вы думали—профессора медики! Гадостям, совершающимся здесь—в университете, нет конца. Каждому, кто является снискателем на кафедру, прямо об'является—что если он хочет быть профессором, то должен примкнуть к „М. В.“ и писать в „Р(усском) Вестнике“. Юркевич это прямо об'явил и молодому Аксакову. Даже в Петровской академии Щепкин лишился кафедры—вследствие доноса Леонтьева попечителю, который передал министру Госуд.

имуществ, что Щепкин неблагонадежного направления. В заключение сообщу, что затевается ежемесячный толстый журнал [6]; направление будет по всей вероятности умеренное—но анти-Катковское, в самых главных основаниях. Деньги дает Кошелев. Редактором будет очень хороший, вполне честный человек, относящийся ко всему молодому, живому и свежему—весьма симпатично, некто Юрьев,—человек 40-х годов; хороший знакомый Салтыкова и Уньковского. Может-быть будет в журнале оттенок славянофильский, но далеко не такой, какой был у Аксакова и еще менее имеющий общего с „Зарей“ [7] и статьями Данилевского. Ни самохвальства, ни кулака, ни государственного начала а Ia Катков, ничего этого и тени не будет. Славянофильство может там проявиться разве—в виде сочувствия к угнетенным славянским народностям и еще в том, что к древней Руси, не будут относиться безусловно—отрицательно... но не будут также искать идеалов и в Московском периоде, а совсем напротив. На днях кажется будут просить разрешения; и если получат его, то журнал начнет выходить, кажется, с Сентября.

Будьте добры просите Буренина—уведомить меня, получил ли он мое письмо.—Крепко жму вашу руку. Низкий поклон мой Анне Ивановне. Желаю вам всего доброго и хорошего.—Валентину Федоровичу мое почтение.

Ваш весь

А. Плещеев.

5.

Москва 12 Июля[1].

Добрейший Алексей Сергеевич. Душевно благодарю вас за участие.—Когда я писал к вам, то не знал еще, кто заведует „Вестником“ [2], без Стасюлевича, и как последний распорядился на случай экстренных до него нужд. А потому и решился, не дожидаясь вашего ответа, написать ему прямо. Поблагодарите пожалуйста и Утина. Не посетуйте на меня, голубчик, если я еще попрошу вас кое о чем; и больше уже не стану тревожить вас. Осенью собираюсь непременно в Петербург; мудреного нет, что и совсем там останусь. Очень уж мне здесь тошно и трудно.

Настоящая моя просьба состоит в следующем: 1) во первых, будьте добры скажите Пыпину, если найдете случай поймать его (а если не найдете, не откажитесь написать ему по городской почте), чтобы он возвратил—ту корректуру, которая ему послана; если даже он не нашел возможным ее исправить, так как ему послана по ошибке корректура черновая (т.-е. 2-я). Это очень нужно. И вообще, во избежание очень долгой возни, не позволит ли он, чтобы я ему лучше прислал рукопись на исправление, вместо того чтобы посылать корректуры.

2-я просьба, об Иванове. Я ему сообщил, что фонд[3] ему отказал, и это его ужасно сокрушило. В самом деле—человеку просто есть нечего. Обещали ему место, на днях, но он в таком виде—что его никуда не примут, если он не оденется хоть сколько-нибудь прилично. Был здесь В. Ф. Корш. Иванов это пронюхал через его племянника Григорьева (сына Аполлона) и пришел просить у меня записки к нему. Я дал, но В. Ф. уже уехал. – Он взял мою записку и отправил ее по почте при своем письме. Но так как В. Ф. не член комитета—то едва ли это поведет к какому нибудь результату. Главное то, что отказ фонда—у меня на совести. Я имел неосторожность написать Гаевскому, что он пьет; а мне Салтыков говорил, что комитет положительно отказывает всем пьющим людям, если за них кто-нибудь особенно настойчиво не вступится. — Но я никак не думал, чтобы после того, что я вам писал, ему отказали. Я упомянул о его пьянстве Гаевскому – на тот конец— чтобы мне дозволили распорядиться деньгами по моему усмотрению; я бы ему выдал только часть, а на остальные купил-бы ему платье, или по крайней мере—выдавал бы ему по мере надобности. Теперь в какое положение я поставлен – в отношении к нему—фондом? В отчете о заседании комитета будет мотивирован отказ, и конечно мотивирован моим отзывом? Значит я напакостил бедному человеку, который буквально ни сапог, ни корки черствого хлеба не имеет? Я понимаю, что такому человеку можно дать меньше сравнительно с другими, более имеющими право на помощь, но не дать совсем – ведь это бесчеловечно. Теперь остается давать обо всех одинаковые отзывы—но тогда к чему же будут служить справки? Не можете ли вы вторично завести о нем речь в комитете? Не могу ли я от себя подать нечто в роде записки о нем? Я ему впрочем сказал—что он глупость сделал, написав такое письмо

в комитет, который, видя, что человек не дорожит местом, вправе заключить, что он не сильно нуждается. Одолевает он меня посещениями жестоко; просто нигде от него нет покою: ни на службе, ни на даче. Сам бьешься как рыба об лед, а ведь нельзя же—отказать человеку в полтиннике. Но из этих полтинников очень скоро составляются рубли. Выхлопочите ему хоть 25 руб. Личность он правда очень не симпатическая,—но ведь и несимпатическим личностям есть надо. Пожалуйста Алексей Сергеевич, помогите ему. Будь у меня лишних 25 р., я бы ему отдал, сказавши, что это из фонда, потому что я сам причиной тому, что ему ничего не дали.— Крепко жму вашу руку, дай вам Бог всего хорошего с вашим семейством.

Ваш *А. Плещеев.*

6.

Добрейший Алексей Сергеевич!

Некрасов просит вас обедать у него в Понедельник[1]. Будут и Салтыков с Елисеевым. Я нынче с ним говорил еще и вынес из этого разговора то убеждение, что вам следует непременно принять его предложения. Независимо от журнальной работы вы можете в нем найдти полезного компаньона для „изданий". Ему повидимому очень бы желалось, чтобы вы вошли в редакцию. Пожалуйста приходите в понедельник. Завтра у Некрасова новый и подписной обед в Английском клубе.

Ваш весь
А. Плещеев.

7.

Алексей Сергеевич. Спасите меня бога ради; я нахожусь в без'исходном положении. Завтра 21-го последний, крайний срок взносить страховую премию за свою подлейшую жизнь, которой кажется конца не будет. Взять мне этих денег—положительно не откуда. Прибегать ни к Некрасову, ни к Полетике нет сил. Вы знаете, что заем в литератур. фонде не

состоялся; и что вместо 500 р., которые мне очень нужны, я получил от Некрасова жалованье вперед за два месяца, т. е. 150 р. и с тех пор бился как рыба об лед. То что получал из „Бирж. В." разумеется проживал. Есть, пить надо. До какой степени чувствуешь себя каждый раз приниженным, как просишь у Н. денег, и сказать вам не могу. Если вы мне теперь и откажете—я к нему не пойду просить. Пусть лучше пропадет всё, что вносил до сих пор; и гибнет всякая надежда оставить что нибудь семье. Вы может быть скажете, что это эгоизм с моей стороны, что нельзя быть слишком щепетильным, когда дело идет о будущем детей... Но назовете ли вы эгоистом человека, который ради этого будущего не согласился бы подвергнуться заушению и оплеванию. Между щепетильностью и хоть малейшим чувством собственного достоинства есть же разница? А когда от этих господ—уходишь, взяв у них „незаработанные" деньги, чувствуешь себя точно оплеванным и заушенным, хотя они тебе ни единого грубого слова не сказали... Сколько раз мне случалось слышать как у Н.—по уходе человека, которому он давал денег—вырывались очень жесткие слова. Точно тоже вероятно говорит он и тогда, когда дает мне. Ведь вот к вам я иду же не с тем чувством как к нему. Откажете вы мне—я всё таки приниженным не буду себя чувствовать. Мне нужны 200 р.,—умоляю вас, если вы не имеете их—добудьте где нибудь. Но вы разумеется очень хорошо понимаете, что этих денег я вам скоро не возвращу. Может быть вы дадите мне возможность заработать их в вашей газете. За это я бы конечно сказал вам большое спасибо. Теперь ли—после ли—всё равно, я с наслаждением готов буду исполнить всякую работу—какую бы вы ни поручили мне—и на какую я только способен. Если же работы не подыщется—то позвольте выплачивать вам с мая месяца—по 25 р. ежемесячно. К новому году я таким образом расквитаюсь с вами; если буду жив. Правда, что я вам должен еще кроме этих денег; но те—постараюсь уплатить ранее мая.

Не прошу у вас извинения в том, что обратился к вам, потому что не считаю вас за человека, перед которым бы нужно было извиняться в подобном случае. Но прошу вас об одном, Алексей Сергеич, дайте п о с к о р е й ответ—в том ли в другом ли смысле [1].

Искренно вас уважающий *А. Плещеев.*

8.

Дорогой Алексей Сергеевич [1].—Как мне досадно, что болезнь мешает вам выходить и быть в редакции „Биржев (ых) Вед (омостей)". Теперь я не могу надеяться ни на чье посредничество.—Я написал Полетике письмо приблизительно такого содержания: так как все фельетоны, какие я сначала писал, т. е. о провинциальной жизни, о заграничной жизни—оказались не нужными, а также и библиография, которую я предлагал,—то я получать содержания не намерен, потому не желаю, чтоб Полетика мне благотворил. (Я не постыдился бы получать содержание от Некрасова или вас, еслиб вы были редактором, но от барышника—не желаю). Если он не имеет дать мне никакой другой работы, но если ему нужны те фельетоны, какие я ему теперь строчу—то пускай дает мне за них построчно 5 к., если же и они не нужны, то я ухожу. Я говорил с Некрасовым и передавал ему то, что говорил вам Ватсон. Он глубоко возмущен этим; и говорит, что так нельзя поступать даже с начинающим, а не только с человеком, имеющим всё-таки имя. Полетика забыл, что он пригласил Курочкина, Скабичевского и меня—когда у него никого не было; что некому было писать в его газете. Он торжественно об'явил о нашем вступлении, и теперь вытесняет, находя меня ненужным. Некрасов говорит, что если я уйду, то должен уйти, сделав историю и скандал, и действительно, если я уйду, то пропишу в газетах всю историю моего участия и отказа мне в „Биржев. Вед." Я вполне убежден, что меня выживает оттуда В а т с о н. Полетика скупится давать содержание; а Ватсон вероятно имеет кого-нибудь в виду на жалованье вместо меня, может быть Воропонова,—который теперь там стал писать. Полагаю, что он и Скабичевского выживет, и может быть мы увидим вскоре обозревателем Буренина.—Как бы то ни было, вы поймете, как лишение последней работы должно отозваться на моих делах. Некрасов говорит, что вы бы своим влиянием могли заставить его дать мне определенную работу, потому что ведь могу же я что-нибудь писать. Не идиот же я какой нибудь или не умелый, который только начинает. Так вести внутр. отдел как г. Ватсон, и я бы сумел. Но я понимаю, что вам не сладость толковать с таким господином; да притом еще вы больны. Некрасов сам готов бы с ним об'ясниться на этот счет, так

как он меня свел с ним,—но я просто не желаю этого. Это будет иметь вид упрашиванья г. Полетики; совсем другое дело, когда скажет ему член редакции. — Разумеется, если я найду какую нибудь работу, которая хоть на некоторое время обеспечит меня, я наплюю на него. Лучше служить, чем иметь дело с такими господами, как Ватсон и Полетика. Теперь не знаю как и с книжкой моей, напечатанной там, сделать. Пришел бы к вам, да боюсь вас тревожить. Посылаю вам перевод Брет-Гарта [2].

Ваш *А. П.*

9.

Любезный друг Алексей Сергеевич [1].

Я попытался было нынче выйти, но кажется дурно сделал, потому что у меня каждый вечер жар и лихорадочное состояние возобновляется. Мне очень хотелось зайти к вам из редакции „Отеч. Зап.“, но у меня сильно больна мать—надо было ее навестить. А теперь не в силах приехать; потому что опять разнемогся. Я получил очень вежливое напоминание из „Биржев. Вед.“, что от меня ожидают фельетона в среду утром; что в сущности очень неделикатно, когда знают, что я болен. Хоть бы спросили в записке, каково мне, и могу ли я прислать что-нибудь. Скажите мне, пожалуйста, откуда мне принесли 25 р. в тот день как Вы у меня были, от вас или из кассы „Биржев. Вед.“? Я получил просто, даже без конверта; пришел кто-то и велел мне отдать 25 р.!

Мне положительно противно, голубчик Алексей Сергеевич, сотрудничество у Полетики в том виде, в каком я теперь там сотрудничаю. Всякая сколько-нибудь порядочная и осмысленная работа проходила постоянно мимо меня. Я думал хоть библиографию взять. Нынче сказал Скабичевский, что библиографический фельетон отдан г. Александрову. Что такое Александров,—это я знаю хорошо. Мало того, что это тупое животное, но это в полном смысле слова: мошенник, о воровских проделках которого могут справиться в ред. „Пчелы“, в педагогической комиссии Соляного Городка и у редактора „Народной Школы“, Медникова, и у многих других лиц. Он пишет портреты с семьи Полетики—вот все его права на

звание критика в „Бирж. В.“ Ведь его бездарных статей ни один журнал больше не принимает. Скоро Полетика своего портного или сапожника посадит писать в „Бирж. В.“ Словом, как бы то ни было—но я теперь измышляю главнейшим образом, как бы освободиться из зависимости, в которую нужда поставила меня относительно этой редакции, где сидят не литераторы, а менялы. Так или иначе, я выйду из нее. Не могу же я получать жалованье и не иметь определенной работы. „Пишите что хотите“: это, батюшка, отзывается благодеянием со стороны г. Полетики. Дескать—вы мне не нужны, но так как вас уж взяли, то пишите что̀ хотите. Скабичевский тоже не останется тут. Он нынче мне говорил.—Я предпочту службу—работе в сообществе г. Александрова. Я не знаю, в какой степени возможно теперь дать в верхние столбцы газеты библиографическую заметку? Если она будет проходить через редакцию Александрова, то благодарю покорно.

Будьте добры, заявите—когда будете в редакции, что я употреблю все силы заработать должные деньги и оставаться не желаю, в числе сотрудников на жалованье. Вы знаете мои обстоятельства, и если я решаюсь на это—значит уж очень мне претит.

Несть конца моим мытарствам, голубчик Алексей Сергеевич. Вчера Некрасова не было—и до сих пор его всё нет. Сейчас только от него. Вероятно всю ночь играл и продолжает играть. Пожалуй еще распроиграется, и тогда к нему не подступайся с просьбой о деньгах. В суд я не пошел и не знаю „куда меня решат“ и не возьмут ли за мою неявку какого-нибудь штрафа. Завтра контора заперта и я денег не получу до понедельника,—если предположить даже, что я их получу. Если вы имеете какую нибудь возможность на эти два дня, т. е. до понедельника, ссудить меня двадцатью пятью рублями, то я вам буду крепко благодарен; ибо приходится быть на пище св. Антония—да кроме того завтра нужно десять рублей заплатить столяру за поправку у меня мебели. В понедельник—как получу из конторы деньги, так и принесу вам.—Простите мне ради Бога эту надоедливость. Но вы человек душевный и понимаете хорошо моё каторжное положение.

Искренно преданный вам

А. Плещеев.

10.

Дорогой Алексей Сергеевич [1]. Вы делали мне бесконечное множество одолжений, довольно крупных, — сделайте еще одно, за которое я буду вам не менее благодарен чем за все предыдущие.

Прежде всего — будьте добры — возьмите на себя труд — пробежать нижеследующий расчет.

Моей книжки [2] отпечатано у вас 1600 экз., из коих я взял 20 и возьму еще 5,—следовательно всего находится в вашем складе 1575 экземпляров. Их уступают книгопродавцам по 70 к., но может быть тем, кто возьмет побольше, придется и уступить несколько более, а потому положим, что круглым числом они будут все проданы по 60 коп. за экземпляр; — это составит $1575 \times 60 = 945$ руб. Вычтя из этой суммы издержки по напечатанию, т. е. 282 руб. (копейки я отбрасываю), получим: $945 - 282 = 663$ р. Я состою вам должен 550 р. (Может быть. впрочем, и несколько более; мне случалось брать у Вас по мелочам; но я считаю собственно капитальный, крупный долг; — т. е. деньги, заплаченные за меня в фонд, и потом 200 р., которые вы мне дали 21-го февраля для взноса в общ. страхования жизни).

Не найдете ли вы возможным ссудить мне еще 100 руб.— и я оставлю все издание своей книжки — в ваше полное распоряжение; с тем, что ежели вы не выручите от него всех денег, которые я вам должен, — то я остальные или возвращу или как нибудь заработаю. Но всякое с моей стороны касательство к изданию этому — окончательно прекращается. Оно становится как бы вашим собственным; хотя этого покупкой назвать нельзя, потому что купить вам издание по 60 к. за экземпляр было бы слишком невыгодно. Продать его я мог бы вам разве по 40 коп. Да и то—книжка пожалуй может сесть, так что и этих денег вы не выручили бы. — Я хочу только, чтоб вы все, что она вам даст, зачли мне за долг; а если она ничего вам не даст, то я остаюсь у вас по прежнему в долгу. Окупить типографские издержки я полагаю она все-таки может.

Если вы находите невозможным исполнить то, о чем я прошу, то разорвите мое письмо и забудьте о нем. Я боюсь, чтобы вы на меня не рассердились и чтобы просьба моя не

показалась вам чем-то в роде нахальства, — эксплуатации вашего доброго ко мне расположения. — Все дело в том, что я нынче встречаю праздник без гроша; а меня со всех сторон рвут. Так сложились обстоятельства. В „Отечеств. Записках“ еще расчет не произведен — книжка не выходила; да и не получишь оттуда ничего. С меня большой вычет есть. А Салтыков скареден. В „Биржевых“ вперед не дают Нужно ждать конца месяца. Словом скверно. А вы знаете, что такое эти праздники для семейного человека. Просто самое анафемское время. Вот почему я и решился обратиться к вам.

Кстати уж заодно скажу вам насчет той немецкой книжки, которую вы мне переводить дали. Я оказался перед вами свиньей—потому что не перевел ее. Это вы знаете. (Почему я не перевел – я не буду распространяться. Для вас это не интересно). Но вот чего вы не знаете: я ее дал переводить другому и заплатил за перевод половины книги деньги. Другую половину хотел сам перевести, и не успел. Таким образом не только с вами не расквитался, но еще из своего кармана заплатил за 8 листов по 12 руб. — Мне совестно было с вами заводить речь об этой книжке. Теперь уж она разумеется никому не нужна. Все это произошло от моей безалаберности. Хватаюсь за десять дел разом—вот и не выходит ничего.

Еще раз—не сердитесь, голубчик. Я и сам себя не мало ругаю.

Ваш *А. Плещеев.*

11.

Многоуважаемый Алексей Сергеевич.

Может быть вы знаете, а может быть и нет, что я пишу нынче в „Голосе“—по четвергам заметки „Литература и жизнь“, о чем я впрочем не желал бы, чтоб было всем известно; особенно приятного я в этой работе разумеется ничего не нахожу, но мало ли что приходится делать по нужде. В нынешнем фельетоне есть между прочим места по поводу вашего спора с Полетикой о плутократии; и в этом месте одна фраза, которую у меня прибавила редакция от себя, вероятно считая ее очень остроумной; это уже не первый раз она так поступает, и я имел уже и буду еще иметь по этому поводу с ней об'яснение. Фраза эта следующая: и кого

наградить шестами. Мне было бы очень неприятно, еслиб вы могли подумать, что такая пошлая, грубая и неприличная выходка принадлежит мне; и я спешу вам о том заявить. У меня уже столько раз рушились добрые отношения с людьми, с которыми я бы желал всегда оставаться в ладу, и которых люблю, благодаря услугам разных личностей — что я бы не хотел, чтоб и на этот раз случилось со мной что нибудь подобное.

Ваш весь
А. Плещеев.

Четверг, 18 Июля

12.

Дорогой Алексей Сергеевич [1].

У меня к вам огромная просьба. Ради самого бога не откажите. Меня вынуждает прибегнуть к вам—крайняя необходимость. Одно непредвиденное обстоятельство заставляет меня просить ссуды в Литературном фонде. Я прошу 350 руб. с тем, что буду в течение этого года уплачивать по 40 руб. в месяц. У меня могут вычитать из жалования в „Биржевых“, — Ватсон, или в „От. Зап“. — Салтыков, эти деньги; а они оба должностные лица в фонде. Но мне нужны поручители. Я обращаюсь к вам и писал еще к А. Л. Боровиковскому. Сделайте милость, помогите. Я на Страстной неделе должен уплатить непременно один старый долг (по векселю), который у меня внезапно потребовали, а взять мне положительно негде; хоть разорвись на части. Если бы не такое обстоятельство, я бы не пошел просить в фонд, комитет которого не очень-то входит в нужды пишущей братьи и не охотно дает ссуды. Если вы откажете — я не знаю к кому и сунуться. Платить я вас не заставлю, поверьте мне; потому что — уплачивать помесячно будет мне не особенно трудно, хотя конечно, и не совсем легко. Мне совестно вас тревожить, потому что я и так вам должен; но что же мне делать! Еслиб я отдал все, что заработал в марте в „Биржевых“ и в „Отеч. Зап“, все таки это не составит нужной мне суммы. Если вы будете так добры — согласитесь, то позвольте мне завтра завести вам просьбу, для подписания, в какой части суммы вы ручаетесь. Не сердитесь, голубчик.

Ваш весь *А. Плещеев.*

Спасская улица, д. № 1 (Площадь Преображенского собора) [2].

13.

13 декабря [1].

Многоуважаемый Алексей Сергеевич.

Вам, без сомнения, известно очень печальное положение молодого поэта Надсона, который в настоящее время находится в Ницце, и которому жить осталось по всей вероятности — несколько месяцев. У него нет никаких средств; а лечение и уход требуют больших издержек, да и жизнь за границей дорога. Друзьям его удалось собрать известную сумму на от'езд его и на первое время его пребывания там. Теперь эти деньги все вышли; и А. А. Давыдова, жена директора консерватории, устроила в пользу его концерт, где примут участие лучшие здешние музыкальные силы: Давыдов, Ауер, Панаева, Скальковская—Бертенсон, и также итальянский певец Сильва. Концерт будет происходить в Воскресенье, в зале консерватории. По просьбе m-me Давыдовой я взял на себя раздачу некоторого числа билетов. Позвольте предложить вам пять из них. — Зная вас, я вполне уверен, что вы не откажете в вашем содействии этому доброму делу. Если ваше семейство не пойдет, то вы может быть найдете возможность раздать билеты посторонним лицам, из ваших знакомых. Билеты не нумерованные и все одинаковой цены— 5 руб. (Все что будет дано сверх этой платы примется, разумеется, с благодарностью). Концерт будет прекрасный. Такая высокая цена назначена в виду того, что консерваторская зала вмещает в себе немного публики. — Пожалуйста, Алексей Сергеевич, постарайтесь пристроить эти билеты, чем бесконечно обяжете и меня и всех друзей этого симпатичного и несчастного юноши,—так много обещавшего в будущем.

Весь ваш
А. Плещеев.

14.

Многоуважаемый Алексей Сергеевич.

Вы издаете множество маленьких книжечек в роде дорожной библиотеки, куда входят и оригинальные и переводные вещи. Позволяю себе предложить вам переведенные мною и напечатанные в „Отеч. Зап.“ очерки Альф. Доде „Жены Артистов“

(Les femmes d'Artistes) [1]. По моему это одна из лучших вещей Доде. Но я выпустил из них два очерка, показавшихся мне довольно ничтожными, что я и оговорил в примечании. Еслиб однакож они вам понадобились—я их переведу в один день. Думаю, что эти очерки могут составить целую книжку. Но еслиб их оказалось для книжки недостаточно — то у меня есть еще „Красная Шапочка" Доде[2], прелестная вещица по мысли и очень поэтичная. Я переводил эти вещи с любовью, и не прочь выставить свое имя под переводом. Будьте добры— рассмотрите их и ответьте мне. Относительно гонорара—предоставляю назначить его вам самим. Дайте мне то, что вы даете обыкновенно за напечатанные уже вещи. Ведь они у меня все равно пропадают так, — лучше же мне хоть что-нибудь взять за них. — У меня вообще есть множество разных переводных рассказов, повестей и романов, которые бы, мне кажется, годились для железнодорожной библиотеки. Я всегда старался выбирать то, что похудожественнее. Есть у меня напр. очень хороший роман Гонкура: Молодая Буржуазия (Renée Mauperin). За добросовестность перевода я вам ручаюсь. Я прилагаю здесь еще один рассказик с английского, неизвестного автора (я перевел его из одного журнала), но отличающейся глубоко-человеческим содержанием.

Ваш весь *А. Плещеев.*

5 Февраля. Среда [3].

15.

17 Янв. 86.

Простите, многоуважаемый Алексей Сергевич, что до сих пор не ответил вам. Я только что встал с постели, когда получил письмо ваше, и мне не хотелось долго задерживать вашего посланного; а потом мне все мешало то то, то другое. Меня глубоко тронули те строки, где вы вспоминаете о нашей московской жизни и о покойной жене моей. Благодарю вас за них сердечно. Действительно, если кто мог бы сделать мою характеристику—так это именно вы, потому что едва ли кому-нибудь так известна интимная сторона моей прошлой жизни как вам; и я убежден, что вы бы сделали ее тепло, задушевно, искренно. Но я вполне понимаю ваши опасения, и не могу претендовать на вас за то, что вы не были на моем

юбилее[1]. Я и сам, — узнав, что на нем будут самые разнообразные элементы, побаивался, чтобы кому-нибудь не вздумалось метать камни в чужой огород. Благодаря, однако же, такту и уменью распорядителей, возможность подобных эпизодов была устранена, и ни одна речь не имела полемического характера, чему я душевно порадовался. Я уже имел случай, однажды, высказать вам, если припомните, что хотя нас разъединили литературные течения, и мы в некоторых вещах принципиально расходимся, но есть однако же и много такого, на что мы одинаково смотрим. У меня никогда не было узкой нетерпимости. Я никогда не обращал—по вашему выражению — оттенков в густые тени. — (Чему я, может быть, и обязан тем, что на моем юбилее сошлись люди различных партий). Я могу не разделять убеждений человека, могу восставать против них в печати, и в то же время, если знаю, что эти убеждения искренни, не внушены корыстными целями, что он также желает всего хорошего для народа и литературы и только избранный им путь кажется мне не правильным,—то это не мешает мне уважать такого человека и отдавать должное как таланту, так и душевным свойствам его. Если же, кроме того, между им и мною существовали в прошлом самые дружеские, сердечные отношения и если он делал мне весьма крупные одолжения, чего я не имею привычки забывать, — то тем более я не могу относиться к нему враждебно.— Еще раз благодарю вас за выраженное вами сочувствие к моему юбилею, и крепко жму вашу руку.

Ваш *А. Плещеев*

P. S. Пользуюсь случаем, чтоб передать вам просьбу одной очень бедной женщины, которая по моему совету обращалась к вам и у которой вы обещались приобресть, для издания, сочинения ее покойного мужа, именно — Фатеевой. Я получил от нее вчера письмо. Она говорит, что вы спрашивали ее, сколько она за них хочет; и она предоставила вам самим оценить их; но затем не получила от вас окончательного ответа. Теперь она просит меня осведомиться — у вас — не переменили вы своего намерения. Не будете ли вы так добры написать ей на этот счет несколько слов. Она находится в крайне бедственном положении. От времени до времени ей дает небольшие пособия фонд. Мне помнится, что у ее мужа

были очень недурные, очень теплые вещицы из военного быта, которые он печатал у Аксакова в „Дне“, и кажется в Дружининской „Библиотеке для чтения“. Адрес ее: Москва, Калančевская улица, Дом Барникова. Надежда Федоровна.

С огромным удовольствием читал я ваши живые, талантливые, прекрасные статьи о Горе от ума[2]. Мне всегда это мнение о Чацком, составившееся у нас, на основании отзывов Пушкина и Белинского — казалось крайне неверным. Кроме того статья ужасно интересна как свод всех критик о Грибоедовской комедии. Вам бы издать ее потом отдельной брошюрой или приложить к новому изданию Горе от ума.

16.

Большое вам спасибо, милый Алексей Сергеевич, за ваш великолепный подарок[1]. Какое это бесподобное издание! Я тем более доволен, что не читал никогда этой знаменитой книги, а только о ней читал много.

Мы вероятно скоро раз'едемся в разные стороны. Очень бы мне хотелось, до вашего от'езда, еще провести с вами часок, другой; и еслиб я не боялся отвлечь вас от дела, и знал бы, что вы после обеда не спите, то как-нибудь забрел бы к вам „между волком и собакой“, т. е. так часов в 6, 7.

Ваш *А. Плещеев.*

16 Апреля[2].

17.

Душевно благодарю вас, Алексей Сергеевич, за присылку мне ваших сцен[1]. Прочел я их с величайшим интересом, и подосадовал на вас, что вы ограничились только сценами; а не сделали из этого материала настоящей пьесы для театра. Я убежден, что у вас вышла бы вещь отличная, которая бы могла иметь большой успех. Эти сцены, и в настоящем их виде, еслиб поставить их, произвели бы впечатление... В них бездна драматизма. Но по многому вы только скользнули, к сожалению.—Оболенский мне не ясен; может быть потому, что я плохо знаю—почти даже совсем не знаю—этой эпохи. Но ведь и о личности Е. Глинской я имею довольно смутное представление; а она, в ваших сценах, вырисовывается для меня совершенно отчетливо. Это лицо чрезвычайно вам

удалось; и вы напрасно говорите, что у вас не выходят характеры: Е. Глинская это характер, и сцены ее с юродивым, с матерью, с Оболенским—по моему—превосходны.—И как бы ее могли сыграть Федотова или Ермолова в Москве! (Стрепетова некрасива, да и нервы ее уж слишком истрепались). Очень хороши также характеристики некоторых второстепенных лиц, являющихся у вас мельком, как наприм. брат Глинской, который, оставаясь человеком своей эпохи, вместе с тем так современен. Или мать Глинской. Повторяю: ужасно, ужасно жаль, что вы не переработали этих сцен в драму. Мне также очень нравится форма. За самыми ничтожными исключениями стих у вас отличный. Местами встречаются необыкновенно меткие, характерные выражения, красивые поэтические образы... А главное—нет этой ломаности, искусственности, ходульности языка, хотя и испещренного старинными выражениями, но в котором вовсе не чувствуется веяние старины,—языка, каким пишут наши авторы исторических романов и драм, как напр. Аверкиев и проч.

Еще раз благодарю вас и жму вашу руку.

Ваш *А. Плещеев.*

24 Янв.

18.

Простите мне, милый Алексей Сергеевич, что я вам надоедаю—разными просьбами.

Но вот в чем дело: во взятых мною вчера №№ Исторического Вестника помещен роман Сальяса Аракчевский подкидыш, который мои домашние жаждут читать, а из выноски, сделанной внизу, оказывается, что он служит продолжением Аракчеевского сына, и лица в обоих романах одни и те же; а потому, соблаговолите, если возможно, прислать мне 88 год или хоть те книжки, где этот сынок печатался,—чем сделаете большое одолжение.

Вторая просьба заключается в следующем. Если бы, паче чаяния, оказалось, что Ложь существует уже в отдельном издании, в другом переводе,—то позвольте мне предложить вам для Дешевой Библ. Crime d'amour [1], который вы вероятно смешали с Cruel Enigme [2], сказавши мне, что он для Дешевой Библ. не подходит. Тот роман действительно слишком не журналистичен, а этот (переведенный мной притом же с сокраще-

ниями) кончен совсем à la Толстой. Если бы к нему присоединить еще Лондонские Эскизы[3] того же автора, которые я вам также посылаю, то мог бы составиться хорошенький томик. Еще посылаю вам переведенные мною Воспоминания и заметки Галеви [4], на которые прошу вас обратить ваше особенное внимание. (Об оригинале был в „Нов. Вр.“ фельетон Булгакова). Это прелестнейшая и преинтереснейшая вещь, которую я переводил „с любовью“, и смею сказать, что они вышли у меня лучше, чем что-либо мной переведенное. По крайней мере, я по поводу этого перевода получал разные комплименты.—Может быть вы что-нибудь из посылаемого мною и выберете. А я был бы вам очень, очень за это благодарен, так как в настоящее время переживаю весьма трудные в материальном отношении минуты. И чем скорей вы дадите мне ответ—тем больше сделаете мне одолжение.—Не откладывайте также в слишком долгий ящик и исполнения вашего обещания под'искать книгу для перевода.—Еще раз прошу вас меня извинить за причиняемое беспокойство.

Жму вашу руку.

Преданный вам

А. Плещеев.

19.

Добрейший Алексей Сергеевич.

Мне передали, что вы желали бы приобрести для Дешевой Библиотеки мой перевод „Жака“ Додэ. К сожалению я им распоряжаться не могу, ибо давным давно, „в минуту жизни трудную“ продал его в полную собственность некоему Фомину, имевшему типографию на Загородном проспекте, а ныне не знаю где пребывающему и существующему ли даже на свете.—„Татьяну Репину“ [1] передаст вам завтра или после завтра сын, который будет у меня на даче. Простите, что задержал. Я совсем забыл, второпях, перед от'ездом возвратить вам ее. Знаете, Алексей Сергеевич, она мне не так понравилась. Тут мало Чеховского и слишком много текста писания. А как вы порешили с Струэнзе [2]? Будет он у вас в типографии печататься? Если будет, то как сделать на счет корректуры? Если бы мне ее присылали на дачу, я был бы очень благо-

дарен и на другой же день возвращал бы ее. Если же это неудобно для типографии, то не могу ли я кому нибудь поручить это в Петерб. —

Я поселился нынче в прелестнейшем месте. Я даже не воображал, что под Петерб. можно найти такие. Кроме того что местность живописная, но она и здоровая: все песок; лесу массу; река, горы, поля... Вам бы, я уверен, понравилось очень. Скоро ли вы уезжаете—и куда именно? Если захотите черкнуть мне словцо, то адресуйте так: Варшавская ж. д. Станция Преображенская. Имение Шевино. Это в 15 верстах от станции.— прошу вас передать мой искренний привет Анне Ивановне.

Ваш *А. Плещеев.*

7 Июня [3].

20.

Вторник 26/14 Мая (1891 г.).

Спасибо вам, милый Алексей Сергеевич, за то что вспомнили обо мне. Действительно—зачем вы уехали. Еще успеете насидеться в вашей Феодосии. Пожили бы здесь, и право нам было бы здесь нескучно. В настоящую минуту здесь понабралось соотечественников. Вчера обедали вместе с Григоровичем и Таганцевым; а вечером прибыла чета Мережковских. Она перед тем только что писала мне, чтоб я уговорил вас пожить здесь хоть чуточку. „Я бы так желала еще повидать Суворина. Я рада, если я ему понравилась; я искренно чувствую, что он хороший". А вы вот взяли да удрали... Она очень миленькая. Григорович тоже ей пленился, но не столько однакож, сколько дочерью Dieudonnè, портрет которой—помните—я показывал вам, и вы еще особенно остановились на нем. От этой он совсем растаял, и все на меня сердится, зачем я недостаточно восторгаюсь ей. Девочка в самом деле хорошенькая, и Григор. будет конечно всячески стараться перетянуть ее с отцом на Петерб. сцену, чего тем и нужно. Они с этой целью и просили меня познакомить их с ним; так как я им сказал, что он „ami du dirècteur".—Григорович удивляется, что вы его назвали в письме ко мне „железным человеком"? Железный— действительно эпитет для него не подходящий. Он скорей и сам замшевый или ваточный как его герои.—Все таскает меня в „montagnes russes", где пожирает глазами девок, хотя для

нас с ним уже настала такая пора, когда „видит око—да зуб неймет“... Да, голубчик Алексей Сергеевич, не в одном этом, а и в многом другом, я могу сравнить себя с белкой, которой подарили воз орехов, когда у ней зубов нестало... Нет уже той интенсивности в восприятии впечатлений, какая была когда-то... даже хоть лет десять назад. А все таки Париж прелестен, и я бы желал каждый год проводить в нем Май месяц... Только вот беда—в последнее время холод настал и каждый день дождь, хотя и в перемежку с солнцем... Федоров тоже прибыл и поселился у нас в отеле, вместе с моим сыном, Безобразов же вчера укатил в Петербург. Нашли вы кому поручить охрану М. П.[1]—сыну моему! Он начал эту охрану с того, что в первый же день повез М. П. обедать в ресторан, оттуда в Moulin Rouge, оттуда опять в какой-то кафе, а из кафе—в улицу Шабинэ, где они кажется проделали все „quarante manières“, по крайней мере Григорович мне передавал чорт знает что! Пожалуй, милейший Михаил Павлович так исхудает—если это будет продолжаться—что ему не нужно будет пустопорожнего места, для спускания жира. Вы впрочем не пишите ему, что я вам это сказал (и Безобразову не говорите).

Вот бы хорошо, если бы вы в Биарриц приехали! Пожили бы мы с вами и пожалуй прокатились бы куда нибудь... Недели через две я думаю ехать; и по всей вероятности наеду на Колю[2]. Впрочем еще не решил. Я бы охотно и во Франции остался. Куда нибудь бы в Нормандию поехал на лето... Во Франции тоже, небось, есть места прелестные, не уступающие Швейцарии.—„Нового Вр.“ давно не видал и не знаю, что творится в отечестве. Только из частного письма узнал, что за похороны Шелгунова выслали несколько человек, и исключили множества студентов из университета и Академии...[3].

Здесь теперь стачка омнибусов. Все на стороне стачников—и газеты и население; несмотря на то что последнее очень терпит от этой стачки. Эти компании омнибусов—ужасные свиньи. Один омнибус, который выехал было вопреки стачки, распрягла толпа и увела лошадей; и это—вовсе не стачники, а просто уличная толпа. Как вы это верно сказали, что в Париже безделье так занимает, что кажется будто в чем-то участвуешь и что-то делаешь!.. Видал я ваш бюст—удивительное сходство! И бюст и статуэтка ужасно удались этому жиденку... Сын непременно желает, чтоб и я сделал свой. Мне денег

жалко. Платите, говорю, сами, коли хотите мои черты увековечить!—Скажите, кто же это в „Неделе“ Чехова восхвалил? [4] Ведь там иногда и похвалят-то так, что лучше бы выругали, эти Недельные критики Дистерло и Кигн, который сам себе всегда ставит 1 за свои статьи, как кто-то с'острил (он подписывается 1). А кстати об остротах: здесь о вас тоже сострили: „Приезжали Суворин отец, Суворин сын, и с ними святой дух—Чехов“.

Все мои вам очень, очень кланяются. А вы передайте мой низкий поклон А. И. [5]

Жму вашу руку. В свободную минуту черкните. Всего вам хорошего.

Ваш *А. Плещеев.*

Вы смеетесь, что Мережковская подписывается Гиппиус. Да ведь это ее фамилия девическая. А по французски оно действительно выходит не того... У французов раз в муниц. совете в Париже сидел некий Энгельгардт (очевидно смоленский выходец), так они его все звали: „M-r Анжеляр“. Это тоже не дурно, хотя и прилично. Мережковская просит вам кланяться много раз.

21.

Вевэ 16/28 91.

Что поделываете, милый Алексей Сергеевич? Пишу вам из Швейцарии, где пребываю уже две недели. Через неделю, а может и раньше намерен двинуться в Интерлакен, где до сих пор стояли холода, и куда Белоголовый пока не пускал меня. Он предположил было у меня очень серьезную болезнь (сахар. diabetes) но, к счастью, по тщательном исследовании ее не оказалось. Он приезжает сюда раз в неделю к детям В. К. Константина Константиновича, живущим в том же отеле где и я, и почти рядом со мной, так что ему ничего не стоит завернуть кстати и ко мне.—Мережковские поселились было в Интерлакене, но холод заставил их приехать сюда—и они поселились тоже в нашем отеле; но возвращаются на днях в Интерлакен, так как здесь наступили жары—а там им очень нравится местность. Вчера я ездил в Женеву—посмотреть город. Это в 4 часах езды от Вевэ (на пароходе) и там сын

мне сказал (он живет в Экс le bain), что в „Нов. Вр.“ было напечатано одно ваше письмо—где вы описываете ваше посещение гр. Толстого, и передаете его отзыв об одном рассказе, напечатанном в „В. Е.“—очень хвалебный[1]. Но так как там кроме рассказа нашей милейшей Зинаиды Ник. не было кажется ничего порядочного по части беллетристики, то я подозреваю, что речь шла о ней; и я поспешил, по возвращении сюда, сообщить ей свое предположение, очень ее, разумеется, обрадовавшее. Печально будет, если я ввел ее в заблуждение—и за радостью последует разочарование. Она поручила мне очень, очень вам кланяться и просит вас убедительно (я присоединяю к ее просьбе и свою) выслать нам этот номер „Нов. Вр.“ Мы здесь не видим русских газет. Один знакомый высылает мне из Парижа некоторые русские журналы—и „Неделю“. Но еженедельная газета—это не то. Гайдебуров очутился тоже здесь—лечится в Дивонне, в гидро-терапевтическом заведении; и я сегодня получил от него письмо, где он зовет меня приехать; но я едва ли успею; это ведь около самой Женевы... а беседа Гайдебурова не настолько интересна, чтоб ехать к нему нарочито. Можно это удовольствие оставить и до Петерб. в крайнем случае. Сам Мережковский делается все скучней и скучней—он не может ни гулять, ни есть, ни пить без того, чтоб не разглагольствовать о бессмертии души и о разных других столь же выспренных предметах. И главное—сам себя заслушивается. Искание Бога—вещь очень хорошая, но оно не должно быть столь шумно—ибо тогда заставляет сомневаться в его искренности... Я побаиваюсь, чтоб он в конце концов не надоел своей жене. Она же мне очень симпатична. В Париже он довел ее до изнеможения—таская по три, по четыре раза в день по музеям... и разглагольствуя о Венере Милосской. Она молода—ей хочется жить—а он все обвиняет ее в суетности. Здесь—он кажется задался мыслью посетить все места, прославленные Жан-Жаком в его Новой Элоизе... Это тоже—я вам скажу—стоит музеев. Правда ли, что Толстому разрешено печатать все без цензуры? Я этому положительно не могу верить. Правда ли также, что он пишет роман? В вашем последнем письме ко мне вы чрезвычайно верно заметили о Григоровиче, что он славит прелести девок совершенно также как прелести саксонского фарфора и Мадонны Рафаэля. Он мне в Париже опротивел до невозможности, главным образом

своим клянченьем. Он, отличнейшим образом устраивающий свои дела и делишки, все жалуется на то, что ему нечем существовать, и что он должен уезжать из Парижа, потому что устал, так как должен все ходить пешком; а фиакра нанять не может,—средства не дозволяют. У каждого магазина он повторял мне фразу: ты это покупать можешь, а я не могу! А я убежден, что отказывая себе в экипаже,—в то же время какой нибудь девке... не пожалел отвалить франков 100—200. Я рад был когда он уехал—и теперь ожидаю, что он будет про всех нас, в Петербурге—рассказывать чорт знает что—и клеветать на нас, елико возможно.

Вы пишете: заставьте Сашу учиться... пусть он у Марсьяль своей хоть по французски выучится... Нет; он на этот счет человек отпетый. Ни учиться, ни читать он никогда не будет. И вся жизнь его пройдет в шалберничаньи; и все состояние свое ухлопает на паскудных девок. Непрестанно я об этом думаю и много горьких часов заставляет он меня переживать.—Теперь живет в Aix—le bain; с этой Марсияль; нанял там для нея виллу, но из писем его к Безобразову—видно, что уже сильно тяготится этой связью... (Можно ли даже назвать это связью... это то, что французы называют теперь „collage“) и в Июле месяце обещает приехать туда, где мы будем. Еслиб ему можно было изобрести хоть какое нибудь „практическое дело“. Ведь это по истине ужасно и глубоко возмутительно всю жизнь только... и во всем мире не интересоваться ни чем кроме... и ресторанов... никаких человеческих интересов не иметь.

Что Чехов? Поклонитесь ему от меня. Простите меня, Алексей Сергеевич, что я до сих пор не свел с вами денежных счетов. Помимо того, что я брал деньгами, мне хотелось бы знать—окупилось ли издание Струэнзе?[2] Теперь я заплатил все свои долги—и хотя знаю, что для вас несколько сот рублей, которые остаются за мной, не составляют многого—но все же хотелось бы уже быть окончательно чистым в этом отношении. Не знаю почему—но мне иногда казалось, что когда я приходил к вам, окружающие вас (не все конечно) видели в моих посещениях „особенные“ цели... намерение поэксплуатировать ваше дружеское расположение ко мне. (Это еще было до моего „наследства“). Теперь они могут пожалуй думать, что вот мол и разбогател—а счеты очистить не торо-

пится.—Вам-то, разумеется, ничто подобное на ум прийдти не может.

Прощайте пока, голубчик. Напишите—продолжаете ли вы иметь намерение—в конце лета поехать в Биарриц? Низкий поклон Анне Ивановне. Поцелуйте деток.—Мои все вам очень кланяются.—Мережковская тоже посылает вам тысячу приветствий самых сердечных. Она взяла с меня обещание, что будет в Петерб. со мной вместе ходить к вам.—Вы ее совсем победили.

Ваш душевно

А. Плещеев.

Письма адресуйте: Suisse. Vevey. Grand Hôtel de Vevey. Если я уеду в Интерлакен, мне будут пересылать туда. И газету тоже.

22.

Ницца. 6/18 февр. 92.

Получил я ваше письмецо, Алексей Сергеевич, за которое приношу вам свою благодарность. Толков о голоде, подобных тем о которых вы упоминаете в вашем письме, приходится слышать не мало и здесь. Не давно профессор Киевского Университета, зоолог Коротнев, заведующий здесь зоологической станцией, затеял, с несколькими другими, русскими тоже,—но не принадлежащими к здешней, якобы аристократической колонии, устроить концерт в пользу голодающих. (Программы и об'явление были напечатаны по-русски; значит тут не было и тени попрошайничества на голодных, у французов). Надо было видеть с каким черство-злобным высокомерием отнеслась эта здешняя паскудная колония соотечественников наших — к этому концерту! Один генерал во всеуслышание сказал в табльдоте, что „это безобразие", это поощрение дармоедства, лености—все эти сборы на голодающих. И этот генерал—командир гвардейского полка и вместе с тем бригады (ген. Теннер). Одна барыня—из знати—г-жа Челищева (с большими связями) сказала Коротневу, который пришел просить ее или ее дочь Стрекалову (я вам нарочно привожу имена, для большей достоверности) помочь ему в устройстве концерта, — что этот вопрос уже вышел из моды, что теперь никто больше голодом не интересуется (это буквально!); что

ее дочь пыталась было несколько времени тому назад устроить что-нибудь, но „не встретила ни в ком сочувствия".—А между тем один из первенствующих лиц в здешней русской колонии, некто г. Базилевский, отставной гусар—состоит членом городского (французского) комитета по устройству разных увеселений карнавальных и других, на которые говорят ежегодно жертвует от 15 до 20 тысяч и дает великолепные балы, вследствие чего пользуется большим авторитетом в Ницце.—Он взял два билета, кажется, но и за те насилу, насилу Коротневу удалось получить с него деньги. Но несмотря на все это, удалось таки собрать около трех тысяч франков, которые и отосланы вчера гр. Л. Толстому. Хороши однако и наши д р у з ь я: мэр — которому прислали билет - возвратил его назад; а префект (M-r Henri) взял, но денег не заплатил!.. Здесь многие русские получают известия из России, что чиновничество ставит всякие преграды частной благотворительности, стесняя ее нелепыми формальностями. И я охотно этому верю. Скажу однако же, что французское чиновничество отнюдь не лучше — пожалуй даже хуже русского... Так оно — невежливо, нахально, грубо со всеми имеющими до него надобность; особливо с иностранцами. О помощи уж и говорить нечего. Почитайте в газетах, что творит сыскная полиция в Париже, да и простая,—как полицейские в шею дают депутатам и даже сенаторам... и все сходит им с рук.

То, что вы пишете мне о театре и о ваших предположениях на этот счет, очень для меня симпатично. Я так же как и вы думаю, что х о р о ш и й частный театр в настоящее время нужен более чем когда-либо;—но... (ничего-то у нас нельзя задумать, нельзя предпринять без того, чтоб сейчас же не встретилось этого распроклятого н о), но, первое, что должно парализовать всякую деятельность, подорвать всякую веру в успех предприятия—это „обстоятельства от редакции независящие", т. е. невозможность поручиться за прочность предприятия, еслиб оно даже пошло успешно... и даже чем успешнее оно будет итти, тем более основания бояться за его прочность. Представьте себе, что такой театр составил бы действительно серьезную конкуренцию казенной сцене... Озлобленная дирекция — в лице разных Погожевых, Кривенок и Всеволожских и tutti quanti, видя свое бессилие — тотчас же бросится к министру Двора и докажет ему — как дважды два четыре—

необходимость в видах интересов казны испросить высочайшее повеление о недопущении частных театров — как это было при императоре Николае и в первые годы царствования покойного государя. Вот что—главнейшим образом, не может не останавливать каждого предпринимателя. В литературном, т. е. журнальном мире бывали факты аналогические... если не совсем такие, то близко подходящие к тому (хоть бы, напр., нарушение контракта на „Петерб. Вед." с Валентином Коршем). Кто же — скажите, как бы он страстно ни любил театр, захочет рисковать значительной частью своего состояния— при подобных условиях; — и не только этим, т. е. деньгами, но и трудом, энергией... силами... Вы совершенно справедливо замечаете, что „потерять несколько тысяч неважно, но сознавать, что это потеря ни к чему, что она только лишнее орудие против вас в полемике — вот что самое худшее". Таким образом, если принять в соображение высказанное мною выше — то пожалуй проба будет практичнее... не столько она потребует затрат; и я не прочь буду войтти в долю; Саша тоже не отказывается. Но конечно, это далеко не то, что свой театр. В это всю душу свою, весь остаток сил своих не положишь а только разве несколько тысяч рублей. Впрочем, что касается до меня лично — то если бы даже и было возможно осуществить эту мечту вполне... то не поздно ли уже... Годен ли я еще на что нибудь... Жизнь кончилась и житие начинается, как говорил А. Н. Островский.

Но во всяком случае — Худекова-то мне казалось бы в сотоварищи принимать нет резона. Ему, я полагаю, прежде всего нужна сцена, на которой бы он мог свои пьесы ставить. А ведь его пьесы — вы знаете сами что это за дерьмище. Тут нужно, чтоб между пайщиками было полное единомыслие в вопросах искусства. — Да, самому мне жаль, что я не могу лично перетолковать с вами об этом. На письмах всего не выскажешь. Я же в настоящее время от долгого писанья устаю сильно.—Увидимся мы с вами вероятно не раньше осени. До лета я не вернусь в отечество. А летом все разбредемся опять в разные стороны. Младший сын мой купил именье в Смоленской губ., отлично устроенное; где земли немного, но есть хозяйство молочное, много скота—и вообще инвентарь полный. Хотелось бы с'ездить к нему взглянуть на его житье. Саша хворает. Был в Париже (куда ездил с вашим корреспон-

дентом Гольдштейном) и схватил там сначала инфлуэнцию, потом крапивную лихорадку, которая до сих пор продолжается. В „Монте Карло“ ездит теперь значительно реже, и проигрывает мало — иногда даже случается, что и выигрывает. Если дела с театром так или иначе выгорят - возьмите его непременно в долю. Но этого мало: надо бы ему дело какое-нибудь дать. Полагаю, что театральное его бы заинтересовало. Дочери женихов еще не нашли, да и не ищут. За иностранцев выходить не желают; а русских здесь порядочных людей очень мало... тем паче таких, которые бы в женихи годились. Уж что бог даст в Петербурге. Мережковские собираются сюда скоро. З. Н. писала мне, что в Феврале приедут. Я ее несколько карнавалом напугал, — что в это время здесь все дорожает; а притом в нашем отеле ни одной комнаты свободной не найдешь—в особенности же на солнечной стороне. Мои все вам сердечно кланяются. Передайте мое почтение Анне Ивановне, и поцелуйте ваших милых деток. — Алексею Петр. Коломнину тоже — поклонитесь от меня и от сына Купил ли Чехов хутор? Я получил наконец „С. В“[1]. И могу приняться за „жену“[2]. — А знаете — последний роман Боборыкина [3] по моему хорош. По крайней мере первая часть далеко не ординарна. Пишите, милый Алексей Сергеевич, когда выдастся свободная минута. — Спасибо вам за сочувственные строки, посвященные моей особе в вашем письме... Помечтать я действительно всегда любил... и кажется только и годен был на то, чтоб мечтать... Крепко жму вашу руку.

Ваш душевно *А. Плещеев*.

P. S. Когда же мы сведем наши счеты? Я до сих пор в долгу у вас! Надо же когда нибудь привести все это в порядок. Думаю обратиться с этим к А. П. Коломнину. А то начался новый год, — и все остается в прежнем виде. Не хорошо это, как будто, с моей стороны, при теперешних обстоятельствах.

23.

Последнее письмецо ваше, добрейший Алексей Сергеевич, меня глубоко тронуло; и мне хотелось бы много, много сказать вам по поводу некоторых вещей, содержащихся в нем.

Но оставляю это до другого времени... Письмо вышло бы слишком длинное. Может быть когда-нибудь удастся, на словах, потолковать с вами по душе. А теперь скажу только, что вы коснулись в нем и моего также „больного места“...—Это детей, растущих без матери. Все мы, люди литературной профессии, или по крайней мере большая часть из нас плохие „воспитатели“ и виноваты перед нашими детьми.—Так уж складывается жизнь наша, что не можем мы сблизиться с ними как бы следовало и проникнуть в их душу... До меня уже доходил слух, что после вашего покойного сына осталась пьеса, обличающая большой талант. Понимаю вполне, что вам теперь больно и тяжело прикоснуться к ней. Слишком свежа утрата. Рана, нанесенная ею, конечно, никогда совсем не закроется; но все-таки со временем, может быть, боль несколько позатихнет, и потеряет свой жгучий, острый характер. И тогда, если вы будете в состоянии взяться за эту пьесу — не откажите дать и мне прочесть ее. — Буду вам душевно признателен.

Благодарю вас за ваше интимное письмецо, доказывающее, что вы имеете ко мне некоторое расположение. Вы правы, Алексей Сергеевич, говоря, что между нами было всегда что-то хорошее—и что оно осталось „несмотря ни на что“. Я всегда рад бываю встретиться с вами и обменяться мыслью или впечатлением; —и постоянно слежу за всеми вашими литературными статьями и театральными критиками. В последних, в особенности, я часто встречаю взгляды и мысли, которые вполне разделяю. — Крепко жму вашу руку, и желаю вам душевного спокойствия и здоровья. Не удивляйтесь, что я отвечаю вам два дня спустя после получения вашего письма. Несколько раз принимался писать к вам; но все меня что нибудь отрывало[1].

Преданный вам

А. Плещеев.

XV.

Я. П. ПОЛОНСКИЙ.

1.

1876 г. Января 17 дня.

Многоуважаемый
Александр Васильевич[1].

Из начальных строк Вашего прошлого фельетона, с великим огорчением узнал я, что до стихов Вы не охотник. Чтобы отомстить Вам это, посылаю Вам несколько стишков, Вами на меня навеянных. Примите их как шутку,—прочтите, посмейтесь и бросьте—остаюсь неизменно милый и преданный Вам
Я. Полонский.

Скажите мне, что сыроешка
Милее рыжика на вкус,
И я, конечно, соглашусь;
(Хотя бы то была насмешка).
Я неохотник до грибов—
Не ем их так, как ест Катков
Ему противных нигилистов,
Я неохотник до грибов,
Как неохотник Феоктистов
До католических попов,
Как неохотник до стихов
Суворин—перл фельетонистов[2].

2.

СПБ.
По Фонтанке
д. № 24, кв. 17.

Многоуважаемый
Алексей Сергеевич.

В прошлом 1881 году, вскоре после 1 Марта, вышел в свет сборник стих. моих „На закате“. Сборник, к моему великому удивлению, заслуживший внимание и похвалы не

только российской журналистики, но даже и В. П. Буренина,— не только Буренина, но даже и „Отечественных Записок", которые нашли во мне нечто в роде таланта. Сборник этот вышел в количестве 2000 экземпляров—и почти что весь раскуплен;—стало быть, и достопочтенная публика не пренебрегала им. Почему же в № 2099 Нового Времени, в статье Литература и журналистика (за прошлый год) об этом сборнике ни слова. Неужели так стыдно поставить имя мое рядом с именами Минаева, Немировича-Данченко, Терпигорева, Пальма и других.

Если да, то чем же мне об'яснить тот факт, что не только общество, но как кажется и Вы все еще продолжаете смотреть на меня, как на литератора.

Надеюсь, добрейший Алексей Сергеевич, что Вы когда-нибудь поможете мне уразуметь факт, наводящий на меня нечто в роде недоразумения—факт этот хоть и не много знаменателен, но для меня любопытен.

Остаюсь

Вам душевно преданный

Я. Полонский.

NB. Не для печати.

1882. 1 Января.

3.

Многоуважаемый

Алексей Сергеевич.

От одного из моих Одесских приятелей, в его квартире, случайно узнал я, что в Новом Времени[1] Вы упоминали и обо мне, по поводу смерти всем дорогого и незабвенного Ивана Сергеевича Тургенева. Удивляюсь, что этот № Вашей газеты не попался мне в руки. Пишу к Вам чужим пером и на чужой бумаге. Вы правы—Тургенев слишком 30 лет был в самых близких дружеских сношениях со мной—одних писем его у меня наберется на целые томы—и я не буду в числе безмолствующих. В руках моих значительный материал для биографии Ив. Серг. и для уяснения этой в высшей степени замечательной личности. Но для того, чтобы писать о Тургеневе, нужно и время и досуг; а у меня теперь нет не только времени, но и места.

На днях, выезжаю я в Петербург, в надежде застать похороны моего последнего друга и, быть может, последнего ценителя и критика литературных трудов моих. Только не ждите от меня никаких речей, никаких словословий! Это не по моей части... До моих личных чувств к покойному никому дела нет — и скорбь моя об его утрате не нуждается в том, чтобы публично проявлять себя. Все же остальное и без меня, надеюсь, будет сказано—и сказано лучше, чем мог бы я сказать, в данном случае.

Итак, до приятного свиданья. Передайте мой усердный поклон Вашей милой супруге, Вашей дочке — Буренину и Григоровичу, если только он вернулся к своим драгоценным пенатам.

Остаюсь

Вам душевно преданный

Я. Полонский.

Одесса.
1883. 3 Сентября.

4.

Христос Воскрес!

Многоуважаемый Алексей Сергеевич.

Торжественный несется звон,—
А я в раздумье погружен;
Не то беда, что вымираем
Мы постепенно—старики,
А то беда что мы не знаем
Куда деваться от тоски.
Измену мы перекрестили
В уступчивость и заслужили
Презренье даже от рабов,
Которых мы освободили
Своею кровью от оков.—
Без выстрела, воюя с нами,
Нас немцы бьют со всех сторон,
А мы целуемся с врагами,
Или с открытыми глазами
Кричим: какой нелепый сон!

Не двигаемся, и—устали!
Не веселимся и—поем!
И плутовать не перестали
И ждем чего-то и не ждем.
И также милы нам затеи—
Балы, базары, юбилеи...
Ведь надо же хоть чем-нибудь
Знаменовать свой темный путь.
Что ждет Россию? — Мы не знаем,
И вымираем—вымираем. —
Без нас небесный грянет гром,
И загорится на востоке—
И зло побито будет злом,
И встанут новые пророки—
И будет весть уже не та
О воскресении Христа—
Иная—страшная—живая
Пòбедоносная!...

Но я не пророк и потому кончаю экспромтом. Полагаю, что и за Музой ухаживать мне вредно и не по летам, также как вредно было Григоровичу ухаживать за юбками,—но видно, „каков в колыбельку, таков и в могилку"—или есть другая пословица: „горбатого одна только могила исправит".

Бертенсон позволил мне выходить только в теплые и тихие дни—и вот настала зима!—Что прикажете делать!

Опять придется быть завтра невеждой и никого не поздравлять. Очевидно мой доктор боится новой простуды и бережет меня для будущей пятницы. В этот день даже заболеть мне будет нельзя!—Жених только в день свадьбы, только в церкви и интересен—на другой день уже никто и не подумает на него глазеть!—Так и юбиляр. Попробуй я не приехать—будет скандал. А бронхий (или бронхит) все еще сидит во мне.

Но заочно христосуюсь с Вами и со всею Вашей семьей.

Прощайте, до свидания.

Вам преданный *Я. Полонский.*

1887. 4 Апреля.

5.

Глубокоуважаемый Алексей Сергеевич.

Сколько мне помнится, я обещал добыть для Вас недавно полученную книгу о Ренане... Хотел я сам Вам ее занести;—но пока был здоров, не нашел времени, а теперь болен и никуда не выхожу. Полагаю, что для Вас да и для меня книга эта интересна, потому что в романе Вашем „Конец века"—герой Ваш в беседе с Варинькой ведет между прочим и о Ренане речь свою, и ведет ее почти что в том же духе, в каком написано и это сочинение „Ern. Renan, sa vie et son oeuvre" [1].

Конечно, Вы, как автор,—еще и не успели прочесть французских авторов... Что же касается до Вашего романа, то когда-нибудь, с Вашего позволения, выскажу Вам о нем мое посильное мнение.

Мой поклон и привет Вашей милой супруге.

Остаюсь Ваш *Я. Полонский.*

1893 г. 25 января.

6.

С.-Петерб. Знаменская, 26, угол Бассейной.

Глубокоуважаемый Алексей Сергеевич.

В сегодняшнем, 4166 № Нового Времени, Ваше „Маленькое письмо"—вовсе не маленькое по своему содержанию. Оно также порадовало меня, как и многое из всего того, что выходит из-под Вашего пера. Я же читаю все, чтоб Вы ни написали,—т. е. поступаю не так, как Вы со мной поступаете (т. е. далеко не по-дружески). А что значит друг—это можно видеть из того письма Герцена, в котором он пишет г-же Тучковой-Огаревой: „Роман Тургенева (вероятно „Отцы и дети") очень плох (!)". Все же это доказывает, что Герцен этот роман прочел; Вы же дали мне слово ничего не читать, что бы ни было мною написано. Это уже чересчур по-дружески! Вы, конечно, посмеетесь надо мной за мою наивность—или за мое намерение послать Вам мои посильные, полемические заметки по поводу идей графа Л. Н. Толстого, изложенных им в книге: „Царство божие внутри Вас" [1]. Но я посылаю Вам эти Заметки только для того, чтоб

заочно выразить Вам мое уважение, как публицисту и горячему противнику всякой лжи, а не для того, чтоб Вы прочли эти заметки. Лично же дружески пожать Вам руку не могу:— обречен на то, чтоб не выходить никуда из дому. „Всякая Ваша простуда"—сказал мне мой доктор—„может быть для Вас смертельной". Смерти я не боюсь, но не хочу сам итти ей навстречу. Жизнь моя нужна не мне, а тем, кого она обеспечивает. Но как бы я ни берег мою жизнь, очень хорошо знаю, что я уже близок к своему началу, как выражался когда-то Пушкин. Писал бы Вам много-много, но не хочу злоупотреблять Вашим вниманием и пользоваться немногими минутами Вашего досуга. Остается мне только просить Вас передать мой задушевный привет и поклон Анне Ивановне и Вашей милой дочери. Дай Вам бог здоровья и всего хорошего.

Вам неизменно преданный *Я. Полонский.*

1896 г. 10 февраля.

7.

С.-Пет. Знаменская, 26.

Глубокоуважаемый Алексей Сергеевич.

Благосклонный отзыв Нового Времени (в сегодняшнем номере) поразил меня своею неожиданностью. Вы так тронули меня своим великодушием, что я решаюсь на новый подвиг— решаюсь послать Вам изданные Марксом мои стихотворения. Не знаю, справедливо ли пишут мне мои неведомые мне поклонники, что стихи мои выигрывают—кажутся лучшими, если их перечитываешь или ближе с ними знакомишься. Я, напротив, чем более читаю их (иногда по-неволе, держа корректуру), тем более нахожу в них недостатков. Увы! Мой стариковский ум уже неспособен исправить их. Приходится махнуть рукой и сказать: ну, что сделано, то сделано,— а хорошо или дурно, пусть судят другие.

Надеюсь, что посылаемые Вам книги найдут себе место в Вашей библиотеке. В них собственноручно исправил я все найденные мною опечатки.

Мой задушевный привет и поклон Вашей жене и всем Вашим. Дай Вам бог здоровья и всего хорошего.

Вам неизменно преданный *Я. Полонский.*

1896 г. 12 февраля.

8.

Знаменская, 26.

Глубокоуважаемый Алексей Сергеевич.

В газете „Новое Время“ печатались статьи, писанные в опровержение одного заграничного издания, по поводу преследования католицизма и Поляков Русским Правительством. В добавление к этим статьям посылаю на Ваше благоусмотрение мнение газетки, почти что неизвестной нашему Обществу, а именно „Церковного Вестника“ [1], случайно попавшегося мне на глаза,—мнение, бросающее свет на прибытие к нам Папского Нунция. Следует или не следует перепечатать для всеобщего уразумения, что значит для нас, в особенности для Поляков, путешествие в Москву на коронацию этого нунция, конечно, не мне судить. Извлечение, Вам посылаемое и отмеченное мною карандашом, находится в 15 № „Церковного Вестника“. Как здоровье милейшей Анны Ивановны? Поедете ли Вы в Москву на коронацию [2]? Желаю Вам всего лучшего и остаюсь

Вам преданный *Я. Полонский.*

XVI.

В. В. РОЗАНОВ.

1.

Милостивый Государь,

Господин Редактор!

Прилагая при сем, на Ваше рассмотрение, статью Свобода и вера, вызванную толками последнего времени о пределах религиозной свободы [1]), я желал бы видеть ее помещенною в Вашей уважаемой газете на следующих условиях:

1. Текст ее не должен быть в чем либо изменен,

2. гонорар = 15 к. за строку,

3. форма—3 фельетона (1-й фел.: гл. I, 2-й фел.: гл. II, III, IV, 3-й фел.: гл. V—XIII), из которых два первые будут весьма короткие и последний—очень большой; в случае неудобства для Вас большого фельетона, третий фельетон может быть разделен на 2, при чем главы XII и XIII отделятся в третий фельетон, но зато первые два фельетона (главы I, II, III, IV) должны быть соединены в один фельетон, и он не будет велик. Появление нескольких фельетонов, представляющих части одной статьи, для газеты вообще неудобно, но в „Новом Времени“ уже были таким образом помещаемы нередко статьи, как Д. Самарина („Глашатай вселенской правды“), Н. Страхова („Три ступени нравственности“) и пр. Что касается вознаграждения, то размер его Вы не найдете излишним, если примете во внимание, что фельетон по самой своей задаче требует значительной литературной обработки, и по крайней мере так оценивался мой труд в „Московских Вед.“ (где в 1893 и 92 г.г. мною было помещено 6 фельетонов). Что касается условия не изменять текста, то это для меня необходимо в виду возможности возникновения полемики, при чем в случае изменения моих выражений,

---

[1]) Статья Л. Тихомирова в „Русском Обозрении“ и возражения ему Вл. Соловьева, Саламона, Н. Аксакова и др.

я, конечно, не мог бы их отстаивать, и вообще принять спора. Наконец, относительно качества работы моей (которую и впредь, при случае, я желал бы продолжать на страницах Вашей уважаемой газеты), я не думаю, чтобы Вы нашли ее неудовлетворительною, так как до сих пор все органы, в каких мне случалось сотрудничать (в „Русском Вестнике“ мне принадлежат статьи: „Легенда о Великом Инквизиторе“ 1891 г., „Эстетическое понимание истории“ 1892 г., „Сумерки просвещения“ 1893 г., в „Русском Обозрении“—„О трех формах в развитии русской критики“, в „Вопросах философии“: „Цель человеческой жизни“ и пр.) всегда помещали мои статьи без какого-либо неодобрения и изменения моего текста. Прошу Вас о решении своем уведомить меня в возможно непродолжительном времени (ибо самое время интереса общества к возбужденному вопросу может ослабнуть, и тогда появление ее будет запоздалым) по адресу: В С.-Петербурге, Петербургская сторона, Павловская улица, д. 2, кв. 1. Василью Васильевичу Розанову.

Примите уверение в совершенном моем к Вам почтении

В. Розанов.

Прошу Вас извинить меня за некоторые помарки в рукописи—плод усилий тщательнее сделать статью.

(1893 г.) [1].

2.

Глубокоуважаемый Алексей Сергеевич!

Что делать—придется фельетоны разобрать, спасибо Вам, что Вы каждый раз даете отзыв о непринимаемом фельетоне, т. е. даете лишь со стороны судить себя. Крадущийся и не договаривающий тон фельетона о Толстом выходит из опасности (даже от цензуры) темы [1]. Вы знаете, что я очень (всегда был) религиозен, и по сие время через 1—2 недели бываю у себя в приходской церкви; вообще люблю все церковное: и так, это не есть ни легкомыслие во мне, ни преднамеренная и тенденциозная враждебность к установлениям церкви, если я скажу, что в христианстве есть неполнота и в таком пункте, что лишает его силы и даже надежды когда-либо овладеть жизнью. Эта неполнота и лежит в воз-

зрении на семью и брак: в сущности, церковь не „брак“ признает „святым“, а только с в о е действие над брачущимися („внутрь храмовое венчание“), а самый брак, самое течение жизни семейной стоит полным недоумением среди характерно безплотных доктрин христианства. Об этом и плачет Поздышев—Толстой: „мы повенчались—а затем что?“ Толстой спрашивает, и церковь не умеет ответить. Не умеет, потому что в этом пункте начинается в церкви зияние, дыра; нет положительного научения. Какие-то неприличности („карамазовщина“ Достоевского), но из которых во первых: 1) рождаются дети, т. е. характерно невинные существа, и даже—excusez du peu—единственно на земле святые, непорочные существа; и во 2) „неприличности“, на коих и держится вся реальная связанность рода человеческого: ибо что значит работа около нас и наших нужд, горестей и проч. священников и „милостивых самарян“ перед работой, заботами, боленьем наших незаметных жен? Таким образом „семья“, „неприличности“ спальни, рождаемые дети—суть религия-же; и мы подходим к вопросу или о второй религии возле христианства, или к глубочайшему преобразованию христианства,—и третьего выбора нет! В том и другом случае мы стоим перед религиозною реформою, которая задевает более существенные стороны, чем спор между Лютером и католиками о том, делами-ли и верою, или одною верою („благодатью“) спасается человек. Слава Богу, Алексей Алексеевич [2] дал мне провести 4 фельетона, где я уже глубоко шевельнул этот вопрос; может быть неумело, азартно—я все порываюсь к этой-же теме. Тема именно колебание нашей цивилизации. Тут-бы нужна ясность А—та (Петерсена); могучее слово Толстого; был-бы жив Достоевский (бессознательно всю жизнь работавший над этою темою)—он-бы ухватился за тему. Рано-ли, поздно-ли, я найду для нее „язык простой и голос мыслей благородный“ (простите, что перевираю цитату). Я упомянул о сфинксах, ибо, к удивленью своему—нахожу религиозную истину в египетской, да и всех языческих религиях: это и были религии б р а ч н о - р е л и г и о з н ы е, в отличие от христианства, которое одно только берет человека в одиночку, как Симеона на столпе, и говорит: „вот так можно спасаться“; а по моему (и по язычеству, да и по Толстому в тайниках его мысли)—спасаться не только можно, но и преимущественно можно „друг с другом“, „вместе“, „репка за

репку", с детишками и „потрохами". Меняется теизм и меняется культура. Но я пытаюсь в самом христианстве найти для этого зацепку: это—Вифлием, который (как и все в сущности таинства) нисколько не разработан в церкви. Божия матерь, конечно, стала таковою не в покровах своих, не в плате, накинутом на главу, но именно и специально как м а т е р ь и д е в а в органических своих чертах.

Как только мы это примем во внимание, т. е. отбросим с Девы покровы, совершенно ложно поклоняемые—мы вдруг получим слияние христианства со всем язычеством; останется Бого-„родительница" — Дева, Божество в девственно-женских своих частях; и моментально мы постигнем, почему брак каждого смиренного и каждой смиренной „религиозное таинство", о чем лишь фиктивно учит церковь („не в вашем браке—тайна, но в моем вас венчании"). Религия совершенно преобразуется: она станет „правильно", религией „кровных отношений", „семьи", „чадорождения", а не Соловок и Валаама.

Тут только и возможна теитизация всей жизни, всего жизненного уклада.—Фельетоны Вы прикажите разобрать; а если бог внушит мне переделать в понятную форму о Толстом, это будет новый фельетон и я его принесу к Вам как новый.

Преданный Вам *В. Розанов.*

(1898 г.)

3.

Г л у б о к о у в а ж а е м ы й А л е к с е й С е р г е е в и ч.

Очень я измучен жизнью, оттого так дурно пишу. Все Ваши упреки — правда; все чувствую сам, и спасибо, что уже старый и утомленный человек, Вы пишете длинное „учительное" письмо. Ужасный у Вас п о ч е р к только, и я пишу этот ответ, разобрав лишь 1 страницу иероглифов. Но в Вас есть доброта, живость, отзывчивость — совершенно выдохшиеся в нас всех качества. Ну, простите — посылаю эту писульку, и с увеличительным стеклом буду разбирать дальше. Да, вот большое дело: еслиб Вы мне дали в „Нов. Вр." б о г а т о разработать правда щекотливую тему — о п о л е и п о л о в о м. Алексей Алексеевич ею стесняется. Как-то в разговоре с Вами, я услышал от Вас заметку: „нет, Ницше очень интересен; Вы

не читали его „Антихриста“ — это поразительно“. Теперь я Вам отвечу, о чем промолчал тогда, что в Евангелии есть странная сторона: совершенная бесплотность, полное умолчание о кровных отношениях между людьми, т. е. родстве, семье и т. д.: о том, что составляет $^{9}/_{10}$ жизни. Это вещь ужасная потому, что Евангелие по смыслу нашей христианской цивилизации есть для нее фундаментальная книга. Размышляя очень упорно над этою темою, я пришел к выводам очень печальным для нашего христианства, и думаю, что изумительное загрязнение нашей жизни и бездна индивидуального несчастия вытекает из этого странного евангельского умолчания. Собственно говоря, мы имеем очень двусмысленного характера семью и брак. Евангелие не имеет никакого на это взгляда, и даже в решительный момент говорит: „лучше не жениться“. Отсюда, из этой ужасной строки потекло 2000-летнее отрицательное воззрение на пол, и, как мне думается, с этою строкою вошли под видом „кротости“ и „чистоты“ существенно демонические струи в нашу цивилизацию. Обратите внимание на недопущение развода, когда фактически брак уже расторгнут; от этого — и страх перед браком и отказ молодежи вступать в так часто неудачный, но юридически нерасторжимый союз; на % „незаконнорожденных“, на детоубийства „из стыда“ девушек, на вытравление плода девицами, вдовами и монахинями. Кровь именно детская неустанно льется: это какие-то Вифлиемские избиения под покровом „искания Христа“, искания осуществить Христову „бесплотность“. Вот точка, из которой полезла ужасная грязь нашей цивилизации, и на которой эта цивилизация просто могла бы быть потрясена, т. е. потрясена в том аскетически-монашеском идеале, которым она руководится, а не руководясь — остается на воззрении, что все это—„животное“. Между тем можно открыть и доказать, что пол и половое, как родник семьи и родства — есть религиозное, священное; и что даже вообще религиозные веяния в человеке веют отсюда. Завтра или послезавтра я буду у Вас, и поговорим об этом. А сейчас бегу на службу [1].

Преданный Вам *В. Розанов.*

4.

Глубокоуважаемый Алексей Сергеевич!

Вы лучше меня знаете, т. е. жизненно испытали, значение стиха:

В те дни, когда мне были новы
Все впечатления бытия

— и оцените, что Кавказ и Крым, тысячу раз описанный устало-насыщенным пером писателей, все таки может представить кой что новое и свежее, когда на него смотрит человек, ранее никогда не спускавшийся южнее Орловской губернии. Поэтому, много не повторяя, и единственно надеясь на свежесть смотрящего впервые глаза, я позволяю себе дать Вам несколько очерков: один — посвященный Кавказу (теперь посылаемый); один — Крыму; один размышлениям о Востоке в его характерном отличии от Запада. Думаю, это будет просто и занимательно для читателей, не говоря о наших бесчисленных обитателях юга.

Преданный Вам *В. Розанов.*

Как хороша была Ваша статья об Ал. II.[1] по полноте очерка; как точна граница его способностей; гениальность (относительная) эпохи; недостаток у него сотрудников (ужасно важное замечание, чрезвычайно много об'ясняющее: в „сферах“ это была бездарнейшая эпоха, государю не у кого было спросить совета; ведь он, при заметной негениальности его способностей, все же был даровитее каждого из своих министров, между коими некоторые были прямо уморительны). Да, этой гениальной по свежести эпохе, этой бы весне — да такт „матушки Екатерины“, ее уменье схватить настроение и властительно повести людей за собою, царственно их повести, а не демократически поплестись „в толпе“ за вожаками толпы же. И Вы верно отметили, что в ту же эпоху общество выдвинуло огромные умственные силы: тут-то общество, сияя умом, и вырвалось впервые из-под дирижерства сфер, частью, как я сказал, „юмористических“. Ну, да Вы это все „во-очию“ видели. Только слово „рабство“ я не употребил бы: было-ли у нас „рабство“? Мягкость—сверху и ширь—

снизу русской натуры не допускала, кажется, никогда рабства в западных, в американских или в римских формах.
(1898 г.) [2].

5.

Глубокоуважаемый Алексей Сергеевич!

Приношу Вам самую горячую благодарность за повышение гонорара, и приношу эту благодарность от детей своих и усталой жены. Дай бог мне на деле отплатить Вам за нее, т. е. хорошо и удачно, счастливо работать для газеты Вашей. Это не всегда выходит преднамеренно, т. е. часто мы имеем наилучшие намерения в литературе, но чего-то нет, вдохновение-ли не приходит — и тогда ничего не выходит. И раньше я слыхал о Вашей доброте к рабочим в типографии, о пенсии Коршу, соиздателю Петербургских Ведомостей, и вот мне самому пришлось увидеть тоже. Так-как этот шаг Ваш был чисто доброволен, не связан ни с какою нуждою собственно для Вас, то тем паче я ценю свободное движение Вашего сердца. А в скольких „высоких богословах“ я обманулся в жизни, в „высоких христианах“: и вот мне протянул руку помощи человек, который никогда не говорил о своей религиозности.

Еще раз крепко благодарю Вас и крепко жму руку.

В. Розанов.

(1899 г.) [1].

6.

Многоуважаемый Алексей Сергеевич!

Подлецы очевидно хотят запугав запутать Вас и обмарать: посему я и сделал все так в рукописи, что Вы держите голову прямо и при попытке противозаконно обмарать Вас — прямо им-же угрожаете. Поверьте, что шакалы спрячут хвост, как только Вы не выкажете им робкого сердца. Они для того предварительно и травили Вас в печати, чтобы доведя морально до истощения отнять у Вас силу сопротивления на возможном и верно тогда же задуманном, в качестве последнего удара, „суде чести“.

Ваш *В. Розанов.*

Вы, как смущенный человек, едва-ли видите ясно положение карт и точные границы игры. Распускав под рукою и шопотом „Суворин бесчестен“, после суда и присуждения они получат право громко говорить: „да, Сузорин бесчестен, это признала литература, мы“. Поговорили-бы Вы с Плющик-Плющевским о возможности жалобы на диффамацию, и вообще о технической стороне моей им угрозы.

(1899 г.) [1].

7.

Многоуважаемый Алексей Сергеевич!

Есть у нас пословица: „правда светлее солнца“. Когда ее услыхал, давно и от одной старушки-вдовы, подумал: „жив русский народ“, т. е. он жив, имея в душе такие верстовые столбы нравственности, как эта поговорка.—Много я получаю частных писем, и не смею ими утомлять ни Вас, ни Алекс. Алекс., ибо от работы у Вас конечно голова идет кругом, но вот я только-что получил 1 письмо по поводу „Элементов брака“, и решаюсь Вам его представить, и еще другое прилагаю, ранее полученное. Вы с Анной Ивановной лежите себе „к сторонке“ и говорите: „нам тепло!“, а ведь кой-кому „ой как холодно“. Не верю я, чтобы на „святой Руси“ нельзя было для всякого добиться правды, да пока нет правды, я самую „святую Русь“ под надзор беру и в „подозрительные“ записываю.

Я может быть дурак и до крайности наивный человек, но решительно не могу поверить, чтобы я родился под неправду, в неправду и для неправды. Тогда незачем было родиться. Ведь даже Филарет написал:

Не напрасно, не случайно
Жизнь от Бога мне дана.

А когда Филарет написал, то неужели Розанов не вправе поднять вопрос: да неужели такое множество рождаемых малюток (в Петербурге $^1/_3$ всех рождаемых) суть

Дар напрасный, дар случайный...

Чер-р-р-т знает что́ такое! Да ведь это мировой пессимизм, когда так. Вопрос о браке меня вовсе интересует не практи-

ческой стороной (хоть и она важна), а метафизическою, ибо ни откуда нельзя заглянуть так глубоко в корень вещей, и, между прочим, в корень христианства. Содержится пол в религии или не содержится? Если нет, само собою нечего и говорить о браке как таинстве и церковь должна, но явно и громогласно, отречь от себя семью и сама от нее отречься; поместить так сказать семью в разряд „отреченных, апокрифических книг". Но без семьи—сама церковь умрет: кто-же пойдет в нее молиться, если не малютки, не матери. Ведь тогда ей останутся одни купцы, да и то только холостые. Итак, церковь от семьи никогда не откажется, но тогда она должна не мнимо и фальшиво, а в самом деле радостно и „во вся" принять в себя семью, принять ее не в закон церковный, но в душу свою религиозную, в молитвы свои, в эктении, в весь строй и во всю поэзию. Где же у нас семейные, для семьи написанные молитвы? Есть молитвы политические, там разные „победы даруя"; есть молитва даже против нигилистов (Победоносцевым сочиненная); есть молитва перед путешествием. А вот когда женщина пугается в приступе родов, то бедной нечего и прочесть к Богу: только глазами поведет на образ. И мы имеем политическую церковь, а не семейную церковь, мы имеем консисторскую церковь, а домашней церкви у нас нет. Вот начало анализа. Никто не догадывается, что мы живем в антагонизме семьи и церкви, и это разрушает как одну, так и другую. Церковь без семьи гибнет, холодеет, становится пуста; а семья без церкви гибнет, ибо зашаталось в ней все. Неужели не великая реформа гармонизовать церковь и семью. Церковь и согласна бы, но при условии: „я почванлюсь, а вы меня поносите", это помните как в истории сказали послы древлянские мужам киевским: „не хотим ни пешком итти, ни на конях ехать, а несите нас в лодках" (в которых приехали по Припети). Тут начинается гордыня церкви, а где гордость, там „лукавый" и все „от лукаваго". Повторяю, этот анализ важен. Повторяю, рождение метафизично, как и Филарет сказал: а когда так, церковь не имеет права сохранить свое учение о браке как о каком-то апокрифе, который она чуть-чуть допускает, а 100% его боится пропустить в себя. „Умру"... Как Вы с Вашим умом не спохватитесь, что брак похож у нас на собаку, которую ущемили в дверях, и именно в дверях

церковных. Голову-то по сю сторону, внутри храма держат: „без головы собачьей умрем", „без брака хотя по имени— умрем". Им отвечают: „ну, так пустите всю собаку, а то ей больно, визжит". Церковь странно отвечает: „нет, когда всю собаку пропустим, то тоже умрем, нам нужно только $^1/_2$ собаки и даже одна голова ее, одна даже кличька". Ну „собака в дверях" и издыхает, т. е. издыхает семья, весь семейный быт, вся семейная поэзия и вся семейная религия, „не пускают в церковь!". Как Вы не видите, что это мировой вопрос, только-что начавшийся, и он поважней реформы Лютера с его пустым недоумением: „верою одною или верою и делами оправдан будет человек перед Богом". Я верю, что правдивому русскому сердцу предлежит, отряхнувшись до конца от Византийской рухляди, сказать в христианстве свое огромное, новое слово. И вот точное допрашивание, как церковь учит о рождении:

Дар напрасный, дар случайный

или

Не напрасно, не случайно
Жизнь от Бога мне дана

и есть коренной вопрос, откуда можно начать гениальный анализ всей византийской церкви. Ну, а пока прочтите 2 письмеца.

Вам преданный *В. Розанов.*

А пока я Вам напишу хорошую передовицу о нашем теперешнем промозглом стоянии. Вот так „великие стояния", какие бывают в посту. Пожалуйста, письма мне верните, т. е. не затеряйте их.

(1899 г.)[2].

8.

Ответно здравствуйте, дорогой и неоцененный Алексей Сергеевич! Прочел еще первые только строки Вашего письма, и захотелось и Вам сейчас сказать: „здравствуйте!". Ведь Ваше письмо разбирать—часы и мука, и я не утерпел.

Об Италии: глаз у меня не усталый от впечатлений, я ничего ведь в мире не видел, а потому вижу много

нового. Ах, если бы больше простора, просто физического, бумажного: я бы мало-по-малу заново поставил вопрос об отношении к католицизму. Ведь мы как решили?

1. Вечная вражда. Ну, что-же, сиди и грызи ногти—ничего не получится. Это = 0.

2. Примирение, как отречение католичества от папства и слияние с нами в качестве простого епископства. Да как-же, когда папы сделали католичество? Ну, как вы будете мириться с Россией, исключая из нее Русского Государя? Невозможно. Пустые разговоры. Пустые надежды.

3. Примирение как отречение от Православия (Вл. Соловьев). Да, но разве можно убить добрый русский дух, отразившийся многими добрыми и простыми и мудрыми чертами и на православии. Несправедливо.

Итак, в отношении к католичеству мы до сих пор доработались до 0, невозможного и несправедливого.

Мне казалось, что я в силах сдвинуть вопрос с этой мертвой точки. В Италии свежим, не утомленным взглядом я подглядел многое, чего раньше, кажется, не видели путешественники. Нужно просто начинать знать друг друга и понимать друг друга, помните как у Пушкина:

что чувства добрые я лирой пробуждал,

и вот капля по капле сам собою начнется синтез Востока и Запада. Ведь я видел у них обряд крещения: отвратительная бедность, нищенство сравнительно с нами: ребенка привезли в Баптистерию (во Флоренции) и сняв чепчик—полили из ковша водицы на голову, что-то прочли и довольно—вези назад. Мы с женой просто ахнули. Это—нищенство, это—убогость против православия. Но около этого католичество имеет бездну обдуманности и всестороннего развития. В чем, как—ну, этого в письме не напишешь.

Мы уткнулись носом в filioque и папство, т. е. в непонятную словесную прибавку и в зависть наших архиереев к римскому архиерею, который „обошел их чином"—и тронуться с места не можем. А что за дело русскому народу и до filioque, и до зависти наших архиереев? Католичество—великая культурная сила, вот чего нам терять из виду нельзя. — Уморительно я с одним францисканцем в вагоне разговаривал о плохом, опасном положении христианства во всем мире: и что-же, на

полу-латинском, полу-французском, полу-итальянском языке мы говорили как друзья. Мне больно и ему больно – и друг другу плачемся. И мы были просты—т. е. католик был без высокомерия, и русский—без зависти. Кстати, я в Италии всем говорил „io russo". Какое-то прямо хвастовство напало. Мне казалось, что после „io russo" все должны на меня смотреть как из золота сделанного. И знаете—до трогательности везде милое отношение. Но тут—опять в письме не упишешь.

Пишете о национ. школе. Конечно, мы через край загибаем, это я чувствовал в „Н. Вр." не теперь, но и прошлый, и за-прошлый год. Отрицать древний мир невозможно по красоте его жизни, мышления и литератур. Без Платона и Эврипида не обходился еще ни один народ. Отрицать вовсе солидарность народов – невозможно. Дойдешь до самого куцого и тупоумного руссизма; станешь предпочитать „Сад Неметти" Comedie Française.—Но вот в чем наше право: право оскорбленного. 30 лет презирали „они" причину, указания, самые доброжелательные, крик общества, действительную муку и действительное несчастие детей. „Они" так согнули дерево в одну сторону, что перегиб его в другую сторону на такой же градус стал исторической необходимостью, стал нравственным удовлетворением, в своем роде „реваншем". Но реформа, при всех насмешках Мещерского (сознаюсь—ядовитых и удачных), кажется пойдет отлично, и просто потому, что ее все любят. Великое дело: „все меня любят". Это дает крылья, это дает почву для поправки. Д. Толстой никогда не хотел поправиться, ибо его все ненавидели, и он замер в гордости и оскорблении (ибо он думал и надеялся устроить хорошее): „ничего не хочу поправлять! все совершенно! они дураки и не понимают". Как дело стало на эту почву, а оно стало на нее с 1870 года, оно стало делом обреченным смерти.

Реформа Ванновского пойдет отлично, ибо ее все хотят, все любят и она сто раз понравится. Большинство у нас статей писал кажется Карпов, мне они казались только-что только сносными, а национальное беснование на другой же день стало надоедливым, наивным и смешным. И все же я твердил себе и другим: „отлично! отлично! Они—мальчишки, но эти мальчишки отличное сделают дело, свежее, здоровое, с силами роста в себе. Литература да и русский ум так

стал скептичен, что застояться наивному не дадут, сейчас-же стряхнут иронией. Ну, нужно доверие между школой и обществом, гимназией и родителями, и это доверие вдруг родилось и есть. А это великая вещь!

Ну, устал писать. И насчет женщин Мещерскому ответили. Как Вы верно пишите, что, если продолжать Мещерского, то нужно запретить танцы; а ведь под его пером танцы описались-бы так: „девушка и молодой человек, полуобнажившись, скачут по зале! и так все!! парами!!! Содом—хуже, чем у меня в кабинете". И пакостник же он: 30 лет пишет о нравах курсисток и студенток, когда сам „превзошел все нравы".

Как грустно, что Вы нездоровы. Как вообще грустно, что я узнал Вас на закате, когда Вы уже устали и Вам трудно и говорить и действовать. Без лести скажу, что Ваш светлый и добрый и открытый характер скрасил мне много дней, прибавил доброго мнения о людях. А я знал в этой сфере много разочарований.

Крепко, крепко жму руку. Укрепляйтесь. Да знаете-ли что: читал я лет 20 назад, в журналах, письмо знаменитого тогда Карла Фохта: „вот—был стар, боли, усталость и сонливость настала; мой друг профессор такой-то стал меня лечить Броун - Секаровскими вспрыскиваниями — и я опять тружусь, свеж, хочется работать". Знаете, ведь всех волшебств природы мы не знаем. Впрочем, Вы кажется лечиться не любите.

А в „Нов. Вр." можно исподволь поправиться в сторону устойчивости и серьезности и не окончательного похоронения культуры античной.

Об этом я с Геем поговорю. Да скоро-ли Вы приедете? Анне Ивановне поклон. Ваш преданный

В. В. Розанов.

1901 г. [1].

9.

Удивительное Вы сегодня „Мал. письмо" написали, Алексей Сергеевич. Не помню у Вас такого. И стиль, и важность темы и речи, и смелость (в отношении к Витте): и все в меру, с таким достоинством. Ожидаю, что Вы получите много писем, но пусть это будет первое. Начиная со ссылки

на Кузьму Пруткова—восхитительно. И взяли этим тоном в сущности верх над таким умницей (Витте), взяли,—но не отнеся к своему уму—а к возрасту („ты сер, а я приятель сед“ у Крылова). Удивительно.

И конечно важно, чтобы у исходящей кровью центральной Руси не брали в мечту какую-то последнюю кровь, рубль и рабочую силу, а главное—заботу и талант.— Местами слова Ваши жостки до сухости и похожи на „ревизию верноподданного“: нам все равно, кто у Вас воровал, средние или высшие: нам существенно единственно то, что уворованного рубля уже не лежит у нас в кармане.

Мне кажется, Витте очень худо, неловко себя почувствует после Вашего „М. письма“. Это—настоящая политическая речь. И как хорошо о комитетах. Ну, умудрил Вас бог И Вы жаловались, что устарели: это—речь 30-летнего темперамента, и только по мысли, а не по одушевлению—старье [1].

Ваш *В. Розанов.*

(1903 г.).

10.

Многоуважаемый Алексей Сергеевич!

Большого труда мне стоит это письмо писать. Но нет моих сил выносить долее. Целое лето и зиму, едва я приношу статью, Булгаков говорит: „на сколько настрочили“, и этот упрек, что „строчишь ради платы“ решительно подрезывает крылья. И сколько раз, написав статью и уже подписав фамилию—так и оставишь у себя на столе, при мысли: „опять скажет—ради денег“. Сколько я ни бился сказать за свящ. Петрова слово (когда его травила часть прессы, а часть защищала)—Булгаков решительно запретил что-либо писать, со словами: „пожалуйста не приносите мне ничего о духовенстве—я о нем слышать не хочу“. Между тем чтения Петрова волновали весь Петербург. Приношу летом, по поводу закрытия во Франции конгрегаций, фельетон: „Изгнание богов“,— с той мыслью, что преувеличенные о себе представления католического духовенства, как-бы закрывшие от людей непосредственное к богу отношение, — подняли это движение не против религии вообще, но именно против духовенства. Булгаков отка-

зался даже и читать фельетон, и не читал. Статья о 60-х годах, помещенная в „Нов. Пути", была мною принесена ему, как возражение Энгельгардту: и снова он отказался ее даже прочесть, сказав только: „Энгельгардт написал, а Розанов сейчас же ему возражает: Вы пользуетесь случаем, чтобы что-нибудь набить построчного". Как можно при этом подозрении и унижении писать одушевленно. Руки отваливаются. Во вторник он потребовал меня к себе и, указав на фельетон, одобренный к печатанию Викт. Петр. Бурениным, опять при Демчинском и при метранпаже насмеялся, что я пишу ради строк, что только для этого увеличиваю объем фельетонов (часто-ли они идут? Фельетон был величины с фельетон Эльпе). Я выбросил то, что было посуше. Оказывается, что он его еще не читал. Увидев в первых строках передачу разговора о дарвинизме, он говорит: „Вы не имеете о нем права писать, что Вы знаете о дарвинизме, это все надо выпустить". Но у меня это был пример, что по Дарвиновой теории всякое новое явление, новая травка в поле хорошо прививается, растет неудержимо, и также растет молодое и свежее женское образовательное движение. Вы знаете, как я люблю женщин, и эту то часть именно я написал с одушевлением. Что это за отношение к делу, к литературе, к сотруднику, что со словами: „это написано для денег" берут ножницы и отстригают увлечение Ваше, любовь Вашу. Точно сердце выстригают из окружающих его жил. Скотство это, а не литература, скотское отношение к писателю, который есть друг другого писателя, и они могли бы помогать друг другу, вдохновлять друг друга. Спасибо дорогому Викт. Петр., который лаской своей столько раз утешил сердце. Меня вызвал в это время Афанасьев,—и я вышел из комнаты Булгакова и ушел домой, видя, что он хочет искорежить фельетон, и боля сердцем. Сегодня получаю газету—и все сердце оборвалось. Каждый писатель говорит с читателем: я хотел и имел повод сказать все милое трудящимся и учащимся женщинам, что о них думал, хотел прямо и их ответной любви к себе (ведь это простительно) и я вижу--прямо фельетон начинается с суши, с дела, без тех вводных и кажется красивых мыслей, какие были. Что же он мне кричал, что „дарвинизм не относится к сельскохозяйственному институту": есть красота мысли и слова, тонкие узоры изложения, которые нравятся сами по себе,

и уж которые автор сумеет связать с темой. Что за платье без кружев. Спросите в типографии (или я Вам пришлю): пробегите три первые выпущенные столбца, и решите сами: лишние ли они? Я до последней степени не только измучен, но и оскорблен: он говорит и поступает со мною, как Андрей с подручными сторожами. Вы сделали большую милость Меньшикову, став в непосредственные к нему отношения, без посредства Булгакова. Прошу и умоляю Вас, Алексей Сергеевич, не отказать мне в этом. Еще Меньшиков упорен в разговорах: но я при моем характере только обливаюсь внутренними слезами, когда меня мает и унижает Булгаков. Моя просьба к Вам: поставить передовые мои статьи под контроль исключительно Богдана Вениаминовича [1], а фельетоны и небольшие подписанные статьи (маленькие фельетоны) под контроль исключительно Буренина. Просто я не могу обращаться к Булгакову, говорить с ним. Лопнули силы. И зная мою молчаливость, он точно за всех на мне вымещает, совершенно крича, как сторож на сторожей. Не в силах и не в силах больше терпеть. Простите.

Ваш *В. Розанов.*

(1903 г.) [2].

11.

Должен перед Вами извиниться, дорогой Алексей Сергеевич, что так поздно Вам отвечаю: я был уверен, что Вы не в имении своем, а где то в Москве, ибо в редакции мне сказали, что „папаша вызвал в Москву Бориса Алексеевича по телеграфу".—Спасибо Вам от всей души за предложение мне, на летнее время, критического фельетона по пятницам. Постараюсь. А как будет старание—увидите.

Русскую литературу, при всех ее „текущих недостатках", я очень люблю. В разные времена своей жизни я верил или пытался верить в разные стороны нашей жизни: то—в государство, то—в церковь. А кончил казалось бы самой вульгарной верой—в литературу. Главное тут меня трогает ее старательность: чего-чего она не видит, о чем только—не заботится? Это в сущности превосходный штат не нанятых чиновников. Первородный ее грех—самолюбивость, самолюбие,—но и тот парализуется безвредностью этих самолю-

бий, которые у всех на виду вызывают на смех, а ядовитого вреда не приносят.

Итак, вне этого первородного греха, притом не вовсе всем присущего, она есть вполне нравственное явление, и вот это всего более к ней привлекает. И притом нравственное — без ханжества, без подхалимства, а просто на самой работе и вследствие работы. Вот отчего литература заняла такое огромное место в жизни Европы, и хотя, „г. г. литераторы“ не в ризах, а в сущности священники. Прочел в воспоминаниях Фаресова о Лескове его (Л-ва) горячий отзыв о Вашем очевидно стародавнем новогоднем рассказе, как г-жа NN, в кою влюблен полковник, принимает к себе на ночь любовника-офицера, а ночью возвращается ее муж, она любовника спрятала в трюмо и он задохся. Об этом знает лакей—и навязывается уже насильно (шантаж) ей в любовники. Ужасное положение, и возможное. Лесков говорил, что знал такой случай в Орловской губернии, где барыня, через узнание ее тайны, попала в руки конюха, и сошла с ума: она все бедная мылась, боясь, что от нее лошадиным потом пахнет. Какие бывают истории! Ну, дорогой, отдыхайте на даче. Особенно сюда не торопитесь: копите силы на зиму. Ведь Вы „Маленькими письмами“ за войну тысячи гонорару заработали. Кстати, до чего, я думаю технически неловко, что Вы за статьи свои гонорара не получаете: прямо неудобно работать. Я бы на Вашем месте завел особую графу хозяйства. Ведь имеет же свое хозяйство у Вас типография, издание, газета, магазин. И для литературы бы тоже.—Ну, простите за шутку:

Как уст румяных без улыбки
и проч.

Крепко жму руку.

Ваш *В. Розанов.*

(1904 г.)[1].

12.

Дорогой Алексей Сергеевич! Кельсиева я Вам вернул, продержав месяца четыре,—уже лет 5 назад (даже больше), ибо Вы очень дорожились этою книгою и просили быть внимательным не только с бережением ее, но и в сроке чтения. У меня из Ваших книг есть несколько (сейчас перед глазами,

на особой полке „Чужих книг“, но не перечисляю), но Кельсиева нет. Пусть хорошо посмотрят в Вашей библиотеке, она должна быть там, если не давали другому.—Бедного м. Антония затравили с рабочими: если он не умен—это не причина рубить голову; я и написал насмешливую статью, что рабочих увещать от имени церкви должен был Победоносцев или послать Саблера, ибо они управляют и руководят церковью, митрополит же да и все прочие суть молчальники, не только с рабочими, но и ни с кем не умеющие говорить. Статья по нашим временам пожалуй даже цензурна: а главное сейчас бы заставила подумать о возвращении авторитета духовенству. Диво в самом деле: век не зовут к политике духовных; а вышел бунт—поди и усмиряй.—Написал-же я по поводу слов Мещерского: „отчего митрополит Петербургский не вышел 9 Января к рабочим на площадь Зимнего дворца“.—

Сегодня опять Вы хор. написали „Мал. п.“: спокойно и осторожно, с запасом свободы и позади сказать—смотря по течению обстоятельств—и так и иначе. Интеллигентные забастовки и меня возмущают. Это—ужасная лень в основе всего. Русское шалопайство (у Вас хорошо отмечено, что окраинцы трудолюбивее нас). Я только себя утешаю тем, что и Германия после 30-летней войны (по Иловайскому) пришла на $^1/_2$ века в состояние совершенной дикости, бесшкольности.

Вообще большие и благодетельные в конце концов внутрение движения дорого стоят (что делать!): временная безработица, нищета, дикость, грубость нравов—вот „счет“ революции-ли, реформации-ли, да даже и больших реформ. Но зато потом, как после бури—удвоенный цвет, утроенный плод от переработки всех соков. Я человек спокойный; конечно революции не хочу; но как-то смотрю на „события“. Уж очень долго мы дремали. Пусть пошумят. От шума не умирают. Ну, простите, если написал вздор.

Ваш всем сердцем

В. Розанов.

(1905 г.) [1].

13.

Многоуважаемый Алексей Сергеевич!

Очень печально для меня, что фельетон мой о Леонтьеве не понравился, но, конечно, я нахожу вполне справедливыми основания, по которым Вы его не печатаете: все, что вызывает недоумение и вопрос у редактора, вызовет еще большее недоумение у тысяч читателей газеты и, eo ipso—невозможно, ненужно, не достигает никакой цели и след. вредно. Почему Леонтьев велик? Потому что одна мысль наполняла его жизнь (о гибели западной цивилизации и необходимости новой), потому что этою мыслью он не чванился, не расписывал ее, не драпировался в нее, не читал о ней рефератов, и подумайте, сколько бы шуму сделали из $^1/_{100}$ этой мысли Кареев, Грот, даже Бестужев-Рюмин, Ламанский, как-бы они ломались с нею, чтобы признать, что Леонтьев был велик в своей простоте и скромности. Пишу это, чтобы оправдать перед Вами свои слова о Леонтьеве, и вовсе не в защиту фельетона своего, где я, думая все о 600 строках, действительно даже не оговорил, почему Леонтьев велик, просто забыл об этом. Вы скажете, что мысль Л-ва о разложении всего в истории—слишком проста и элементарна (она и в действительности такова), но ведь это же не просто: разве не просто, что тела небесные взаимно притягиваются, или проповедь Толстого—любите друг друга. Но велик человек становится, когда простое, но многоценное делает делом своей жизни, весь наполняется мыслью о нем, etc. Леонтьева лично я не видал, был лишь в заочной с ним переписке, и попеременно и ненавидел и любил его, ненавидел за „жестоковыйность“ его суждений, любил—за верность им, за героизм характера, за правильность многих его взглядов. Но оканчиваю я разочарованием в нем. Нет сил опровергнуть его логически, как натуралист-историк—он прав, и чтобы побороть его—остается одно: указать на церковь И. Христа и сказать: „безумец, монах, да ты забыл о ней, в своих тревогах о человечестве—ты язычник“. Это, я убежден, единственное средство преодолеть Леонтьева, отвергнуть его и его „жестоковыйные“ теории. Это я в фельетоне и сделал, который по отношению к Л-ву, несмотря на слова об его „величии“ и„благородстве“, ничего в сущности не значащие, отрицателен.

Простите, что утомляю Ваше внимание, я знаю, до чего Вы заняты. Писать у Вас—меня крайне соблазняет, ибо о чем говорит Ваша газета—Россия думает, и кто хочет иметь аудиторию—должен стремиться и стремится невольно к Вам.

Как честному и „ветхому деньми“ публицисту—скажу открыто, что во многом, по многим вопросам—не совпадаю я с Вами (напр. о классицизме), не совпадаю и в колорите мысли, в подробностях душевного строя. Перед великим Вашим здравым смыслом—преклоняюсь и завидую простоте и ясности Вашей речи. Не всякому это дано, и не будьте так строги в этом ко всякому, также и ко мне, бедному: вижу, чувствую и сознаю, что пишу как-то темно, и при всем том—великая страсть убеждать, убеждать именно множество, толпу, собственно—ее переделывать. Меня не столько печалит неудача этого фельетона, сколько Ваши слова о „языке понятном, простом и ярком“. О, конечно, это так, Вы правы, да иначе Вы и права не имеете относиться к читателю, и, след., требовать от писателя. Все так, но—вот я, в моих ограниченных средствах, с содержанием, которое так хочется передать, которое не незаслуживает, чтобы быть переданным. Пишу это, чтобы Вам дать понять, что не упорство и не самомнение заставляет меня писать так, а не этак, а природа моя, из которой возьмите то, что Вам удобно, Вашим идеям не противоречит, и чуть-чуть иногда дайте выразиться моему личному колориту (в суждениях о религии, etc.). Вот все, чего мне хотелось бы от Вас, и я счел долгом это сказать, чтобы не было неясности и напрасного неудовольствия в наших взаимных отношениях.

Вас искренно уважающий *В. Розанов.*

1905 г.)[1].

14.

Дорогой и глубокоуважаемый
Алексей Сергеевич!

С апреля минувшаго пошел 11-ый год моего постоянного сотрудничества в „Нов. Вр.“, и вследствие нашей революции или смуты, все вздорожало страшно: мясо было 18 коп. фунт, теперь 28 коп. фунт; и все пропорционально этому. Затем в минувшем году я отдал в школы 2-х младших детей; теперь

учатся 5 человек. Поэтому жить мне стало трудно. И если Вас не затруднит, не откажитесь мне прибавить жалованье: теперь я получаю 350 р. в месяц, а мне хотелось бы получать 500 руб. Затем это будет последняя мне прибавка: более до конца моей жизни и вероятно сотрудничества в „Нов. Вр.“ я не буду ничего никогда просить. Так я буду совершенно устроен....

После дела „литература“: Юр. Дм. Беляев рассказывал, что Вы ходите в резиновых галошах, и в них-же ездите, равно в халате. Нельзя сказать, чтобы красиво, но верно удобно. А в Ваши и даже мои годы удобство предпочитаешь уже всему. Сейчас вернулся от П. А. Столыпина Мих. Алексеевич [1]: Столыпин ему говорил, что нужно поднимать дух в населении, бодрить его. Так-то это так, и Столыпин прекрасный и благородный человек, но уж очень они все вялы, и Столыпин тоже. Большой барин, „успокоил“ Россию, но дальше просто кажется он не может придумать, что-же дальше. В нем какой-то неизобретательный ум,—как и в нашем Столыпине [2], которому помогает хоть остроумие и шутка. Но решительно нельзя жить без чего-нибудь нового, и даже без шуток и остроумия. В воздухе царит ужасная скука,—это чувствуется. Чувствуется, что не „рассвет“, а вечер или скучный обеденный час, 6 вечера, когда—ни зари, ни звезд, ни горячого солнца, а просто клонит ко сну. „Нынешние“ не умеют устроить хорошую погоду, секрет чего не в делах, а в какой-то вялости духа. И Столыпин—хороший и честный, но похож на горшок с гречневой кашей, а не на бутылку с шампанским. Занимаются „делопроизводством“: но этим и Полина Яковлевна занимается, и не для чего ради этого называться министром, да еще „premier“. Premier так уж premier: первая голова в стране, первая энергия в государстве. Этого-то и нет.

А давно нет „Мал. писем“: Вы бы что-нибудь о деревне написали, я думаю теперь это интереснее всего, и можно бы даже начать новую рубрику: „Письма из деревни“, или „Из глуши России“. Ну, жму руку, отдыхайте. Ждем Вас к концу Сентября. Мы здесь в поту, в пыли и при отвратительной погоде целое лето.

Ваш *В. Розанов*

(1909 г.) [3].

15.

Ну вот, дорогой Алексей Сергеевич, прошло „целое время“ (как говорят в народе) после Вашего милого письма ко мне о профессуре: и прошли какие события. Жаль Столыпина: могу ошибаться, но мне кажется, он был первый министр-гражданин, и даже, чуть-чуть, министр-обыватель: так мне прямо почудилось, когда я на него смотрел в гробу, когда видел его такую милую в детях семью, скромную, почти провинциальную, дворянскую, помещичью. Ей, ей, о больной девочке, которой расшибло ноги (и она до сих пор не поправилась) я подумал как о Татьяне:

А мне, Онегин, пышность эта

и проч. и проч.: и все она готова отдать за „полку книг“ и „могилу няни“. Вот это-то я лично в нем и любил, всегда себе представляя на Аптекарском острове, немножко как Цинцината (Рим) с его огородом. Во всяком случае — Столыпин не канцелярия; во всяком случае — он не мундир, чин и орден. Для нас, „людей старого порядка“, и это — слава богу, величайшее слава богу.

И все-таки „слава богу“, что есть Дума и чтобы там ни говорили, все-таки есть конституция. Посмотрите какое оживление; как смело говорят Коковцеву: „от национальной политики—ни на шаг“, и он изгибаясь все-таки вынужден говорить: „шагов в сторону не будет“. Общественное мнение, голос „воздуха“, а не кабинета, голос улицы, площади, деревни, в конце концов народный голос—окреп, не пятится, не прячется, а говорит, требует и диктует. Без Думы это было-бы невозможно, этого бы не случилось. Обратите внимание, Алексей Сергеевич, на следующее: никто не говорит сейчас, и не болеет, и не трепещет сейчас об упадке центра, о котором такая тоска была при старом режиме, и этот „упадок центра“ казался какой то наступающей смертью. Что же такое случилось? Россия страшно помолодела за эти 7 лет, и болезнь хилости, хирости и старости прошла. „Упадок центра“ был каким то склерозом артерий. Я плохой публицист: но плакал об этом „центре“, этих 36-ти губерниях, которые суть все родное и все старое на Руси. „Что делать? Что делать?“ твердил себе: „центр беднеет, тупеет, школ нет и

так как-то не прививаются они, а окраины подымаются все в молодом цвету, в торговле, фабриках (Лодзь, Варшава, Рига).

И вдруг—прошло.

Как?

Да, действительно „центр России“ встал из под пресса и оправился в 7 лет. Тут все сыграло роль: и Думы, даже 2 из них анархические, и аграрные беспорядки, и даже московское восстание. Может все врозь и было вредно и глупо,—глупо наверно: но ведь и всякий „кутеж“ есть чепуха, а, однако, он время от времени необходим. За 7 лет Россия „вскочила и побегала“,—побегал старичек и стал опять мальчиком. Этот политический моцион, или „социально-политический“ был ужасно полезен. „Ноги размялись“, „косточки расправились“ и слава богу.

Летом мы ужасно тревожились о Вашей болезни, но операция прошла отлично (здесь все говорят) и мы все успокоились. Хорошо, что Вы имели твердость на нее решиться, и что не мямлили, не колебались, не запускали. Ум же Ваш свеж и кипит. Я давал Мазаеву прочесть Ваше письмо ко мне: „Чем это не Маленькое письмо, сказал он: хоть сейчас в печать“. Да, я думаю и вообще крупные люди не стареют, по крайней мере не дряхлеют. И Толстой „кипел“ до последних ночей в Астапове. Это преимущество умного. Тело стареет, а душа никогда не стареет; и эта „еще не старая душа“ в сущности поддает пару и телу, отчего „большие люди“ и живут в общем долговечнее обыкновенных. Слышал—Вы хорошо чувствуете себя, катаетесь, и вообще не скучаете и не хандрите. И приходится сказать не только с Коковцевым, но и с Вольтером: „этот мир не из худших миров“.

В. Розанов.

Крепко жму руку. Кланяйтесь Мих. Ал. и Конст. Сем. [1], если они там.

(1911 г.) [2].

XVII.

М. Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН.

1.

Считаю нелишним уведомить Вас, многоуважаемый Алексей Сергеевич, что дело с Гол. [1] вероятно состоится, но Кр. [2] просит дать ему время обдумать. В половине Июля он будет в Москве и увидится с нами; там все и решится. Я в субботу еду в Москву, и потому меня эта отсрочка даже устраивает. Некрасов тоже едет в Ярославль.

Ежели бы Вы могли урвать минуту, то разумеется, все-таки лучше бы нам поговорить. В пятницу между 3 и 4 часами не можете ли к Некрасову?

Ваш *М. Салтыков.*

31 мая [3].

2.

Ницца. 4 февраля (1876).

Любезный Алексей Сергеевич.

Если будете продолжать характеристики писателей, то имейте в виду следующее:

Краевский Андрей. В 1841 году, когда заблудившийся Чичиков ночевал у Коробочки, последняя в ту же ночь понесла, а через девять месяцев родила сына, которого назвали Андреем, который впоследствии соединил лукавство Чичикова с экономической бестолковостью Коробочки.

Стасюлевич Михаил. По прошествии нескольких месяцев по рождении Андрея, Коробочка снова была в охоте, и к ней, заблудившись в Хрестоматии, попал Алексей Галахов. После чего родился сын Михаил, который соединил тупоумие отца с бестолковостью матери.

Пыпин Александр. После того, через некоторое время, Коробочка вновь была в охоте и гуляя в саду, почувствовала, что в нее заполз живчик. Живчик этот был принесен ветром

из Общества любителей истории и древностей в общем собрании с Обществом любителей Российской словесности. И хотя Коробочка могла сказать: „како могло быть сие? греха бо не знаю“—тем не менее достоверно, что через 9 месяцев родился сын Пыпин, который уже ровно ничего в себе не соединил. Все это нужно развить, для чего я не имею возможности, ибо руки болят.

М. Салтыков.

Скажите В. В. Лихачеву, что я саллицилку принимал, но без пользы. Еще хочу опыт сделать. Дело в том, что у меня аппетит солдатский, а желудок гражданский, а нужно наоборот. Или попросту, сделалась др.... и изжога, вследствие чего я и бросил. Видите, как пишу, начинаю складно, а к концу насилу перо в руках держится.

3.

Ницца. 9 марта (1876 г.).

В ответ на письмо Ваше, милейший Алексей Сергеевич, хотел послать Вам предику на текст „Печешися, Марфо, о мнозем“, но не до того. Здоровье мое вот в каком положении: с утра сижу на одном месте и кашляю. Так кашляю, что дом трехэтажный дрожит, соседи прибегают узнать, что случилось (подлинно верно). Сижу, рот открыт, внутри пусто, сердце чорт знает что проделывает, виски щелкают. Вот уж 6 дней так. Ослаб до того, что выходить не могу. Бедра от кашля болят, вся полость живота точно обручем сжата. А на дворе июньский жар. Все шло изрядно, только вздумалось сукину сыну Ребергу ваннами морскими меня поподчивать—через три ванны вот как отделал. Всем на диво, как я живу. Да я и умру—это верно. Боюсь одного—до России не доеду и семейства не пристрою.

Не ищите климата, а ищите доктора. Эти Боткинские приживальцы—самая опасная вещь. Да и вообще здесь в Ницце все эмпирика. Зачем меня сюда послали—бог весть. Клянусь никогда ничего подобного со мной не было.

На счет участия в „Новом Времени“ я писал уже Лихачеву. Очень рад, только определить степень этого участия

могу не иначе, как по соглашению с редакцией „Отечественных Записок".

Я нравственно обязан отдавать туда все свои силы, каких уже немного. Вы пишете об юморе, а юмора теперь у меня до того мало, что я должен на время отказаться от „Культурных людей". И то, что напечатано, вышло из рук вон плохо. Настоящей веселости нет. Начало лучше, а с третьей главы меня постигла болезнь и я уже не знаю, как кончил. Да и не кончил, а просто бросил. Что то пришлет Вам Тургенев, эта оффициальная посаженая мать литературно-меняльных превращений. Увы! он, кажется, уж под себя б...., и хотя грозится новым романом, но больше для того, чтобы сделать рекламу сыну Коробочки и Галахова [1]. Издайте-ка Хрестоматию: отрывки из Краевского, Стасюлевича, Николая Тютчева, Григория Репинского, Баймакова, Виктора Гаевского— расхватают разом. И шельмование будет полное! Можно стихов Розенгейма и Полонского подпустить, да „из Дранмора" [2]. Можно даже „Часы" целиком перепечатать и написать: подражание Гришке Данилевскому [3].

Когда начнет выходить „Новое время" под Вашей редакцией — присылайте. Сочтемся после. Я это число запишу в „Русском Календаре". Жаль, что Буяльский умер: он бы вам обрезал так, что Вы только языком бы щелкнули.

Прощайте, будьте здоровы. Непременно „Новое Время" пришлите.

Ваш *М. Салтыков.*

Вот ведь никто не оценит прелести таких вещей, как письмо Третьяковского—Толстого к Губернатису и „об'яснение" Стасюлевича по этому поводу [4].

4.

Ницца. 18 марта (1876 г.).

Сейчас получил „Новое Время" от 29 февраля („Голос" и „Биржевые Вед." в тот же день пришли от 1 марта). Имею сделать след. замечания. 1) Вы очень хитро поступили, что

начали с 29 февраля, ибо не надо допускать, чтоб день Обрезания честных мудей праздновался ежегодно. 2) Фельетон — изрядный, хороши заключительные стихи [1]. 3) Передовую статью я бы назвал: „Вдовьи слезы“ [2]. 4) Хорошо Вы сделали, что об‘явили, что верите в русское общество: все столоначальники откликнутся на это Ваше заявление; еще лучше сделали, сказав, что верите „не в одно из старых или новых учреждений“ [3], т. е. не только в Д-т Полиции Исполнительный, но и в Д-т Неокладных Сборов. Столоначальники отдадут полную справедливость Вашему нелицемерию. 5) Хорошо, что Вы похвалили Трепова, Эссена и Фриша, и живых и мертвых [4]. Это даст повод столоначальникам сказать: без лести предан. Но для полноты панегирика советую Вам достать кассационное решение по делу Зубова, написанное Фришем (есть, впрочем, много и других, всякий адвокат укажет) и перепечатать его при небольшой статейке, под названием: „Мы хвалим, но не льстим“. Извините за смелость.

Вы об‘являете роман „Новое Время“ с участием Комп [5]. Вот ежели хотите, я тоже буду участвовать. Предлагаю Вам от времени до времени „Разговоры двух пятиалтынных“. Пятиалтынного 1-го—Краевского и пятиалтынного 2-го—Стасюлевича. Можно их будет вклеивать в роман. Напишите, как это сделать, а главное нужно иметь мне начало романа, чтоб приспособиться. Но, не сделайтесь сами пятиалтынным 3-м. Ах, это очень легко!

Прощайте, будьте здоровы. Сегодня я себя начинаю лучше чувствовать, хотя на дворе ветер. Кланяйтесь Влад. Ив. и Елене Осиповне [6].

Ваш *М Салтыков.*

5.

Многоуважаемый Алексей Сергеевич.

Я получил письмо от автора „Современных Калек“ (помните, Вы передали мне большую рукопись, которую я потом возвратил Вам?), который просит у меня „рецензии“, с тем, чтобы показать ее какому нибудь книгопродавцу. Рецензии дать я не могу, но ответить вынужден.

Для того, чтобы это сделать, я обязан знать фамилию автора, а ее то я и не мог разобрать. Не знаете ли Вы эту фамилию, и ежели знаете, то будьте так добры сообщить мне. Адрес мой все там же: Литейная, 62.

Искренно преданный Вам

М. Салтыков.

24 февраля.

6.

Многоуважаемый
Алексей Сергеевич.

Заседание Комитета будет в понедельник, и я тогда доложу письмо Ваше о г. Россеве.

Ваш *М. Салтыков.*

Я очень болен.

XVIII.

ВЛ. С. СОЛОВЬЕВ.

1.

Милостивый Государь
Алексей Сергеевич!

Прочел я письмо о старокатоликах добрейшего А. А. Киреева. Напрасно только он взводит на меня небылицу насчет какого-то „ультрамонтанского лагеря“ и католической газеты. Ни с какими лагерями я в сношениях не состою, а о существовании газеты „Unita Cattolica“ узнал только из его письма в „Новом Времени“. С своей стороны жалею, что невзначай обидел его лично. Дело в том, что этих старо-католиков изобретали они втроем: князь Бисмарк, в. к. Конст. Ник. [1] и он—Киреев. По крайней мере он весьма долго носился с этим детищем. А детище вышло совсем неудачное—ни богу свеча, ни чорту кочерга. Собственно об этом не стоило бы и говорить, и чтобы сделать удовольствие А. А. Кирееву (который превосходный человек, и я ему кой чем обязан)—я бы готов признать старо-католиков херувимами, да беда в том, что это плевое дело связалось с другими делами совсем не плевыми и в которых кривить душой ни для кого не годится. Итак я заблагорассудил написать прилагаемое — напечатайте, не поскучайте.

Недели три тому назад прислали мне из Москвы передовую статью„ Соврем. Изв.“ касательно моей заметки в „Нов. Вр.“ [2]. Из этой статьи совершенно ясно, что московские просвирни нас с папой в грош не ставят. Особенно бедному папе достается. Об‘являют его лишенным всех прав состояния, власть его прямо передают в Alliance Israélite, и наконец предсказывают, что „скоро“ ни одно государство не будет принимать папских нунциев. Конечно изрекать такие предвещания довольно свойственно почтенной церковно-служительнице, которая смолоду была в дружбе с покойным Иваном Яковлевичем Корейшей. Не удивительно также и то, что близ Москвы-реки „нунций“

понимается исключительно в смысле „металла“ и „жупела“. Менее понятно и более прискорбно то, что подобные взгляды существуют, повидимому, и в нашем Министерстве Иностранных Дел. Я усматриваю это из того, что Гирс, велевший перевести ту мою заметку в „Нов. Вр.“ для помещения в Journal de St. Petersbourg, вычеркнул заключительные фразы. Ради этого мне показалось нужным вернуться опять к „металлу“ в конце теперешней статьи [3].

Я не знаю, насколько Вы одобряете мои взгляды, но во всяком случае надеюсь на ваше беспристрастие.

Будьте здоровы.

Истинно Вас уважающий
Влад. Соловьев.

Брянск. Красный Рог [4].

2.

Москва, Пречистенка, д. Лихутина.

Милостивый Государь
Многоуважаемый Алексей Сергеевич!

„Нет, мера есть долготерпенью!“ (Тютчев). „Я добр. Но когда, ложась спать, нахожу у себя в постели битое стекло,— я свирепею“ (Щедрин). Есть нечто и похуже битого стекла. Когда известный Вам Шарапов „с болью в сердце“ узнает о моем коварстве и с негодованием восклицает: „так вот что скрывалось под великим и святым делом!“ — то Вы согласитесь, что это уже слишком. Конечно этот прохвост, у которого под всяким делом скрывается воровство и шантаж, не дождется, во веки веков, чтобы я ему отвечал, или даже назвал его благородное имя в печати; но так как за спиной прохвоста стоит целый полк священноябедников, благоклевещущих на меня от Иерусалима до Петербурга и от Далмации до Харькова [1], и так как все это имеет то практическое следствие, что духовная цензура безусловно запрещает всякую мою книгу и всякую статью, то мне поневоле приходится протестовать. Прошу Вас очень напечатать прилагаемое письмо в редакцию. Посылаю также мою хорватскую статью [2]: если между Вашими знакомыми найдется кто-нибудь знающий этот язык, то пусть он переведет Вам хоть подчеркнутые места, чтобы Вы видели, что эта

статья написана в защиту православия нашей Церкви против католического писателя, т. е. как раз наоборот тому, что взводят на меня далматские, харьковские и московские „сочинители“.—Если сверх ожидания не найдете возможным напечатать мою вынужденную самозащиту, то прошу прислать мне ее обратно[3].

Душевно преданный
Влад. Соловьев.

3.

8 Апр. 90. Москва, Пречистенка, д. Лихутина.

Милостивый государь
Алексей Сергеевич.

Если Вы потрудитесь прилагаемые листки (особенно места отмеченные синим карандашом) сравнить с заявлением г. Ярошa, напечатанным в Новом Времени[1], то вероятно убедитесь, что это заявление совершенно недобросовестно по своему содержанию, что же касается до формы, то Вы конечно согласитесь, что выражение „клевета“ и „сознательная ложь“ несвойственны литературной полемике. Таким образом мне оставалось бы только прибегнуть к не-литературным средствам самозащиты; но это не в моих нравах и правилах. Надеюсь, что по проверке обстоятельств дела Вы не откажетесь напечатать от себя какую-нибудь оговорку или заметку по крайней мере относительно упомянутых выражений. Мне кажется, это было бы справедливо, и если моя просьба может для Вас что-нибудь значить, то очень прошу Вас об этом [2].

Остаюсь с совершенным почтением
Ваш покорный слуга
Владимир Соловьев.

4.

Многоуважаемый
Алексей Сергеевич.

Препровождаю при сем для Вас и для редакции „Нового Времени“ два экземпляра нового издания Истории России[1]. Это издание продано братьями и мною Товариществу Обще-

ственная Польза, и мы в успехе его материально не заинтересованы, по крайней мере я: ибо едва ли эти 10000 экз. продадутся при моей жизни, а в попечении о наследниках Вы меня, надеюсь, не заподозрите тем более, что я в высшей степени бездетен. А потому признаю приличным признать неприличным, — как сказал бы Полоний, — чтобы в русской печати общедоступное издание такого сочинения прошло без должного упоминания. Я только что вернулся из-за границы, где не видал русских газет, но мне сказали, что нигде не было ни слова об этом издании.

Недостатки сочинения мне хорошо известны: они происходят, главным образом, от того, что автору пришлось в своем лице соединить каменолома и архитектора. Простая передача материала стесняла и общие взгляды и литературную форму и позволила лишь в нескольких главах проявиться его образцовому историческому стилю. Тем не менее эта книга остается и наверное долго останется незамененною. Для чисто-архитектурного построения русской истории время еще нескоро наступит не только потому, что источники еще недостаточно обработаны, но также и потому, что сама история наша, — т. е. развитие русской жизни,—еще не пришла к ясным и определенным результатам. Поэтому между нашими историками люди умные и действительно-ученые, равной силы с моим отцом, или может быть превосходящие его в каком-нибудь отношении, как напр. проф. Ключевский, и не думают о новом труде таких размеров, ограничиваясь отдельными монографиями.

Позвольте, кстати, попросить Вас напечатать прилагаемое заявление. Кажется оно в такой форме никому не обидно и не показывает с моей стороны неблагодарности, а между тем все-таки снимает с меня ответственность за невольно—слишком—вольную передачу моих мыслей в некоторых французских журналах, которым я ни одного слова из своей рукописи не сообщал [2].

С совершенным почтением

Ваш покорный слуга

Влад. Соловьев.

5.

13 Окт. 98. СПБ. Потемкинская, 11.

Многоуважаемый Алексей Сергеевич,

Простите, что беспокою по причине неважной, однако необходимой. В сегодняшнем „Новом Времени“ в передаче моей речи о Белинском [1], кроме неизбежных в кратком отчете неточностей есть одна приписанная мне фраза, повергшая меня в сильное, хотя и непродолжительное отчаяние, а именно будто бы я сказал про Белинского „атлас его душевной жизни“. Хотя я касался в своей речи и самых важных материй, но ни о бархате, ни о парче, ни об атласе не поминал ни словом. Или репортер ослышался, или это просто опечатка. В соответствующем месте говорится о пафосе жизни (одно из любимых выражений Белинского). В ухе ли репортера, или в глазу наборщика пафос превратился в атлас—но результат для меня прискорбен. Так как подобно отставному коллежскому советнику Чичикову и отставной колежский советник Соловьев имеет множество врагов „даже покушающихся на самую жизнь“, то и этот атлас может быть пущен в дело. По характеру этой курьезной ошибки было бы совершенно неуместно исправлять ее особым письмом в редакцию. Простой редакционной поправки в сегодняшнем номере было бы вполне достаточно. Если позволите злоупотребить Вашей любезностью, то очень попрошу, чтобы поправка была напечатана на более или менее видном месте [2]. Очень сожалею, что обострившийся после далекого путешествия в Университет грипп не позволил мне быть вчера в Вашем театре на интересном и как слышу блестящем представлении „Федора Иоановича“. Сердечно кланяюсь Анне Ивановне и Алексею Алексеевичу с супругой.

Душевно преданный

Влад. Соловьев.

XIX

Л. Н. ТОЛСТОЙ.

1.

Милостивый Государь!

Очень рад случаю возобновить давнишнее знакомство и от всей души бы желал исполнить ваше желание, но решительно не могу и не умею и по правде сказать был бы очень рад, если бы вы признали, что и совершенно справедливо, что решительно нет и не может быть никому никакого интереса в моей биографии [1]. Очень сожалею о том, что вы так мрачно смотрите на свою деятельность. Мне, напротив, кажется, что у вас много сил и потому много будущности.

Желая вам успеха в ваших предприятиях и всего лучшего, с совершенным уважением и преданностью имею честь быть

Ваш покорный слуга *Гр. Л. Толстой*

1 Марта [2].

2.

Милостивый Государь
Алексей Сергеевич!

Вы мне как то писали и я вам отвечал. Помню, что письма ваши оставили мне очень хорошее впечатление и что я жалел, что не мог исполнить вашего желания. Теперь я особенно жалею об этом, так как у меня до вас просьба. И несмотря что я не исполнил вашей просьбы, судя по вашим письмам, в особенности по вашему Никону [1] и по тому участию, которое вы принимали когда-то в „Ясной Поляне“ [2], я уверен, что вы исполните мою просьбу, если это только возможно. Дело в том, что Моск. Комит. Грамотности втянул меня в раз'-яснение моего приема обучения грамоте и, занявшись этим делом, я к удивлению и ужасу своему увидал, что то педантически-тупоумное немецкое отношение к делу народного образования, с которым я боролся в „Ясной Поляне“, за последние 15 лет пустило корни и спокойно процветает и что дело

это нетолько не пошло вперед, но значительно стало хуже, чем было. В последнем заседании Комитета я, насколько умел, высказал, как я смотрю на это и надеюсь, что расковырял немного этот муравейник тупоумия [3]. Но я уверен, что слова мои неполные, спешные перевруг и почерком пера решат, что я ретроград, хочу воротиться к Псалтырю и т. д. и преспокойно опять наладют свою машину. Мне не нужно вам об'яснять, как я смотрю на дело. Мне кажется, вы сочувствовали направлению „Ясн. Пол." и вам легко будет, пробежав протоколы заседаний, освежить в своей памяти мои выраженные в Педагог. статьях 1860-х годов положения, от которых я ни на шаг не отступил. Просьба моя к вам состоит в том, чтобы в газете, в которой вы участвуете, противодействовать легкомысленному отношению к этому делу и если есть человек, интересующийся и понимающий дело (я думаю, что вы такой человек), то отнестись к делу серьезно. Серьезный разбор дела не может не быть мне благоприятным.

Сочту себя много обязанным, если вы окажете помощь этому столь близкому моему сердцу делу и буду рад случаю отплатить вам всем от меня зависящим [4].

Примите уверение совершенного уважения и преданности Вашего покорного слуги

Гр. Л. Толстой.

3.

Даю свое согласие на то, чтоб П. М. Третьяков дозволил снять фотографический снимок с моего портрета масляными красками, писанного И. Н. Крамским и находящегося в коллекции г. Третьякова, — для издания в „Русских Современниках" А. С. Суворина. [1]

Граф Л. Толстой.

„ " Февраля, 1879.

4.

Если можно избавить меня от скульптуры, то пожалуйста избавьте. — Я все надеялся увидеть вас, но теперь, как мы не в Москве, кажется мало надежды. (Если будете проезжать однако, заезжайте). Кузминским я напишу, но кажется у них не точный экземпляр [1].

Просьба моя к вам вот какая: есть доктор Алексеев, написавший две книжки о пьянстве и путешествии по Америке; теперь он написал основательную и полную богатого и совершенно нового для нашей публики материала статью о борьбе с пьянством и прислал ее мне из Читы, где он инспект. врачебн. упр., с тем, чтобы я напечатал и выговорил бы ему гонорар. Хорошо бы было, если бы вы напечатали ее в своих фельетонах. По моему расчету, в ней листа 4 печатных. Хорошо бы было, п. ч. желательно просветить большое количество наших невежественных читателей о том, что сделано и делается по этому вопросу в Европе и Америке, а статья вполне достигает этого [2].

Знаете ли вы про книгу Американского писателя Bellamy, Looking baekwards? Это замечательная вещь и имеющая огромный успех и теперь переводящаяся на все Европейские языки. Я бы советовал вам напечатать ее, она переводится одним моим знакомым [3].

Так может быть до свидания

Лев Толстой.

5.

Очень сожалею, что вы не заехали ко мне, Алексей Сергеевич, поговорили бы о вашей драме [1] и о другом. Об Ершове ничего не знаю. Предисловие к его книге [2] я написал было, но оно не годится; желаю переделать или написать вновь и поскорее прислать вам. Книга Стеда [3] у меня есть. Желаю вам самого хорошего, боюсь, что не того, чего вы сами большей частью желаете: раззориться матерьяльно и богатеть духовно.

Любящий вас *Л. Толстой.*

6.

Вот, Алексей Сергеич, письмо моего большого друга Черткова. Он просит меня от себя прибавить несколько слов о деле Посредника, что я охотно и делаю, надеясь, что вы сделаете что можно. Посылаю это письмо не дожидаясь вас, пот. что думаю уехать из Москвы [1].

Любящий вас *Л. Толстой.*

7.

18 марта 1890 г. Тула. Ясная Поляна.

Милостивый Государь,

Очень меня обяжете, если напечатаете в Вашей газете прилагаемую заметку.

Получая много писем, заключающих ответы на будто-бы предложенные мною 36 вопросов, во избежание недоразумений считаю нужным заявить, что приписываемые мне эти вопросы составлены не мною [1]. *Лев Толстой.*

8.

Дорогой Алексей Сергеевич.

Письмо это передаст Вам очень оригинальный и замечательный человек, земец Калужской губернии Н. Т. Владимиров. Его взгляды на бедствие нынешнего года и на меры, кот. по его мнению должны быть приняты, заслуживают полного внимания и наибольшего распространения. Познакомившись с ним, Вы сами увидите это.

Желаю вам всего хорошего [1]. Ваш *Л. Толстой.*

9.

Дорогой Алексей Сергеевич.

Пожалуйста напечатайте эту статью. Статья не представляет в себе ничего нецензурного, ничего задорного и ничего несправедливого. Вызвана же она была или скорее сведения, кот. ею сообщаются, интересом, кот. выказал Грот (уч. И. М.), узнав о положении Духоборов. Все это вам расскажет мой друг П. А. Буланже, тот, кот. передаст это письмо и написал статью. Пожалуйста, пожалуйста напечатайте. Это не только литературное, газетное, но это важное доброе дело, п. ч. оно даст возможность обществу отозваться на страдания этого целого населения и какого, одного из лучших, если не лучшего по нравственным качествам населения России. Так что напечатать эту статью—доброе дело и очень важное доброе дело, делать которые только редко представляется случай. И потому пожалуйста не упустите этого случая сделать это доброе дело. Я же за исполнение моей просьбы не могу вам выразить степени моей благодарности.

Любящий вас *Л. Толстой.*

18 Мая (1897) [1].

10.

Дорогой Алексей Сергеевич.

Я вполне понимаю ваш scrupule и очень ценю его. Я сам только на короткое время, под влиянием тех бедствий, которые терпели Духоборы и которые могли быть облегчены деньгами, решил было отступить от сделанного мною заявления, но потом отказался от этой мысли и решил воспользоваться только правом первого печатания [1].

Я очень сожалею, что до получения вашего письма уже решил дело с „Нивою“ относительно одной повести. Другую же я охотно отдам вам на предлагаемых вами условиях. Какая это будет из трех, которые у меня есть кроме отданной в „Ниву“, я не могу решить, не окончивши работу над той, кот. отдаю в „Ниву“. Думаю кончить эту работу на днях и тогда сообщу вам [2].

Жаль, что вы не заехали к нам летом; надеюсь, что увидимся в Москве, где думаю быть в половине Ноября.

Любящий вас *Лев Толстой.*

12 Октября 1898.

11.

Дорогой Алексей Сергеевич,

Письмо это вам передаст мой молодой друг в настоящем смысле этого слова—Н. Н. Ге, сын моего покойного друга и великого художника, которого вы верно знали. Смерть Солдатенкова затормозила издание полного собрания произведений Ге, уже начатого. Количка Ге, как я привык звать его в отличие от отца, расскажет вам в чем дело, а мне думается, что вы—о чем я очень прошу вас—не откажетесь помочь делу. Очень благодарю вас за напечатание прекрасной статьи Трегубова [1] и очень сожалею, что вы не исполнили вашего намерения, о котором мне говорил Лева [2], заехать к нам. Сделайте это на обратном пути; очень буду рад.

Желаю вам и вашей жене, которой прошу передать мой привет, здоровья и главное душевного спокойствия.

Лев Толстой.

22 Июня 1901. Ясная Поляна.

12.

Дорогой Алексей Сергеевич, особа, которая передаст Вам это письмо, дочь моего уважаемого знакомого, покойного Зисермана. Она просит меня доставить ей заработок в газете или журнале; хотя я и мало знаю ее, я уверен, что она женщина образованная и добросовестная. Поэтому, если вы дадите ей хорошую и соответственную ее способностям работу, Вы очень обяжете меня.

Ваш *Лев Толстой.*

Пишу рукой дочери, потому что лежу больной.
12 Дек. 1902.

13.

Алексей Сергеевич.

Письмо это вам передаст Индус Наранян Вершау. Он воспитанник бомбейского университета, ездит по России, изучая ее; средства же для путешествия приобретает посредством лекций о религии и нравах Индусов. Не можете ли вы помочь ему? Я получил очень нужные мне и прекрасные ваши издания Ник. I, Алекс. II [1] и полагая, что присланы они вами, очень благодарю вас.

Желаю вам всего хорошего.

Л. Толстой.

10 Августа 1903.

14.

Очень жалел, Алексей Сергеевич, что не видал вас в Москве. Вольно вам было не оставить адреса. У меня к вам просьба. В Петербурге судится Кн. Дмитрий Дмитриевич Оболенский. Сколько я знаю дело это, мне кажется, что он тут козел отпущения за грехи других. Его же я знаю с детства и знаю, что у него один выдающийся был недостаток и одно выдающееся доброе качество: недостаток—это тщеславие, а качество—это редкая простота, щедрость, детская доброта и доверчивость; и что эти две сделали его несчастье и прелестнейшей семьи. Если вы в вашей газете хорошим добрым словом можете помочь ему в общественном мнении, если на вас най-

дет такой хороший искренний и горячий стих, то сделайте это.—Я надеюсь, что вы мне, как человеку, которого вы давно знаете и кажется любите, захотите сделать это большое одолжение.—Полезен я вам не могу быть, но могу быть очень благодарен [1].

Ваш *Л. Толстой.*

15.

Дорогой Алексей Сергеевич.

Письмо это передаст вам мой хороший знакомый и очень хороший человек Ю. О. Якубовский. Ему хочется и нужно перевестись на службу в Петербург или вообще Россию из Самарканда. Он говорит, что вы можете помочь ему. А если можете, то надеюсь, что вы не откажете мне. Очень благодарен за любезность моей дочери [1]! Жалею, что давно не виделся с вами.

Любящий вас *Л. Толстой*

XX.

А. П. ЧЕХОВ.

1.

11 Апреля[1].

Ваше Превосходительство! Князю Потемкину[2] живется не так весело, как кажется это Щеглову, Вам и прочим и прочим его завистникам. Судите сами. Художника я перевез к себе. Сегодня позвал к себе на подмогу двух опытных и понимающих коллег и составил с ними консилиум, который остановился на конечном заключении, что у художника брюшной тиф, осложнившийся легочным процессом, сиречь чахоткою, с чем и поздравьте меня.

Что делать? Ехать с больным в теплые края? Хорошо, поеду. Но где те теплые края, где не спрашивают паспорта и где можно прожить с больным без риска залезть в невылазные долги? О, Марк Аврелий Антонин! О, Епиктет! Я знаю, что это не несчастье, а только мое мнение; я знаю, что потерять художника значит возвратить художника, но ведь я больше Потемкин, чем философ, и решительно неспособен дерзко глядеть в глаза рока, когда в душе нет этой самой дерзости. Вчера было заседание[3]. Выбирали Боборыкина, но благодаря петербургским 36 голосам пересилил Майков. Описать заседание нельзя, можно его только сыграть на сцене. Майков большой осел, которого били и который не стал от этого умнее. Было что то странное, несуразное и донельзя не европейское, когда Майков, гофмейстер, тайный советник и старик, в ответ на крики „Долой! Не нужно! Тшш! Пшш! Не желаем“!, вместо того, чтобы плюнуть и уйти домой спать, униженно моргал глазками и говорил:—„Я отказался от председательства, но я, господа, беру свои слова назад... я хочу быть председателем“... Дело в том, что когда его выбрали, он вдруг заявил, что не желает быть председателем; когда все обрадовались, он, видя, что его не просят взять свой отказ назад, сам отказался от своих слов... Такая чепуха! Язвительных слов

был сказан миллион. Почему приятно быть председателем? Почему приятно уязвить своего соседа? Почему так интересно уличать другого в ошибках? Все эти сладости я охотно бы променял на возможность уехать в степь, которая мне вчера снилась.

У Вас есть сын Михаил Алексеевич. Поклонитесь ему и скажите, что у меня есть одна знакомая барыня, умная, очень грамотная, бойкая, деловая, годная и в юрисконсульты, и в гофмаклеры, прошедшая огонь, воду и медные трубы. Если у Михаила Алексеевича будет вакансия на одной из южных дорог, то не даст ли он мне знать? Этой барыне я кое чем обязан (не воспоминаниями и не сладкими минутами) и хотелось бы мне найти ей место, о котором она просила. За деловитость я ручаюсь, за денежную порядочность тоже. Адрес барыни у меня. У меня есть брат Александр. Сей человек на днях признался мне в письме, что Ваши и мои лавры не дают ему спать. Он написал пьесу. Если у Вас с ним будет разговор насчет этой пьесы, то, в случае, если она Вам не понравится, не разочаровывайте сразу, а постепенно. Упадет духом и чего доброго опять начнет галлюцинировать. Писать пьесы для него не вредно.

Немирович-Данченко говорил, что пошлет Вам отчет о заседании.

В „Новостях дня“ о „Журавле в небе“, новой пьесе Щеглова было напечатано. Третьяго дня я опять читал в „Новом Времени“ о своем „Предложении“ [4].

Издайте „Поучение Владимира Мономаха“. Томик Дешевой библиотеки с двумя текстами—славянским и русским, а в конце примечания. Издайте и „Слово о полку Игореве“—это как учебное пособие. Издайте Домострой.

Анне Ивановне, Настюше и Боре, а также другу Ашинова и о. Паисия А. А. Суворину мой сердечный привет и пожелание всего хорошего. Имею честь пребыть во всей своей светлости Потемкин. А венелевые „Рассказы“? Велите мне кстати прислать и штук десять „Сумерек“, купно с „Медеей“.

На днях я лечил Верочку Мамышеву. За лечение возьму у Вульфа, года через 2—3.

2.

. . . . . Китайцы возьмут у нас Амур — это несомненно. Сами они не возьмут, но им отдадут его другие, например, англичане, которые в Китае губернаторствуют и крепости строют. По Амуру живет очень насмешливый народ; все смеются, что Россия хлопочет о Болгарии, которая гроша медного не стоит; и совсем забыла об Амуре. Не расчетливо, и не умно. Впрочем о политике после, при свидании.

Вы телеграфируете, чтобы я возвращался через Америку. Я и сам об этом думал. Но пугают, что это дорого обойдется. Перевод денег можно устраивать не только в Нью-Иорк, но и во Владивосток, через Иркутск, Сибирский банк, где меня принимали ужасно любезно. Деньги у меня еще не вышли, хотя я трачу безбожно. На коляске я потерпел больше 160 рублей убытку и спутники мои поручики взяли у меня больше ста рублей. Но едва ли всетаки понадобится перевод. Если будет нужда, то обращусь к Вам своевременно. Я совершенно здоров. Судите сами, ведь уж больше двух месяцев я пребываю день и ночь под открытым небом. А сколько гимнастики!

Спешу писать сие, ибо через час уходит „Ермак“ обратно с почтой. Это письмо придет к Вам в августе. Анне Ивановне целую руку и молю небеса об ее здравии и благополучии. Был ли у Вас Иван Павлович Казанский, молодой студент, наводящий тоску своими выглаженными панталонами?

По пути я практикую. В местечке Рейнове на Амуре, где живут одни только золотопромышленники, некий муж пригласил меня к своей беременной жене. Когда я уходил от него, он сунул мне в руку пачечку ассигнаций; мне стало стыдно и я начал отказываться, уверяя, что я очень богатый человек и не нуждаюсь. Супруг пациентки стал уверять, что он тоже очень богатый человек. Кончилось тем, что я сунул ему обратно пачечку и у меня всетаки осталось в руке 15 рублей. Вчера лечил мальчика и отказался от 6 рублей, которые маменька совала мне в руку. Жалею, что отказался.

Будьте здоровы и счастливы. Извините, что пишу так скверно и не подробно. Писали ли Вы мне на Сахалин?

---

[1]) Начало письма не сохранилось.

Купаюсь в Амуре. Выкупаться в Амуре, беседовать и обедать с золотыми контрабандистами—это ли не интересно? Бегу на „Ермак“. Досвиданья! Спасибо за известие о семье [3].

Ваш *А. Чехов.*

11 Июля [1].

3.

Вы писали, что будете у меня на сих днях; я ждал, но вместо Вас приходила газета с „маленькими письмами“, из коих я заключал, что Вы крепко засели в Петербурге и отдумали ехать куда-нибудь. Меня не тянет в Ясную Поляну. Мой мозг обрюзг и не хочет серьезных впечатлений. Я предпочел бы морскую купальню и болтовню о пустяках.

Вот мой план. 20—22 июля я поеду в Таганрог лечить дядю, который серьезно заболел и хочет непременно моей помощи. Это отличнейший человек и отказать ему было бы неловко, хотя, я знаю, помощь моя бесполезна. В Таганроге пробуду 1—2—3 дня, выкупаюсь в море, побываю на здешнем кладбище—и назад в Москву; покончив здесь с Сахалином и поблагодарив небо, объявляю себя свободным, готовым ехать куда угодно. Если будут деньги, то поеду заграницу, или на Кавказ, или в Бухару. Но со стороны финансов у меня наверное будут затруднения, так что изменения в моем плане неизбежны. Вот сказали бы Вы Витте, г. министру финансов, чтобы он вместо того, чтобы раздавать субсидии направо и налево, или обещать 100 тысяч фонду [3], устроил бы так, чтобы литераторы и художники ездили по казенным железным дорогам бесплатно. Кроме Лейкина (не к ночи будь помянуто) все российские беллетристы живут почти впроголодь, ибо каждый беллетрист, даже пишущий по 100 листов в год, по воле судеб, несет чертову пропасть повинностей. А ничего нет скучнее и непоэтичнее, так сказать, как прозаическая борьба за существование, отнимающая радость жизни и вгоняющая в апатию. Впрочем все сие к делу не относится. Если поедете со мной в Таганрог—очень милый город, то поедемте. В августе я к Вашим услугам: двинем в Швейцарию. 20 июля я читаю последнюю корректуру и для журнала и для книги и заранее похлопочу, чтобы меня сия работа не задержала.

Пьесу можно будет написать где-нибудь на берегу Комо, или даже вовсе не написать, ибо это такое дело, которое не медведь и в лес не уйдет, а если уйдет, то чорт с ним.

Теперь насчет пиявок. Вам нужно, главным образом, хорошее расположение духа, а не пиявки. В Москве Вы производили бодрое впечатление и были здоровы, и, глядя на Вас, я думал, что Вы еще не скоро вспомните о пиявках. Но раз Вы вспомнили о них, то быть по сему. Пиявки вреда не делают. Это не кровопускательное, а скорее отвлекающее, нервное средство. Крови высосут они немного, и боли не делают.

Ясинский начал недурно, но под конец стал надоедать. Спутанность. И на кой чорт у него умерла немка-барышня. И смерть эта описана таким тоном, как будто в конце концов немка воскреснет и насмешит читателя [3].

Если у Вас есть что-нибудь новенькое, то напишите. Насчет Таганрога тоже напишите. Приглашаю Вас в сей город на основании Вашего заявления, что Вам будто бы все равно куда ни ехать, лишь бы не заграницу. А я стал мечтать о том, чтобы опять проехаться по степи и пожить там под открытым небом хотя одни сутки. Как то лет 10 назад я занимался спиритизмом и вызванный мною Тургенев ответил мне: „Жизнь твоя близится к закату". И в самом деле мне теперь так сильно хочется всякой всячины, как будто наступили заговены. Так бы, кажется, все съел: и степь, и за границу, и хороший роман... И какая то сила, точно предчувствие торопит, чтобы я спешил. А может быть и не предчувствие, а просто жаль, что жизнь течет так однообразно и вяло. Протест души, так сказать. Дочь Плещеева уже вышла за Худекова. Я получил приглашение. То то небось аристократизму было напущено! У Худекова даже кастрюли серебрянные. Должно быть, Любочкиной мамаше было не по себе в столь избранном обществе.

Низко кланяюсь и молю небо о прощении Ваших грехов и ниспослании Вам всяких благ.

Архимандрит *Антоний* [4].

4.

Напечатайте петитом прилагаемую заметочку. Соловцов просил меня сделать ему рекламу. Я исполнил его желание, но, кажется, так, что он больше уж никогда не попросит.

По словам вокзальной барышни и Вашего магазинного Боголепова мои „Рассказы“ уже распроданы. Прикажите печатать второе издание.

Разсохин вчера сказал мне, что им получены еще три телеграммы (с ответом) на счет Татьяны Репиной. Он предлагает Вам по 50 коп. за экз. т.-е. 50 руб. за 100, а я хочу отдать на комиссию с уступкой 50%. Он будет продавать по 2 руб. Если хотите, то я отдам ему по полтиннику, шут с ним.

Завтра побываю в Лоскутной и посмотрю номера; жаль только, что я ничего не понимаю. В Моск. гостиннице скучно и серо. Жду Вас к 10—11 января, не позже. Проведем вместе Татьяну (не Репину, а университетскую). Посмотрите, как ученые пьянствуют.

Получил я 24 экз. Татьяны. Сегодня сдам Разсохину 22 и пошлю Никулиной 1 и Ленскому 1, подчеркнув вставки.

Аполлонский играет Львова, а не Лебедева [1].

С Разсохина сдеру 11 рублев, а после завтра запишу Вас в члены Общества. Сегодня и завтра праздники.

Присылайте еще!! Для провинции 22 экз. мало!! [2].

5.

Милый Алексей Сергеевич, посылаю Вам сие письмо для руководства [1]. Дайте же наконец свободу Вашей бедной пленнице, пустите ее погулять по провинции. Я говорил с г. Разсохиным вскоре по получении сего письма. Он охотно бы купил у Вас, или взял бы на комиссию 100 экз. Напечатайте скорее и пришлите мне через Ваше контрагентство. Спешить надо, ибо сезон близится к концу. Поклон Вашим. Сегодня я послал Вам уже одно письмо.

Ваш *А. Чехов.*

6.

22 авг. [1].

29 и самое позднее — 30-го августа я выеду из Москвы в Биарриц. Это решено и подписано. Застану ли я Вас в Биаррице? Когда Вы в Петербург? Если можно, поторопитесь написать мне или телеграфируйте (Москва, Русская Мысль), где будете Вы в начале сентября—в Биаррице или

в Париже. Во всяком случае будет очень грустно, если я Вас там уже не застану. У нас становится холодно. Надо удирать. Я поехал бы и раньше 29-го, но мои дела все еще не устроены и билет спального вагона можно добыть только за неделю.

Очень хочется повидаться с Вами и с Анной Ивановной.

Приеду я в Биарриц оборванцем, с расчетом — купить себе шкуру пофранцузистее; в Москве же покупать не стану.

В Биаррице теперь мой приятель В. М. Соболевский, редактор Русских Ведомостей. Он проживет в Биаррице весь сентябрь, я тоже.

Будьте здоровы!!

Ваш *А. Чехов.*

7.

На обороте сего Вы найдете письмо, которое я получил от В. С. Мамышева [1]. Его машины я не видел и помочь я не могу. Может помочь только магазин, где она куплена, или же доктор, который рекомендовал ее. Обратитесь к любезности того, кто покупал машину, и попросите его исполнить просимое Мамышевым. Больные нетерпеливы. Чем раньше будет исполнено его желание, тем лучше и душеспасительнее.

Пишу Вам и жалею, что с Вами говорит перо, а не мой язык. Ужасно хочется повидаться.

Будьте здоровы и не забывайте меня в своих святых молитвах.

Ваш *А. Чехов.*

ПРИМЕЧАНИЯ.

1.

(Стр. 3—7).

1) А. С. Суворин обратился к И. С. Аксакову с просьбой сообщить, для помещения в „Русском Календаре", сведения о самом себе и об Ю. Ф. Самарине.

2) „Неизданные рукописи П. Я. Чаадаева" в „Вестнике Европы" 1871 г., ноябрь, стр. 331—33.

3) Сведения эти, с некоторыми пропусками, напечатаны в „Русском Календаре" на 1873 г., стр. 456—57.

2.

(Стр. 7—8).

1) 22 июня 1878 г. Аксаков произнес в заседании Московского Славянского Комитета пламенную речь по поводу уступок русской дипломатии на Берлинском конгрессе, закончив ее такими словами: „Ужели и в самом деле может раздаться нам сверху в ответ внушительное слово: молчите, честные уста! Гласите лишь вы, лесть да кривда!" Так, однако, и случилось: Комитет был закрыт, а оратор выслан из Москвы в деревню. Позволение вернуться обратно последовало через несколько месяцев, когда Московский генерал-губернатор доложил Александру II, что „наш enfant terrible сидит тихо".

3.

(Стр. 8).

1) См. примечан. к следующему письму.

4.

(Стр. 8—9).

1) См. „Новое Время" 1877 г., № 484 от 5 июля, статья „И. С. Аксаков и Л. Фарлей".

2) „Сев. Вестника"—„Северного Вестника".

5.

(Стр. 9—10).

В № 511 „Нов. Времени", от 1 августа 1877 г., читаем: „В нашей и других газетах напечатано было известие из Праги об адресе чехов И. С. Аксакову с 690 подписями, во главе которых называли г. Сладковского. Адрес этот был напечатан в одной из пражских газет, но этот номер газеты был конфискован австрийской полицией и потому отправлен г. Аксакову в рукописи.

Теперь нам пишут из Праги, что он сдан на почту в Праге уже две недели назад. Между тем нам известно, что адрес этот до сих пор не дошел до своего назначения и И. С. Аксаков его не получал. Нельзя думать, чтобы он был задержан русским почтовым ведомством или затерялся в дороге. Остается стало быть предположить, что он не переходил австрийскую границу и если был задержан, то австрийскою полициею".

6.

(Стр. 10—11).

1) „Семейная хроника" — произведение Сергея Тимофеевича Аксакова, отца И. С.

2) № 1369 от 19 декабря 1879 г.: статья „Случайные находки" за подписью „Новенький Словесник".

7.

(Стр. 11—12).

1) Открытие памятника Пушкину в Москве 6 июня 1880 г.

8

(Стр. 12—13).

1) „Новое Время" 1881 г., № 1770 от 31 января: „Письмо в редакцию" О. Ф. Миллера.

2) „Новое Время" 1881 г., № 1773 от 3 февраля: статья „Спорный вопрос" за подписью А. Н.

3) Ф. М. Достоевский, скончавшийся 28 января 1881 года.

4) „Новое Время" 1881 г., № 1771 от 1 февраля: статья за подписью „Незнакомец"—„О покойном".

5) По всей вероятности И. С. Аксаков имеет в виду следующее место из небольшого некролога, помещенного в № 29 „Голоса" (от 29 января 1881 г.): „Он рано умер. Ему было всего 58 лет. О нем нельзя сказать, что он свершил „в пределах земных все земное". Он сбершил многое, но не все; не зарыл он в землю данный ему от Бога талант, но много, много образов и идей, над которыми он уже задумывался, будут зарыты вместе с его телом в могилу и никогда уже не воплотятся в те литературные формы, которые полнее определили бы его как писателя".

9.

(Стр. 13).

1) „Новое Время" 1881 г., № 1825 от 28 марта: статья „О речи Аксакова (Письмо в редакцию)" за подписью „Русский".

2) Имеется в виду издаваемая Аксаковым газета „Русь".

3) Речь И. С. Аксакова в экстренном заседании СПБ. Славянского Благотворительного Общества 22 марта 1881 г. Ср. „Новое Время" № 1820.

10.

(Стр. 13—14).

1) Имеется в виду речь Вл. С. Соловьева против смертной казни, произнесенная в марте 1881 г. в виде заключения к публичным лекциям о литературном движении XIX в. Ср. „Русь“ от 4 апреля 1881 г.: „По поводу суда над цареубийцами“.

11.

(Стр. 14—15).

1) „Медея“—пьеса, написанная А. С. Суворинym и В. П. Бурениным. В первый раз представлена на сцене Александринского театра, 13 февраля 1883 г.

12.

(Стр. 16—17).

1) По поводу статьи В. С. Соловьева „О народности и народных делах России“ в „Известиях СПБ. Славянского Благотворительного Общества“. Ср. ответное открытое письмо Аксакова в „Православном Обозрении“ 1884 г., апрель: „Любовь к народу и русский народный идеал“.

13.

(Стр. 18—20).

1) „Берлинская сирена“—князь Бисмарк, канцлер Германской империи, председательствовавший на Берлинском конгрессе 1878 г.

2) Газеты „Русь“.

II.

В. М. ГАРШИН.

(Стр. 21).

1) Настоящее письмо вызвано критико-биографическим очерком С. А. Венгерова, предназначавшимся для I тома посмертного полного издания сочинений А. Ф. Писемского (в 20 томах, 1883—6 г.г.).

В № 2821 „Нового Времени“, от 5 января 1884 г., появилась статья Незнакомца „Критик Писемского из новых“, заканчивающаяся так: „Само товарищество М. О. Вольфа, издавшее Писемского, так встревожилось негодованием публики, порожденным этим „очерком“, что из‘яло из продажи этюд г. Венгерова... Нет сомнения, что с такою биографиею Писемского ни одна общественная библиотека, ни одно учебное заведение не приобрели бы сочинений Писемского“.

III.

И. А. ГОНЧАРОВ.

(Стр. 22).

1) В № 4191-м „Нов. Времени“, от 29 октября 1887 г., „Утренняя почта“ сообщила: „Состояние здоровья нашего маститого писателя И. А. Гончарова, как сообщают сегодня газеты, за последние дни очень ухудшилось“.

2) В № 4192, от 30 октября, напечатано (в отделе „Хроника“): „Вчера, 29-го октября, мы привели из газет известие о том, что будто здоровье И. А. Гончарова значительно ухудшилось. Теперь мы узнали из достоверного источника, что это известие сильно преувеличено. И. А. Гончаров действительно страдает, особенно в осеннее и зимнее время, хроническим бронхитом, почему принужден беречься резкого влияния воздуха. Он мало посещает общество и редко принимает посетителей у себя, чтобы разговором не вызвать сильных припадков кашля. Общее же состояние его здоровья, по его летам, весьма удовлетворительно“.

IV.

Д. В. ГРИГОРОВИЧ.

1.

(Стр. 23).

1) Название болезни, по всей вероятности, следует читать: „Nèvralgie cardialogique de poitrine“.

2) Письмо без даты. Повидимому, относится к 1882—83 г.г.

2.

(Стр. 23—24).

1) „Вчера“—2 сентября 1883 г.

3.

(Стр. 24–25).

1) Письмо без даты. Упоминаемая в письме электрическая выставка в Вене была в 1883 г.

4.

(Стр. 26).

1) „Горе от ума. Комедия в четырех действиях А. С. Грибоедова. С предисловием „Горе от ума и его критики“ А. С. Суворина. СПБ. Изд. А. С. Суворина. 1886 г.“.

5.

(Стр. 26—29).

1) „Василиса“ — вышедший за-границей роман Н. А. Арнольди. О нем см. К. Ф. Головин. Русск. роман и русск. общество. Изд. 2,

стр. 244—45. Ср. „Ист. лит. XIX в.“. Под ред. Д. Н. Овсянико-Куликовского. Т. IV, 148.

2) „Новое Время“ 1887 г., № 4143 от 11 сентября („Автобиография еврейского великого человека“) и № 4176 от 14 октября („Юбилейные пьесы“ в отд. „Театр и музыка“).

6.

(Стр. 29—30).

1) „Татьяна Репина“—комедия А. С. Суворина—шла в бенефисный спектакль Абариновой 11 декабря 1888 г. Роли были распределены таким образом: Абаринова играла Кокошкину, Савина — Репину, Ленская — Оленину, Давыдов — Адашева, Далматов — Сабинина, Свободин—банкира Зоненштейна. (Ср. „Новое Время“ №№ 4590, 4595 и 4596).

8.

(Стр. 32—34).

1) Воспоминания Григоровича — в „Русской Мысли“ 1892, XII и 1893, I—II.

2) В оригинале переправлено из „наших писателей“.

9.

(Стр. 34—35).

1) Письмо датируется на основании чьей-то карандашной пометы.

10.

(Стр. 35—36).

1) „Эльпе“—псевдоним сотрудника „Нового Времени“ Л. К. Попова.

14.

(Стр. 39—40).

1) Слово не разобрано.

15.

(Стр. 40—41).

1) „Настенька“—дочь А. С. и А. И. Суворины.

16.

(Стр. 42—43).

1) „Сигма“—псевдоним сотрудника „Нового Времени“ С. Н. Сыромятникова.

17.

(Стр. 43—47).

1) „А. Петр.“—Алексей Петрович Коломнин, юрист, сотрудник „Нового Времени“ и „Исторического Вестника“.

18.

(Стр. 47—48).

1) „Фингал“—псевдоним И. Н. Потапенка.

2) Речь идет о газете „Россия“.

3) Сотая годовщина рождения А. С. Пушкина (26 мая 1899 г.).

4) Роман „Воскресение“, печатавшийся в „Ниве“ 1899 г., №№ 11—52.

5) По поводу этого письма А. С. Суворин записал в своем дневнике под 16 мая 1899 г.: „Вчера от Григоровича письмо, очень горькое. Он, очевидно, не поправится. Собирается умирать приехать в Петербург“. (Стр. 204).

V.
Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ.

1.

(Стр. 49).

1) Начальные буквы фамилии не разобраны.

2) „Литературные очерки“ А. С. в № 432, от 13 мая 1877 г. „Нового Времени“: „Анна Каренина“ и ее общественное значение“.

2.

(Стр. 50—51).

1) По случаю открытия памятника Пушкину в Москве.

2) В воспоминаниях П. В. Анненкова („Замечательное десятилетие“—„Вестник Европы“ 1880 г., апрель, 479) сообщалось, что „когда решено было напечатать „Бедные люди“ в альманахе Некрасова „Петербургский Сборник“ (1846), автор (т. е. Достоевский) совершенно спокойно, и как условие, следующее ему по праву, потребовал, чтобы его роман был отличен от всех других статей книги особенным типографским знаком, напр.—каймой. Роман и был действительно обведен почетной каймой в альманахе“. В редакционной статье „По поводу „Воспоминаний“ П. В. Анненкова“ (май, стр. 412—14) „вся существенная сторона рассказа о „кайме“ признавалась „несомненною“, но с оговоркой, что автор „Воспоминаний“... отнес „обстоятельство“, известное всем в ту эпоху, к „Бедным Людям“, между тем как дело должно было идти о другом произведении г. Достоевского—„Рассказ Плисмылькова“, или что-то в этом роде, предназначавшемся в задуманный Белинским сборник „Левиафан“...

Самое „обстоятельство“ П. В. Анненков вовсе не „сочинил“; ошибка его... может относиться не к „обстоятельству“, а к заглавию альманаха и самой повести; за тем же, самая кайма так и остается каймою, как рассказал ее историю П. В. Анненков“. В той же статье от редакции приводились заключительные строки стихотворного послания к автору „Бедных людей“, написанного Некрасовым и Панаевым от имени Белинского, смущенного „таким оригинальным требованием“ Достоевского:

Будешь ты доволен мною:
Поступлю я, как п.....:
Обведу тебя каймою,
Помещу тебя в конец.

3) Ср. № 1499 от 2 мая 1880 г. Среди газет и журналов. „Неприятно было встретиться с мелочною сплетнею, которую распространяет г. Стасюлевич о г. Достоевском по поводу сочиненного г. Анненковым анекдота о „кайме“. Поддерживать эту глупую сплетню, сочиненную каким-нибудь досужим журналистом чуть не полвека назад, и притом, поддерживать так серьезно и важно, как это делает почтенная редакция „Вестника Европы“— право, это недостойное дело. Со стороны г. Анненкова не хорошо уже было то, что он, подобрав где-то сплетню, ввел ее в свои воспоминания, но со стороны г. Стасюлевича совсем уже дурно, что он различными лживыми изворотами старается утвердить достоверность явного журнального вздора“. № 1500 от 3 мая. Наброски и мелочи. „К истории о „кайме“, сочиненной г. Анненковым и поддерживаемой г. Стасюлевичем“. „Фельетонная шутка Панаева обратилась в какой-то важный литературно-исторический факт, который г. Анненков счел нужным передать векам, ради удостоверения которого г. Стасюлевич предпринял экскурсии в записные книжки „лиц, близко стоявших“ к „Современнику“. Так-то вот пишется история и так-то нередко поступают специалисты-историки, к числу которых некогда причислял себя почтенный издатель „Вдстник Европы“, хотя на своем веку он никакой истории не написал, а только распускал истории про других, да случайно попал в университетскую „историю“ в шестидесятых годах“.

4) В № 1515 „Нового Времени“, от 17 мая того же года, в „Набросках и мелочах“ находим: „Ф М. Достоевский, находясь в Старой Русе, где он лечится, просит нас заявить от его имени, что „ничего подобного тому, что разсказано в „Вестнике Европы“ П. В. Анненковым на счет „каймы“, не было и не могло быть“ и что он „никогда не получал стихотворения, якобы сочиненного Некрасовым и Панаевым на счет этой же каймы“.

5) „Дело Михайлова и Веймара“—в „Новом Времени“ 1880 г., №№ 1498, 1504—1511.

6) Статья „Ревнители“, за подписью „Православный“, в № 1508 „Нового Времени“. По поводу этой статьи в № 1510 замечено: „и, по нашему мнению, г. Пашков хорошо делает“.

VI.

А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВ.

1.

(Стр. 52—54)

Письмо напечано в „Новом Времени“ № 8613, от 18 февраля 1900 г., с таким добавлением редакции: „Пользуемся случаем, чтобы внести поправки к статье „А. М. Жемчужников“ („Нов. Вр.“ № 8604). Имя матери его Ольга, а не Елизавета. Родился он не в Петербурге, а в Черниговской губ., в м. Почепе, принадлежавшем тогда графу Алексею Кирилловичу Разумовскому!“.

VII.

Н. Н. ЗЛАТОВРАТСКИЙ.

2

(Стр. 56).

1) Рассказ „Федька“ не был напечатан в „Новом Времени“.

3.

(Стр. 56).

1) Предложение Златовратского не было принято А. С. Сувориным.

VIII.

Н. С. ЛЕСКОВ.

1.

(Стр. 57—58).

1) По поводу отказа Л. Н. Толстого от обязанностей присяжного заседателя в окружном суде. Ср. Бирюков. Л. Н. Толстой. Биография. Т. II (М. 1908), стр. 452—53.

2) Ср. Псалом 118, ст. 132: „Призри на мя и помилуй мя, по суду любящих имя твое“.

3) „Снедающее слово (О клятве Богом)“ — „Русь“ 1882 г., № 46, стр. 11—12.

4.

(Стр. 60—61).

1) „Новое Время“ 1888 г, № 4330, от 19 марта: А. С-н. „Смерть Ивана Грозного. Картина К. Е. Маковского“.

5.

(Стр. 61).

1) В мартовской книжке „Русской Мысли“ за 1888 г. („Библиографич. отд.“, стр. 117—18), по поводу изданных в „Дешевой Библиотеке“ Суворина—III кн. „Повестей и рассказов“ Н. С. Лескова и „Семейной старины“ Г. П. Данилевского, было замечено: „Говоря об этом издании, мы не можем умолчать о том, что считаем Библиотеку г. Суворина совсем не дешевою, а порядочно-таки дорогою... Было бы очень желательно, чтобы произведения Г. П. Данилевского, Н. С. Лескова и других выдающихся русских писателей издавались по такой дешевой цене, которая сделала бы их доступными для деревенского народа и помогла бы им вытеснить с крестьянского рынка издания никольских книгопродавцев. При той же цене, за какую предлагает свои издания г. Суворин, книжки эти едва ли проникнут в массу крестьянского люда“.

2) „Запеч. Ангел“—Запечатленный Ангел. Повести и рассказы. Книга III. Спб. 1887. Тип. и изд. А. С. Суворина. („Дешевая библиотека“ № 54).

6.

(Стр. 61—63).

1) „Дамаскин“—Иоанн Дамаскин, знаменитый церковный писатель VIII в.

2) „Маргарит“—название древне-русского сборника церковно-учительного содержания.

3) „Прекрасная Аза“—рассказ Лескова, напечатанный в „Новом Времени“ 1888 г., № 4347.

4) „И. П. Крамской, его жизнь, переписка и художественно-критические статьи“. Спб. 1888 г. Издание А. С. Суворина.

5) Смех и Горе. Разнохарактерное pot-pourri из пестрых воспоминаний полинявшего человека. Изд. 4. Спб. 1887. Тип. А. С. Суворина.

6) Лейкснер, Отто. „Наш век“. Перевод с немецкого. 2 т. Изд. А. С. Суворина.

7.

(Стр. 63—65).

1) „Четьи Минеи“—сборник житий святых, составленный св. Димитрием Ростовским. „Феофан“—Феофан Прокопович.

2) „XIX в.“—книга Лейкснера, о которой упоминалось в предыдущем письме.

8.

(Стр. 66—70).

1) „Новое Время“ 1888 г., № 4353. Интерес к книге Н. Я. Данилевского „Россия и Европа“,—говорилось в этой заметке,—„воскрешен в публике, конечно, недавними статьями В. С. Соловьева, доказывавшего в „Вестнике

Европы", что эта книга есть свод противуречивых и „произвольных измышлений"... Как кажется, г. Соловьеву еще прежде России следовало бы освободиться от некоторых своих грехов и прежде всего от греха пустой раздражительности: ее резкий нервный голос слишком громко слышится в его статьях".

2 и 3) „Новое Время" 1888 г., № 4354. Письмо в редакцию за подписью: А. Герд, А. Плещеев, Я. Абрамов, П. Морозов.

„Друзья и товарищи В. М. Гаршина, желая почтить его память добрым делом, которое было бы связано с именем покойного, предприняли издание литературного сборника, доход от которого будет употреблен с указанной целью".

4) „Леди Макбет нашего уезда"—„Эпоха" 1865 г., № 1, стр. 39—80.

5) „Соборяне"—„Русский Вестник" 1872 г., №№ 4—7; „Запечатленный Ангел"—там же 1873 г., № 1.

6) „Обойденные"—„Отечествен. Записки" 1865 г., тт. CLXII и CLXIII (№№ 9—19).

7) „Л. Н."—Л. Н. Толстой.

9.

(Стр. 70—72).

1) В оригинале несколько слов вырвано.

2) „У пристани", повесть С. Смирновой—„Отечеств. Записки" 1879 г., №№ 10—12. Отд. изд. А. С. Суворина. Спб. 1880 г.

3) „Шуб."—С. Н. Шубинский.

10.

(Стр. 72—74).

1) „Путешествие из Петербурга в Москву".

2) В имени Радищева: А. И. вм. А. Н.

3) „Александра Алексеевна"—жена Н. С. Лескова (?).

4) „Захудалый род". Семейная хроника князей Протозановых (Из записок княжны В. Д. П.)—„Русск. Вестник" 1874 г., №№ 7, 8 и 10.

12.

(Стр. 77—79).

1) Легенды, повести и рассказы „по старинному прологу".

15.

(Стр. 80—82).

1) Имеется в виду роман А. Шабельской „Три течения", печатавшийся в „Северном Вестнике" 1888 г.

2) „Атава"—псевдоним С. Н. Терпигорева.

3) „Ш-б-ский"—С. Н. Шубинский.

16.

(Стр. 82—84).

1) „Покровитель"—С. Н. Шубинский.
2) „Ист. В."—„Исторический Вестник".
3) „Шб"—С. Н. Шубинский.
4) „Заря" 1872 г.
5) 900-летие крещения Руси в 1888 г.

IX.

Г. А. МАЧТЕТ.

1.

(Стр. 87—88).

1) В издании А. С. Суворина произведения Г. А. Мачтета не выходили.

2

(Стр. 88—89).

1) „Незнакомец"—литературный псевдоним А. С. Суворина.

3.

(Стр. 90—91).

1) „Ваш фельетонист"—В. П. Буренин.

X.

С. Я. НАДСОН.

1.

(Стр. 92).

1) Письмо без даты. По всей вероятности, относится к тому же 1884-му году, что и следующее.

XI.

Н. А. НЕКРАСОВ.

1.

(Стр. 95).

1) Напечатано в майской книге „Отечествен. Записок" за 1873 г. под заглавием „Песнь к западному ветру". Отмечаемые далее три стиха напечатаны без всяких изменений в тексте. В той же книге журнала напечатано и стихотворение „К жаворонку".

2.

(Стр. 96).

1) Незнакомец. Очерки и картинки. Собрание рассказов, фельетонов и заметок. Кн. 1 и 2. Спб. 1875.

3.

(Стр. 96).

1) Без даты. Повидимому, относится к тому же времени, что и предыдущее.

4.

(Стр. 96).

1) „Сестра"—Анна Алексеевна Буткевич; „Зина"—жена Н. А. Некрасова. Фекла Анисимовна Викторова (Некролог ее см. „Жизнь для всех" 1915 II. Ср. „Солнце России" 1915 г., № 260; „День" 1915 г., № 27).

XII.

И. С. НИКИТИН.

(Стр. 98—99).

1) По всей вероятности, письмо относится к 1861 г.

2) Далее вырвано несколько букв.

3) „Воронежский Литературный Сборник на 1861 год". Изд. Н. Гарденина под редакц. П. В. Малыхина.

4) А. С. Суворин переехал в Москву из Воронежа, для ближайшего участия в „Русской Речи", в июле 1861 г. и прожил там до декабря 1862 г. („Дневник", стр. 207).

XIII.

А. Н. ОСТРОВСКИЙ.

1

(Стр. 100).

1) „Анна Ивановна"—жена А. С. Суворина.

2) „Марья Васильевна"—жена А. Н. Островского.

3

(Стр. 101—2).

1) „Интермедии" в „Новом Времени" не печатались.

6.

(Стр. 102—103)

1) „Новое Время“ 1884 г., № 2824, от 8 января. Статья под заглавием „Галлерея портретов. Театральные чиновники, артисты и артистки.“

7.

(Стр. 104).

1) „Новое Время“ от 22 января 1884 г. Статья Незнакомца по поводу „Без вины виноватые.“

XIV.

А. Н. ПЛЕЩЕЕВ.

1.

(Стр. 105).

1) Письмо без даты. Повидимому, относится к 1860 г., когда появилось отдельное издание „Повестей и рассказов“, о котором идет далее речь.

2.

(Стр. 106—107).

1) Без даты. Относится к 1864—5 г.г.

2) „Русская Сцена“ — театральный журнал, выходившнй в Петербурге, в 1864—65 г.г. под редакцией Н. В. Михно.

3) „Антракт“—ежедневное издание, выходившее в Москве, в 1864—65 г.г., под редакциею А. Н. Баженова.

4) „Инвалид“—„Русский Инвалид“.

5) „Don Iuan und Faust“ — трагедия Христиана - Дитриха Граббе, немецкого драматурга (1801—36).

6) „Отечеств. Записки“ 1864 г., кн. V: „Общее место нашей поэзии“.

7) „П. В.“—„С. Петербургские Ведомости“.

3.

(Стр. 107—110).

1) Без даты. Относится к 1869 г.

2) „Струэнзе“—трагедия Михаила Бэра (1800—33), брата композитора Мейербера.

3) Комиссия князя С. Н. Урусова, о которой А. В. Никитенко заметил в своем дневнике под 2 ноября 1869 г.: „Князю Урусову поручено отыскать философский камень, т. е. издать такие законы о печати, которые бы равно удовлетворяли и правительство, и общество и, ограничивая свободу мысли, в то же время не мешали бы ходу науки и образования“ (II, 394).

4) „Библиограф“ — критико-библиографический журнал, издававшийся „Русской Книжной Торговлей“ в Петербурге, в 1869 г., под редакциею А. Н. Струговщикова. Вышло три №№.

4.

(Стр. 110—112).

1) Без даты. Относится к 1870 г.

2) Проф. Г. Е. Струве защищал диссертацию на степень доктора философии: „Самостоятельное начало душевных явлений". М. 1870.

3) Н. Аксаков. Подспудный материализм. По поводу диссертации г. Струве. М. 1870.

4) „М. В."—„Московские Ведомости".

5) С. У с о в. „По поводу диссертации г. Струве". М. 1870.

6) „Беседа"—журнал, издававшийся в Москве в 1871—2 г.г., под редакциею С. А. Юрьева.

7) „Заря" — журнал, издававшийся в Петербурге 1869 — 72 г.г., под редакциею В. Кашпирева.

5.

(Стр. 112—14).

1) Без даты, Относится к 1872 г.

2) „Вестник"—„Вестник Европы".

6.

(Стр. 114).

1) Без даты. Относится к 1875 г. Ср. письма Некрасова №№ 2 и 3.

7.

(Стр. 114—115).

1) Без даты. Относится к половине 70-х годов.

8.

(Стр. 116—17).

1) Без даты. Писано не позже 1874 г.

2) Сборник рассказов, очерков и легенд Брет-Гарта, в переводе А. Н. Плещеева, вышел в 1874 г.

9.

(Стр. 117—18).

1) Без даты. Относится к половине 70-х годов.

10.

(Стр. 119—120).

1) Без даты. Писано не позже 1878 г.

2) „Подснежник". Стихотворения для детей и юношества. Спб. 1878. Издание В. Лихачева и А. Суворина.

11.

(Стр. 120—21).

1) Без даты. Относится к 1874 г. По поводу „курьезного препирания" между Полетикой и Незнакомцем о происхождении слова „плутократия" (первый производил от „Плутона"—бога ада, а второй — от „Плутоса"—бога богатства) А. Н. Плещеев писал: „По нашему мнению, г. Незнакомцу с г. Полетикою, лучше бы всего отправиться на судьбище к г. Георгиевскому, компетентность которого в деле классицизма, после классических шестов, не подлежит ни какому сомнению: он сейчас же решит, кому из двух классиков выдать аттестат зрелости, а кого шестом наградить". („Голос" 1874 г., № 197).

12.

(Стр. 121).

1) Без даты. Относится к концу 70-х годов.

2) Этот адрес относится к следующему письму, № 13.

13.

(Стр. 122).

1) Без даты. Относится к 1884 г.

14.

(Стр. 122—23).

1) Изданы в „Дорожной Библиотеке" А. С. Суворина в 1886 г.

2) „Le Chaperon rouge". В издании Суворина очерк не появлялся.

3) Письмо не позже 1886 г.

15.

(Стр. 123—4).

1) Сорокалетие литературной деятельности А. Н. Плещеева 15 января 1886 г.

2) „Горе от ума и его критики" — в январьских нумерах „Нового Времени" за 1886 г.

16.

(Стр. 125).

1) „Путешествие из Петербурга в Москву" А. Н. Радищева.

2) Письмо относится к 1888 г.

17.

(Стр. 125—26).

1) По всей вероятности, имеются в виду сцены из драмы „Мать Ивана Грозного". Ср. „Новое Время" 1888 г., № 4608: „Божий человек".

2) Без даты. Относится к 1888 г. (?).

18.

(Стр. 126—27).

1) „Crime d'amour", роман П. Бурже. В издании А. С. Суворина не выходил.

2) „Cruelle Enigme", роман того же автора. В издании А. С. Суворина не выходил.

3) „Лондонские эскизы"—П. Бурже.

4) „Notes et souvenirs". 1889.

19.

(Стр. 127—28).

1) „Татьяна Репина"—драма А. П. Чехова, посвященная А. С. Суворину. Подробн. см. М. П. Чехов. Антон Чехов. Театр, актеры и „Татьяна Репина". 1924.

2) „Струэнзе" в издании А. С. Суворина.

3) Без даты. Относится к 1889 г.

20.

(Стр. 128—130).

1) „М. П."—Михаил Павлович Федоров.

2) „Коля"—сын А. Н. Плещеева.

3) О похоронах Н. В. Шелгунова см. П. Засодимский—„Историч. Вестн." 1904 г., кн. IX, стр. 763—77; М. Лемке—„Былое" 1906 г., кн. IX. XI—XII.

4) По поводу рассказа „Дуэль".

5) „А. И."—Анна Ивановна Суворина.

21.

(Стр. 130).

1) Обидное недоразумение. В № 5485 „Нового Времени", от 7 июня 1891 г., в „Литературных заметках" А. Суворина читаем: „На днях я был у Л. Н. Толстого в Ясной Поляне. Он указал мне, между прочим, на повесть „Мимочка на водах", напечатанную в „Вестнике Европы" (февраль и март), как на вещь тилантливую и написанную, вероятно, женщиной"... Очевидно, Л. Н. Толстой имел в виду повесть В. Микулич, а не З. Н. Гиппиус.

2) Драма „Струэнзе" издана в „Дешевой Библиотеке" А. С. Суворина (1891).

22.

(Стр. 133—36).

1) „С. В."—„Северный Вестник".

2) „Жена"—рассказ А. П. Чехова в I кн. „Северного Вестника" за 1892 г.

3) „Василий Теркин"—в „Вестнике Европы" 1892 г., кн. I—VI.

23.

(Стр. 136—37).

1) Письмо без даты.

XV.
Я. П. ПОЛОНСКИЙ.

1.

(Стр. 138).

1) Так назван А. С. Суворин в оригинале.
2) На том же листке рукою А. С. Суворина:

Вам очень милы сыроешки,
А мне каленые орешки,
И в этом я, Полонский Яков,
Не слишком с вами одинаков,
Хотя я не люблю стихов,
Как пресловутый наш Катков
Фельетонистов и поляков.

3.

(Стр. 139—40)

1) Некролог И. С. Тургенева.

5.

(Стр. 142).

1) Desportes et Bournand. Ernest Renan, sa vie et son oeuvre Par. 1892.

6.

(Стр. 142—43).

1) „Заметки по поводу одного заграничного издания и новых идей графа Л. Н. Толстого"—„Русское Обозрение" 1895 г., кн. IV—VI.

8.

(Стр. 144).

1) 1896 г., № 15, столб. 481—82.
2) Коронация императора Николая II 14 мая 1896 г.

XVI.
В. В. РОЗАНОВ.

1.

(Стр. 145—46).

1) Без даты. Может быть датировано на основании ответного письма А. С. Суворина (от 17 августа 1893 г.), напечатанного в сборнике „Письма А. С. Суворина к В. В. Розанову". СПБ. 1913, стр. 69—70.

2.

(Стр. 146—48).

1) См. письмо А. С. Суворина, от 12 августа 1898 г., в том же сборнике, стр. 71—2.

2) „Алексей Алексеевич"—сын А. С. Суворина.

3.

(Стр. 148—49).

1) Без даты. Относится к концу 90-х годов.

4.

(Стр. 150—51).

1) „Новое Время" 1898 г., № 8070, от 16 августа „Маленькое письмо" по поводу открытия памятника Александру II в Москве.

2) Без даты. Относится к 1898 г.

5.

(Стр. 151).

1) Без даты. Может быть датировано на основании записи в Дневнике А. С. Суворина под 26 марта 1899 г.: „Леля говорил с Розановым, приглашая его в редакцию, обещал 300 р. жалованья и 8 к. с строки"... (Стр. 189).

6.

(Стр. 151—52).

1) Без даты. Относится к весне 1899 г., когда А. С. Суворин был привлечен к суду чести комитетом Союза взаимопомощи писателей, как возможный виновник циркуляра Минист. Внутрен. Дел от 17 марта 1899 г., которым запрещалась всякая полемика по вопросу о волнениях среди учащейся молодежи. (Подробн. в Дневнике А. С. Суворина, стр. 187—204).

7.

(Стр. 152—54).

1) Без даты. Может быть датировано на основании письма А. С. Суворина к В. В. Розанову от 25 июня 1899 г. (Стр 78).

8.

(Стр. 154—57).

1) Ср. „Письма А. С. Суворина к В. В. Розанову", стр. 92—96.

9.

(Стр. 157—58).

1) Без даты.

10.

(Стр. 158—60).

1) „Богдан Вениаминович"—Г е й.

2) Без даты. Относится к концу 1903 г. Ср. „Письма А. С. Суворина к В. В. Розанову", стр. 121—22.

11.

(Стр. 160—61).

1) Без даты. Может быть датировано на основании письма А. Суворина к В. В. Розанову от 18 мая 1904 г. (Ср. „Письма", стр. 137).

12.

(Стр. 161—62).

1) Без даты. Ответ на письмо А. С. Суворина от 25 января 1905 г. (Ср. „Письма", стр. 155—56).

13.

(Стр. 163—64).

1) Без даты. Ответ на письмо А. С. Суворина от 16 марта 1905 г. (Ср. „Письма", стр. 148—49).

14.

(Стр. 164—65).

1) „Мих. Алексеевич"—сын А. С. Суворина.

2) „Наш Столыпин"—Александр Аркадьевич, сотрудник „Нового Времени".

3) Письмо без даты.

15.

(Стр. 166—67).

1) „Конст. Сем."—Т ы ч и н к и н.

2) Без даты. Ответное письмо А. С. Суворина—29 сент. 1911 г. (Ср. „Письма", стр. 176—78).

XVII.

М. Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН.

1.

(Стр. 168).

1) „Гол". – газета „Голос", выходившая в Спб. в 1863—83 гг. под редакцией А. А. Краевского.

2) „Кр." – Краевский, А. А.

3) Без даты. Относится к началу 70-х годов.

3.

(Стр. 169—70).

1) „Сын Коробочки и Галахова"—М. М. Стасюлевич.

2) Ср. „Отечеств. Записки" 1876 г., февраль: „Стихотворения Дранмора в переводе П. И. Вейнберга и Д. А. Михаловского".

3) „Часы"—рассказ И. С. Тургенева в январской кн. „Вестника Европы" за 1876 г.

4) Ср. „Вестн. Европы" 1875 г., декабрь, стр. 877—81: „Литературная исповедь графа А. К. Толстого. Письмо к проф. Андж. Де-Губернатису, во Флоренции" и 1876 г., январь, стр. 440: „От редакции. Об'яснение по поводу письма гр. А. К. Толстого к г. Де-Губернатису". (Помещенный в „Вестнике Европы" перевод письма оказался обширнее французского подлинника, вышедшего затем в „Rivista Europea").

4.

(Стр. 170—71).

1) Фельетон Незнакомца: „Недельные очерки и картинки". Заканчивается стихотворением А. Ферта:

Как-то раз, в краю счастливом,
Где чахотка—вздор,
У Лессепса шел с Хедивом
Крупный разговор...

2) Передовая статья—„Вместо нашей программы"

3) „Мы ищем поддержки в среде самого общества, потому что верим в русское общество. Ни одно из его новых или старых учреждений, взятое в отдельности, а следовательно, и не печать сама по себе не в состоянии выдвинуть Россию вперед в международном состязании, ни также устроить наш внутренний быт настолько удовлетворительно, чтобы всем жилось привольно; но повсюду найдутся светлые личности, устремляющие свои взоры далеко за пределы своих специальных интересов и занятий. Мы считали бы нашу задачу выполненною, если бы эти лучшие люди откликнулись на наш скромный призыв и сделали бы нашу газету своей газетой"

4) Об Эссене, товарище министра юстиции, и его преемнике Фрише—в отделе „Административные новости": „Несомненно, что с этою смертью понесена действительная потеря, ибо деятельность О. В. Эссена заслуживает полного уважения и признательности... Назначение Э. В. Фриша, занимавшего доселе один из высших постов по судебному ведомству (обер-прокурора уголовного кассационного департамента), товарищем министра юстиции в то же время значительно рассеевает всякие толки, недавно еще ходившие в нашем обществе, о каких-либо опасностях, грозящих судебному преобразованию"...

Что же касается Ф. Ф. Трепова, тогдашнего Спб. градоначальника, то в газетной заметке сообщаются лишь краткие биографические сведения о нем в виду предстоящего десятилетнего юбилея его службы.

5) „На днях мы начнем печатание романа-фельетона из современной жизни под названием: Новое Время, Незнакомца и К°".

6) „Влад. Ив. и Елена Осиповна" Лихачевы.

XVIII.

ВЛ. С. СОЛОВЬЕВ.

1.

(Стр. 173—74).

1) „В. к. Конст. Ник."—великий князь Константин Николаевич.

2) „Нов. Время" 1883 г., № 2639: „Соглашение с Римом и московские газеты". (Ср. Собран. сочин. IV, 117).

3) Предлагаемая статья напечатана № 2689 „Нового Времени": „О церковном вопросе по поводу старокатоликов". (Ср. Собран. сочин. IV, 123).

4) Письмо без даты. Относится к 1883 г.

2.

(Стр. 174—75).

1) Журнал „Благовест", в котором появилась статья (1886 г., № 21): „В. Соловьев, ратующий против православия в заграничной печати",— В. С. Соловьев называет почему-то „Харьковским журналом".

2) „Je li tacna Crkva Pravoslavna"—„Katoliscki List", 1886.

3) Статья напечатана в № 3864, от 3 ноября 1886 г. (Ср. „Письма III, 172—73).

3.

(Стр. 175).

1) № 5064, от 6 апреля 1890 г.: „Письмо в редакцию проф. К. Яроша".

2) Ср. Собран. сочин. VI, 308—310: „Г. Ярош и истина".

4.

(Стр. 175—76).

1) „История России с древнейших времен"—С. М. Соловьева, отца Вл. Серг.

2) „Новое Время", № 6400, от 21 декабря 1893 г. (Ср. „Письма" III, 179).

5.

(Стр. 177).

1) Ср. „Новое Время" 1898 г., № 8123: „В Философском обществе". Речь на тему: „Значение Белинского".

2) Ср. „Новое Время" 1898 г., № 8129, от 14 октября. „Во вчерашнем нумере, в передаче речи В. С. Соловьева, вкралась курьезная опечатка, именно сказано: „в данном случае почвой для философии, как выразился В. С. С., является только атлас его душевной жизни",—следует читать „пафос его душевной жизни".

XIX.

Л. Н. ТОЛСТОЙ.

1.

(Стр. 178).

1) А. С. Суворин обратился к Л. Н. Толстому с просьбою сообщить для помещения в „Русском Календаре“ необходимые биографические сведения.

2) Без обозначеня года. По всей вероятности, относится к 1872 г.

2.

(Стр. 178—79).

1) Русские замечательные люди. Рассказы. Жизнь патриарха Никона, с портретом его. Спб. 1866.

2) „Ясная Поляна“—журнал, издававшийся Л. Н. Толстым в 1862—63 г.

3) Заседание Московского Комитета грамотности 15 января и 13 апреля 1874 г. Подробн. см. П. И. Бирюков. Биография Л. Н. Толстого. II, стр. 131 и др.

4) Без даты. Относится к 1874 г.

3.

(Стр. 179).

1) Письмо писано чужой рукою; Л. Н. Толстому принадлежит лишь подпись.

4.

(Стр. 179—180).

1) „Кузминские“ — семья сенатора А. М. Кузминского, женатого на свояченице Л. Н. Толстого, Татьяне Андреевне.

2) Ср. П. С. Алексеев. О пьянстве. С предисловием гр. Л. Н. Толстого „Для чего люди одурманиваются?“ Изд. редакции журн. „Русская Мысль“. М. 1891.

3) Edward Bellamy. „Loocking backward 2000—1887. Взгляд назад 2000—1887“. Русский перевод появился в „Неделе“ 1890 г. и отд.

Письмо без даты. По всей вероятности, относится к 1888 г.

5.

(Стр. 180).

1) „Ваша драма“—„Татьяна Репина“.

2) Л. Н. Толстой. Против войны. 1) По поводу книги А. И. Ершова „Севастопольские воспоминания“. 2) „Carthago delenda est“. (10 мая 1889).

3) „Trouth abont Russia“. Ср. „Новое Время“ 1889 г., № 4637 (25 января): „Неделя в Ясной Поляне“.

6.

(Стр. 180).

1) Письмо В. Г. Черткова, датированное 17 марта 1889 г., сохранилось в собрании А. С. Суворина. В нем заключается просьба о помещении об'явлений „Посредника“ и о продаже его изданий во всех книжных лавках и железнодорожных киосках „Нового Времени“.

7.

(Стр. 181).

1) Напечатано в № 5050 „Нового Времени“, от 21 марта 1890 г., с таким предисловием редакции: „От имени графа Л. Н. Толстого начинают фабриковаться какие-то вопросы, числом 36, и на эти вопросы ему присылаются ответы. Ниже помещаем его заявление, которое он просит напечатать во избежание недоразумений“.

8.

(Стр. 181).

1) Без даты. Относится к началу 90-х годов.

9.

(Стр. 181).

1) Статья П. А. Буланже появилась в „Биржевых Ведомостях“ (1897 г., № 213), куда была прислана Л. Н. Толстым с письмом такого содержания: „Очень прошу редакцию „Биржевых Ведомостей“ напечатать прилагаемую статью о духоборах. Кроме значения, которое имеет статья, как распространение истинных сведений о чрезвычайно важном явлении в русском народе, статья эта имеет еще огромной важности и значение практическое, дает возможность обществу помочь страдающим за веру и в смертной опасности находящимся тысячам людей. Пожалуйста, напечатайте. Лев Толстой. Ясная Поляна“.

10.

(Стр. 182)

1) Речь идет о романе „Воскресение“ („Нива“ 1899 г., №№ 11 — 52). Ср. „Дневник“ А. С. Суворина, стр. 210 — 11.

2) Не имеются-ли в виду повести „Дьявол“ и „Отец Сергий“. Ср. „Дневник Л. Н. Толстого“. I. 1895 — 99, стр. 151 и 231.

11.

(Стр. 182).

1) По всей вероятности, имеется в виду статья „Мир Мой даю вам“, упоминаемое в письме И. М. Трегубова к А. С. Суворину от 30 апр. 1901 г. В том же письме читаем: „Посылаю Вам при сем „О молитве. Л. Н. Толстого“ и прошу Вас напечатать это в „Новом Времени“. Я взял эту чудную вещь из частного письма Л. Н. Толстого, которое имеется у меня. Я просил Льва

Николаевича позволить напечатать ее, и он позволил. Пропуск, обозначенный многоточием, сделан самим Львом Николаевичем".

2) „Лёва" — сын Л. Н. Толстого.

13.

(Стр. 183).

1) Имеются в виду труды—Н. К. Шильдера: „Император Николай I. Жизнь и царствование". Спб. 1903 и С. С. Татищева: „Император Александр II, его жизнь и царствование". 2 тт. Спб. 1903.

14.

(Стр. 183 — 84).

1) Письмо без даты.

15.

(Стр. 184).

1) „Любезность моей дочери" — по всей вероятности, предоставление ложи в театре (на „Ганнеле") Александре Львовне Толстой (См. ее письма к А. С. Суворину от 17 и 23 Октября 1895 г.). А если так, то письмо следует отнести к концу 1895 г.

XX.

А. П. ЧЕХОВ.

1.

(Стр. 185 — 86).

1) Письмо относится к 1889 г.

2) „Потемкин" — прозвище, данное А. П. Чехову И. Л. Щегловым (ср. письмо А. П. Чехова к А. Н. Плещееву от 3 Авг. 1887).

3) „Художник" — брат А. П. Чехова, Николай Павлович (ср. письмо к А. Н. Плещееву в сборнике „На памятник А. П. Чехову". Спб. 1906, стр. 159 — 60).

4) Имеется в виду заседание Общества русских драматических писателей и оперных композиторов в Москве.

5) „Артист" 1889 г., 3.

2.

(Стр. 187 — 88).

1) Письмо относится к 1890 г.

3.

(Стр. 188 — 89).

1) „Фонд" — Литературный фонд.

2) Роман И. И. Ясинского „Юрьева могила"--в „Историч. Вестн.". 1894 г., кн. 5 — 9.

3) Без даты. Относится к 1894 г.

4.

(Стр. 189—190).

1) „Львов“ и „Лебедев“—действующие лица в драме Чехова „Иванов“.
2) Письмо без даты. Повидимому, относится к началу 1888 г.

5.

(Стр. 190).

1) Письмо С. Разсохина (на бланке „Московская Театральная Библиотека Е. Н. Разсохиной“) от 3 января 1888 г.

6.

(Стр. 190—191).

1) Письмо относится к 1897 г. Ср. письма к В. М. Соболевскому в сборн. „Письма А. П. Чехова. Собраны Б. Н. Бочкаревым“. М. 1909. Стр. 115—16.

7.

(Стр. 191).

1) Письмо В. С. Мамышева из Звенигорода от 12 ноября (год не обозначен).

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН.

Абаринова, Антонина Ивановна, артистка—199.
Абрамов, Яков Васильевич, публицист—204.
Аверкиев, Дмитрий Васильевич, драматург—126.
Аксаков, Иван Сергеевич, IV, 3—20, 50, 57, 84, 125, 195, 196, 197.
Аксаков, Константин Сергеевич—5, 6, 10.
Аксаков, Николай Петрович — 111, 145, 208.
Аксаков, Сергей Тимофеевич—196.
Александр Николаевич, русский император—150, 195, 212.
Александра Алексеевна, жена Н. С. Лескова (?)—73, 204.
Александров, Н. А., литературный критик—62, 117, 118.
Алексеев, П. С., доктор—180, 216.
Амфитеатров, Ал-др Валентинович, литератор—42, 47.
Андреевский, Сергей Аркадьевич, поэт и критик, юрист—70.
Анна Ивановна—см. Суворина, А. И.
Анненков, Павел Васильевич, литератор—200, 201.
Антокольский, Марк Матвеевич, скульптор 28. 31. 32.
Антоний (Вадковский), митрополит СПБургский—162.
Антоний архимандрит—псевдоним А. П. Чехова - 189.
Антонович, Владимир Бонифатьевич, историк—79.
Аполлоний Тианский—77.
Аполлонский, Роман Борисович, артист 190.
Арапов, Ал. Н.—73.
Арнольди, Михаил Петрович—28.
Арнольди, Нина Александровна--28, 29, 198.
Арнольди, О. М.—28.
Асташев—79.
Атава—см. Терпигорев, С. Н.
Ауер, Лев Семенович, известный скрипач—122.
Афанасьев, Николай Иванович, секретарь редакции „Нового Времени“—159.
Афросимов—73.
Ашинов—186.
Баженов, Ал-др Николаевич, театральный критик—106, 207.
Базилевский—134.
Баймаков, Федор Петрович, издатель „СПБ. Ведомостей“ и „Финансового Обозрения“—170.
Бартенев, Петр Иванович, редактор „Русского Архива“—7.
Баталин, И. А., журналист 76.
Безобразов, Павел Владимирович—31, 129, 132.
Bellamy Edward, американский романист—180, 216.
Белинский, Виссарион Григорьевич, критик—125, 177, 200, 201, 215.
Белоголовый, Николай Андреевич, доктор—130.
Беляев, Юрий Дмитриевич, литератор—52, 165.
Берг, Федор Николаевич, поэт и журналист—99.
Бернштам, Леопольд Адольфович, скульптор—31.
Бертенсон, Иосиф Васильевич, врач—85, 141.
Бестужев-Рюмин, Константин Николаевич, историк—163.
Биар. Люсьен, франц. писатель—89.
Бибиков, Дмитрий Гаврилович, генерал-губернатор—4.
Бильбасов, Василий Алексеевич, профессор и журналист—28.
Бирюков, Павел Иванович, один из друзей и единомышленников Л. Н. Толстого—71, 202, 216.
Бисмарк—173, 197.
Блудова, графиня Антонина Дмитриевна—9.
Блюммер, Леонид Петрович, беллетрист и журналист—99.
Боборыкин. Петр Дмитриевич, писатель—29, 70, 75, 109, 136, 185.
Боголепов—190.
Бокль—58.
Бонни—76.
Боровиковский, Ал-др Львович, юрист—121.
Боря—см. Суворин, Б. А.—186.
Боткин, Сергей Петрович, знаменитый врач—169.

Боткин, племянник С. П. Боткина—27.
Брет-Гарт, Фрэнсис. североамерик. поэт и новеллист 117, 208.
Буланже, Павел Александрович один из друзей и единомышленников Л. Н. Толстого—181, 217.
Булгаков, Ал-др Яковлевич, Московск. почт.—директор—62.
Булгаков, Федор Ильич, редактор „Нового Времени",—127, 158, 159, 160.
Буренин, Виктор Петрович, журнальный критик—9, 15, 25, 28, 34, 36, 44, 50, 70, 71, 106, 109, 110, 112, 116, 139, 140, 159, 160, 197, 205.
Бурже, Поль, французский писатель—210.
Bournand, A.—211.
Бурнашов, Владимир Петрович, журналист—68, 69.
Буслаев, Федор Иванович, академик—62, 65.
Буткевич, Анна Ал-евна, сестра Н. А. Некрасова—206.
Буяльский, Илья Васильевич, анатом—170.
Быков, Петр Васильевич, журналист—54, 79, 80, 81.
Бэр, Михаил, поэт—207.
Ванновский, Петр Семенович, министр—156.
Василевский, Ипполит Федорович (псевдоним Буква), литератор—76.
Васильчикова, княгиня Екатер. Алекс., рожд. Щербатова—64.
Ватсон, Мария Валентиновна—93.
Ватсон, Эрнест Карлович, журналист—93, 116, 117, 121.
Веденисов, консул—27.
Веймар, Ор. Эг.—50, 201.
Вейнберг, Петр Исаевич. поэт и переводчик—104, 214.
Венгеров, Семен Афанасьевич, литератор—21, 197.
Викторова, Фекла Анисимовна, жена Н. А. Некрасова („Зина")—206.
Вильгельм I, император германский—28.
Вильде, Николай Евстафьевич, актер и драматический писатель—106.
Витте, Сергей Юльевич, министр—157, 158, 188.
Владимир Александрович, вел. князь—73.
Владимир Мономах—186.
Владимиров, Н. Т.—181.
Владимиров, Петр Владимирович, профессор Киевского университета—65.
Вольдемар (Вальдемар), Христиан Мартынович, латышско-русский общественный деятель и писатель 111.
Вольтер—167.
Вольф, М. О., книгоиздательство—21, 75.
Воропонов, Федор Федорович, публицист—116.
Вошневский—63.
Всеволожский, Иван Александрович, директор императорских театров—48, 134.
Вульф—186.
Вышнеградский, Иван Алексеевич, государственный деятель—34.
Гагарин, князь Сергей Петрович, составитель „Всеобщего географического и статистического словаря" (М. 1843)—79.
Гаген, книгоиздательство—10, 12.
Гаевский, Виктор Павлович, литератур—23, 113, 170.
Гайдебуров, Павел Александрович, редактор-издатель „Недели"—71, 72, 82, 131.
Галахов, Алексей Дмитриевич, историк русской литературы — 168, 170, 214.
Галеви, Людовик, французский драматург и романист, член французской академии—127.
Гарденин, Н., издатель—206.
Гаршин, Всеволод Михайлович, писатель—IV, 21, 65, 67, 72, 75, 197, 204.
Ге, Николай Николаевич (отец), известный художник—182.
Ге, Николай Николаевич, сын художника—182.
Гей, Богдан Вениаминович, сотрудник „Нового Времени"—57, 73, 157, 160, 213.
Henri, префект гор. Ниццы—134.
Георгиевский, Ал-др Иванович, председатель Учен. Комитета Мин. Нар. Пр.—45, 209.
Герд, Ал-др Яковлевич, педагог—204.
Герцен, Ал-др Иванович—35, 142.
Гиляров-Платонов, Никита Петрович, публицист, редактор-издатель „Современных Известий"—16, 17.
Гинцбург, барон, Давид Горациевич—32.
Гиппиус—см. Мережковская.
Гирс, Николай Карлович, министр иностранных дел—9, 174.
Глазунов, Иван Ильич, Петербургский городской голова—23.
Глинская, Елена—125, 126.
Гоголь, Николай Васильевич—10, 12, 33, 77.

Головачева-Панаева, Евдокия Яковлевна, писательница (Н. Станицкий)—33.
Головин, Конст. Федорович (Орловский), литератор—198.
Гольдштейн—136.
Гонкур, Эдмон, французский писатель—123.
Гончаров, Иван Александрович—22. 68. 69, 70, 198.
Горбунов, Иван Федорович, актер и драматург—53, 71.
Граббе, Христиан-Дитрих, немецкий драматург—106, 207.
Грановский, Тимофей Николаевич, профессор—19.
Грегр (Gregr) Юлий, чешский публицист—9.
Грессер, Петр Аполлонович, СПБ. градоначальник—24.
Грибоедов, Ал-др Сергеевич—33. 125. 198.
Григорович, Дмитрий Васильевич—IV, 23—48. 75, 128, 129, 131, 140, 141. 198, 199, 200.
Григорьев, Александр Аполлонович—113.
Грот, Николай Яковлевич (?)—163.
Грот (?)—181.
Губернатис-де, Анжело, граф, итальянский ученый—170, 214.
Давидович, А. Д., журналист, редактор „Виленского Вестника"—16.
Давыдов (Горелов), Владимир Николаевич, артист—29, 199.
Давыдов (Давидов), Карл Юльевич, композитор—122.
Давыдова, А. А., жена композитора—122.
Далматов, Василий Пантелеймонович, артист—30, 199.
Дамаскин,—см. Иоанн Дамаскин.
Дамаскин, игумен Валаамского м-ря—63, 64.
Данилевский, Григорий Петрович, романист—61, 170, 203.
Данилевский, Николай Яковлевич, публицист—66, 112, 203.
Дарвин—159.
Демчинский, Николай Александрович, метеоролог, сотрудник „Нового Времени"—159.
Де-Пуле, Михаил Федорович, литературный критик—98.
Димитрий Ростовский, св.—203.
Дистерло, барон Роман Александрович, критик—130.
Дмитриев, Михаил Александрович, поэт—10.
Доде, Альфонс, французский романист—122, 123, 127.
Доминикано, художник—46.
Достоевская, Анна Григорьевна, жена Ф. М. Достоевского—12.
Достоевский, Федор Михайлович—11, 12. 13, 49—51, 69, 147, 196, 200, 201.
Дранмор—170, 214.
Дружинин, Ал-др Васильевич, критик и публицист—125.
Дудышкин, Степан Семенович, журналист—69.
Дубецкий—27.
Дьяковченко, фотограф—100.
Дювернуа, Ал-др Львович, славист—111.
Дюссо (гостиница)—51.
Европеус, Ал-дра Константиновна, писательница—68.
Екатерина Алексеевна, русская императрица—150.
Елисеев, Григорий Захарович, публицист—114.
Emilie, m-lle—37.
Епиктет, философ—185.
Ермолова, Мария Николаевна, артистка—126.
Ершов, А. И.—180, 216.
Ершов, Петр Павлович, автор сказки Конёк-Горбунок—53.
Жемчужников, Ал-др Михайлович—52—54.
Жемчужников, Ал-ей Михайлович—52—54, 202.
Жемчужников, Владимир Михайлович—53.
Жемчужникова, Ольга, мать А. М. Жемчужникова—54, 202.
Забелин, Иван Егорович, историк-археолог—60.
Загоскин, Михаил Николаевич, писатель—10.
Засодимский, Павел Владимирович, беллетрист—210.
Зина, жена Н. А. Некрасова—96, 97, 206.
Зиновьев, Иван Иванович—98.
Зисерман—183.
Златовратский, Николай Николаевич—55. 56. 202.
Зубов—171.
Иван Грозный, царь—60, 202, 209.
Иванов, Ал-др Андреевич, художник—45. 46.
Иванов (?)—113.
Иероним Стридонский, знаменитый церковный писатель IV—V вв.—46.
Иловайский, Дмитрий Иванович, историк—162.

Иоанн Дамаскин, знаменитый церковный писатель VII в.—61, 62, 63, 64, 203.
Иоанн (Сергиев) Кронштадтский, протоиерей—64.
Иона, старец Выдубецкой пустыни—64.
Ирина, царица—60.
Исаак Сирин, церковный писатель VII в.—62.
Исаев—62.
Казанский, Иван Павлович—187.
Кайгородов, Дмитрий Никифорович, профессор—35.
Кареев, Николай Иванович, профессор—163.
Карпов—156.
Karr Alfonse—40.
Катков, Михаил Никифорович, публицист—68, 69, 73, 76, 77, 110, 112, 138, 211.
Кашпирев, Василий Владимирович, литератор—76, 84, 208.
Кельсиев, Василий Иванович, публицист, эмигрант—161, 162.
Кигн, Владимир Людвигович (псевдоним В. Дедлов), беллетрист 130.
Киреев, Александр Алексеевич, генерал—173.
Ключевский, Василий Осипович, историк—79, 176.
Коковцев, Владимир Николаевич, председатель совета министров—166 167.
Коломнин, Ал-ей Петрович, сотрудник „Нового Времени“ и „Историч. Вестника“—41, 43, 136, 200.
Коломнин, Петр Петрович—81—82.
Кондратьев, Геннадий Петрович—27.
Кони, Анатолий Федорович, почетный академик—66.
Константин Константинович, великий князь—130.
Константин Николаевич, вел. князь—40, 173, 215.
Корейша, Иван Яковлевич, известный в свое время юродивый и прорицатель—173.
Коробочка—168, 169, 214.
Коротнев, Алексей Алексеевич, проф. Киевск. Ун-та—133, 134.
Корш, Валентин Федорович, журналист III—9, 106, 107, 110, 112, 113, 135, 151.
Костомаров, Николай Иванович, историк—82.
Котони (Antonio Cotogni), известный итальянский певец-баритон—27.
Кошелев, Александр Иванович, публицист и общественный деятель—4, 112.
Краевский, Андрей Александрович, журналист—9, 24, 28, 69, 96, 168, 170, 171, 213.
Крамской, Иван Николаевич, художник—45, 46, 62, 179, 203.
Кривенко—134.
Крылов, Виктор Александрович, драматург—28.
Крылов, Иван Андреевич, баснописец—158.
Кузьминская, Татьяна Андреевна, свояченица Л. Н. Толстого—216.
Кузьминский, Ал-др Михайлович, сенатор—216.
Кузьминские—179, 216.
Куломнин (?), П. П.—23.
Курочкин, Николай Степанович, поэт и публицист—76, 116.
Кюи, Цезарь Антонович, композитор—109.
Лавров, Вукол Михайлович, редактор „Русской Мысли“—82.
Ламанский, Владимир Иванович, академик—163.
Ласси—40.
Лебедев—190.
Ледаков—62.
Лейкин, Николай Александрович, беллетрист—188.
Лейкснер, Отто—63, 203.
Лемке, Михаил Константинович, литератор—210.
Ленская, артистка—30, 199.
Ленский, артист—190.
Леонтьев, Константин Николаевич, публицист—110, 111, 162.
Лесков, Николай Семенович IV, 57—86, 161, 202, 203, 204.
Лессепс—214.
Лихачев, Владимир Иванович, общественный деятель и публицист—169, 171, 208, 214.
Лихачева, Елена Осиповна—171, 214.
Лихутин—175.
Лорис-Меликов, граф Михаил Тариелович, государственный и военный деятель—28.
Львов—190.
Любимов, Николай Алексеевич, профессор и публицист—68.
Лютер, Мартин—147, 154.
Мазаев, Михаил Николаевич, редактор „Нового Времени“—167.
Майков, Аполлон Александрович, славист—101, 185.
Маковский, Константин Егорович, художник—60, 61, 202.
Малыхин, Петр Васильевич, редактор „Воронежского Листка“, педагог—206.

Мамышев, В. С.—191.
Мамышева, Вера Все олодовна—186
Маранья, Хозе—89.
Марк Аврелий Антонин, римский император—185.
Марков, Василий Васильевич, поэт, публицист, критик—73, 95, 106, 107.
Маркс, издатель журнала „Нива"—48, 143.
Марсияль—132.
Мартынов, книгоиздатель—75.
Маслов—32, 44.
Мачтет, Григорий Ал-дрович, писатель—87—91, 205.
Медников, Федор Николаевич, педагог—117.
Мейербер, композитор—207.
Мендгем, барон—72.
Меньшиков, Михаил Осипович, публицист—160.
Мережковская (Гиппиус), Зинаида Николаевна—130, 131, 133, 136.
Мережковские—128, 130, 136.
Мережковский, Дмитрий Сергеевич—131.
Мещерский, князь Владимир Петрович, редактор „Гражданина" (Степан Боб) 14, 156, 157, 162.
Микулич, В.—псевдоним Л. И. Веселитской—210.
Миллер, Орест Федорович, профессор—12, 196.
Милютин, Николай Алексеевич, государственный деятель—4, 7.
Минаев, Дмитрий Дмитриевич, поэт—59, 139.
Михайлов, А. (Шеллер, Ал-др Константинович), беллетрист—109.
Михайлов Адр. Фед.—201.
Михаловский, Д. А.—214.
Михневич, Владимир Осипович, журналист—29.
Михно. Николай Васильевич, драматург и переводчик—106, 207.
Молчанов, Ал-др Николаевич, сотрудник „Нового Времени"—43, 44.
Мопассан, Гюи де, французский писатель—25, 29.
Морокин—15.
Муравьев, граф, Михаил Николаевич, известный государственный деятель—77.
Надеин (книжный магазин)—55.
Надсон, Семен Яковлевич, поэт—92, 93, 94, 122, 205.
Назарьева—72.
Нарания Вершау—183.
Нарышкин, А. А.—18.
Настенька (Настюша)—дочь А. С. и А. И. Суворинных—41, 42, 43, 186, 199.
Незнакомец—псевдоним А. С. Суворина—89, 205, 207, 209, 214.
Некрасов, Николай Алексеевич,—IV, 28, 95—97, 109, 114, 115, 116, 118, 168, 200, 201, 205, 206, 208.
Нелюбов-Ларош, Герман Августович—110.
Неметти (увесел. сад)—156.
Немирович-Данченко, Василий Иванович—139.
Немирович-Данченко, Владимир Иванович—186.
Нечаев, В. И., купец—98.
Никитенко, Ал-др Васильевич, академик, литератор—110, 207.
Никитин, Иван Савич, поэт—98—99, 206.
Николай Александрович, русский император—211.
Николай Николаевич, вел. князь—73, 74.
Николай Павлович, русский император—4, 6, 7, 135.
Николаев—34.
Никольский, Александр Петрович, впоследствии министр земледелия—12.
Никулина, Надежда Алексеевна, артистка—190.
Никон, патриарх московский—216.
Ницше, философ—148.
Нос. офицер—106.
Н. К.—107.
Оболенский, Дмитр. Дмитр., князь—183
Оболенский, князь—125, 126.
Овсянико-Куликовский, Дмитрий Николаевич, профессор—199.
Олеников—27.
Ориген, церковный писатель II—III в.—66.
Орлов, граф Алексей Федорович, шеф жандармов—6.
Островская, Мария Васильевна, жена А. Н. Островского—100, 104, 206.
Островский, Александр Николаевич, IV, 50, 60, 100—104, 135, 206.
Островский, П. Н., издатель „Театральной Газеты"—110.
Паисий, монах—186
Пальм, Ал-др Иванович, писатель—139.
Пальм, Лида, дочь писателя—68.
Панаев, Иван Иванович, литератор—28, 33, 201.

Панаева-Карцева, известная певица—122.
Панафидин, книгоиздательство—75.
Панин, граф Виктор Никитич - 5.
Панов, издатель „Московского Сборника"—5.
Пашков, Василий Александрович, основатель религиозной секты—51, 201.
Перовский, Василий Ал-еевич, граф—53.
Петерсен, сотрудник „Нового Времени"—147.
Петров, Григорий Спиридонович, священник—158.
Пилат Понтийский—45.
Писарев, МодестИванович, артист—101.
Писемский, Алексей Феофилактович, писатель—21, 50, 197.
Платон, греческий философ—66, 156.
Плещеев, Ал-др Алексеевич—31, 108, 132, 135.
Плещеев, Алексей Николаевич—IV, 30, 31, 32, 92, 105—137, 189, 204, 207, 208, 209, 210, 218.
Плещеев, Николай Алексеевич - 108, 129, 210.
Плещеева, Елена Алексеевна—108.
Плющевский-Плющик, Яков Алексеевич, юрист—152
Победоносцев, Константин Петрович—18, 153, 162.
Погожев, В. П.—102, 134.
Погребов, купец—29.
Полетика, Василий Аполлонович, журналист I:I, 9, 114, 116, 117, 118, 120, 209.
Поливанов, Лев Иванович, педагог—11. 12.
Полина Яковлевна—165.
Половцев, А. А.—41.
Полоний—176.
Полонский, Яков Петрович, писатель—IV, 42, 62, 69, 70, 138—144. 170, 211.
Полунин, Алексей Иванович, профессор Московского Университ., патолого-анатом—108.
Поляков, Самуил Соломонович, известный железнодорожный деятель—24. 32.
Попов, Нил Александрович, историк—111.
Потапенко, Игнатий Николаевич, беллетрист—200.
Потемкин, князь,—псевдоним А. П. Чехова—185, 186, 218.
Потехин, Алексей Антипович, писатель—28.
Прокопович Феофан, известный церковно-государственный деятель и писатель—3, 65, 203.
Прутков Кузьма 53, 158.
Пуцыкович, Виктор Феофанович, журналист—16.
Пушкин—11, 17, 48. 125. 143. 155. 196, 200.
Пыляев, Мих. Ив., писатель—79.
Пыпин, Александр Николаевич, академик, 3, 113, 168, 169.
Радищев, Ал-др Николаевич, известный публицист—72, 204, 209.
Разсохин, С.—190.
Разумовский, Ал-ей Кириллов., граф - 54, 202.
Рафаэль, художник—45, 46, 131.
Рашель, знаменитая французская актриса—14.
Реберг, врач—169.
Ребрикова—20.
Ренан, Эрнест—142.
Репинский, Григорий Кузьмич, сенатор—170.
Розанов, Василий Васильевич, известный публицист, критик и философ—IV, 145—167, 211—213.
Розенгейм, Михаил Павлович, поэт—170.
Романо, Джулио, итальянский художник—45.
Россев—172.
Руссо, Жан-Жак—131.
Рысаков, Николай Иванович 14.
Саблер, Владимир Карлович, обер-прокурор Синода—162.
Савина, Марья Гавриловна, артистка—29, 30, 199.
Садовский, Пров Михайлович, знаменитый артист—52 - 53.
Саламон—145.
Салтыков-Щедрин, Михаил Евграфович—III, IV, 20, 77, 97, 112. 113. 114, 120, 121. 168—172, 174, 213.
Сальяс, граф Евгений Андреевич, писатель—126.
Самарин, Дмитрий Федорович—145.
Самарин, Юрий Федорович 3—7. 17. 195.
Санта-Луче—89.
Свободин, артист—30, 199.
Сенека, философ—66.
Сервантес—104.
Сигма-Сыромятников, С. Н., сотрудник Нового Времени"—42, 199.
Сильва, итальянский певец—122.
Симеон Столпник, христианский подвижник IV—V в.—147.
Симоненко, Григорий Федорович, экономист—111.
Скабичевский, Ал-др Михайлович, литературный критик—116. 117, 118.

к альковская-Бертенсон, Анна Аполлоновна, певица—122.
Скобелев, Михаил Дмитриевич, известный генерал—34, 65.
Сладковский, чешск. общ. деят.—9, 195.
Смирнова, С., писательница—71, 204.
Соболев—108.
Соболевский, Василий Михайлович, публицист—191.
Сократ, греческий философ—66.
Солдатенков, Кузьма Герентьевич, книгоиздатель—65, 182.
Соловцов—189.
Соловьев, Владимир Сергеевич—IV, 13, 14, 17, 54, 66, 67, 145, 155, 173—177, 197, 203, 204, 215.
Соловьев, Николай Яковлевич, драматург—100.
Соловьев-Несмелов—86.
Сотничевский, доктор—63.
Спасович, Владимир Данилович, юрист и ученый—20, 23.
Стасов, Владимир Васильевич, художественный критик—46, 62.
Стасюлевич, Михаил Матвеевич, журналист—68, 70, 71, 112, 168, 170, 171, 201, 214.
Стед (Стэд), Вильям, английский публицист—84, 180.
Столыпин, Ал-др Аркадьевич, сотрудник „Нового Времени"—165, 213.
Столыпин, Петр Аркадьевич, председатель совета министров—165, 166.
Страхов, Николай Николаевич, философ и критик—67, 145.
Стрекалова—133.
Стрепетова, Пелагея Антиповна, артистка—126.
Строгонов, граф Сергей Григорьевич, попечитель Московского учебного округа—19.
Струве, Генрих Егорович, философ—110, 111, 208.
Струговщиков, Ал-др Николаевич, поэт и переводчик—207.
Суворин, Алексей Алексеевич, сын А. С. Суворина—147, 148, 152, 177, 186, 212.
Суворин, Борис Алексеевич, сын А. С. Суворина—160.
Суворин, Михаил Алексеевич, сын А. С. Суворина 165, 167, 186, 213.
Суворина, Анастасия Сергеевна, дочь А. С. Суворина—41, 42, 43.
Суворина, Анна Ивановна, жена А. С. Суворина—23, 25, 26, 29, 30, 32, 36, 37, 41, 42, 44, 47, 48, 100, 104, 107, 108, 112, 128, 130, 133, 136, 140, 142, 143, 144, 152, 157, 177, 186, 187, 191, 199, 206, 210.
Суворов, кн. Александр Аркадьевич—4.
Сыромятников, С. Н., сотрудник „Нового Времени"—199.
Сютаев, Василий Кириллович, основатель секты „сютаевцев"—84.
Таганцев, Николай Степанович, профессор—23, 128.
Татищев, А. А.—34.
Татищев, С. С.—218.
Тацит, римский историк—28.
Теннер, генерал—133.
Терпигорев, Сергей Николаевич (Сергей Атава), беллетрист—139, 204.
Тихомиров, Лев Александрович, публицист—145.
Тихонравов, Николай Саввич, академик—111.
Тобен, воронежский врач—98.
Толстая, Ал-дра Львовна, дочь Л. Н. Толстого—218.
Толстая, Татьяна Львовна, дочь Л. Н. Толстого—72.
Толстой, граф Ал-ей Константинович, поэт и драматург—53, 60, 61, 170, 214.
Толстой, Дмитрий Андреевич, министр народн. просвещ. 156.
Толстой, Константин Константинович, доктор—20.
Толстой, Лев Львович—182, 218.
Толстой, Лев Николаевич,—IV, 13, 48, 57, 58, 59, 65, 69, 71, 72, 80, 81, 82, 84, 127, 130, 131, 134, 142, 146, 147, 148, 163, 167, 178—184, 202, 204, 210, 211, 216, 217, 218.
Толь—79.
Трегубов, Иван Михайлович—182, 217.
Трепов, Ф. Ф.—СПБ. градоначальник—171, 214.
Третьяков, П. М.—179.
Трохимовский—72.
Тузов, И. Л., книгоиздатель—64, 105.
Тургенев, Иван Сергеевич, 13, 23, 24, 42, 50, 65, 70, 92, 139, 142, 170, 189, 211, 214.
Тучкова-Огарева, Н. А.—142.
Тычинкин, Константин Семенович, сотрудник „Нового Времени"—167, 213.
Тютчев, Николай—170.
Тютчев, Федор Иванович, поэт—174.
Тютчева, Екатерина Федоровна—8.
Уньковский, Алексей Михайлович, общественный деятель—112.
Урусов, князь, С. Н.—109, 207.
Урусов —110.
Усов, Сергей Алексеевич (?)—111, 208.
Утин, Евгений Исакович, публицист—112.
Уэллеслей, Фридр.-Артур, англ. дипломат—9.

Фаресов, Анатолий Иванович, публицист—161.
Фарлей, Джемс Льюис, английский писатель и публицист—8, 9, 195.
Фатеева, Надежда Федоровна—124.
Федор Иоаннович—177.
Федоров, Михаил Павлович, редактор „Нового Времени"—31, 101, 129, 210.
Федотова, Гликерия Николаевна, артистка—15, 126.
Феоктистов, Евгений Михайлович, в 1883—96 гг. начальник главн. управления по делам печати—138.
Феофан—см. Прокопович—65.
Ферт, А.—214.
Фет, Афанасий Афанасьевич (Шенхин), поэт—65.
Филарет (Дроздов), Московский митрополит 5, 152, 153.
Фингал-Потапенко, Игнатий Николаевич, беллетрист—47.
Фомин, книгоиздатель—127.
Фохт (Vogt) Карл, известный немецкий естествоиспытатель—157.
Фриш, Эдуард Васильевич, государственный деятель—171, 214.
Хвостов, Н. А. 18.
Хедив—214.
Хомяков, Алексей Степанович—5, 6.
Хрещатицкий, генерал—57, 58.
Христос—66.
Худеков, Сергей Николаевич, журналист и драматург, редактор-издатель „Петербургской Газеты" —135.
Цинцинат, известный римский политический деятель V в. до Р. Х.—166.
Чаадаев, Петр Яковлевич, писатель—3, 195.
Челищева—133.
Черкасский, князь Владимир Александрович, государственный и общественный деятель—4, 6, 7.
Чертков, Владимир Григорьевич—81, 82, 180, 217.
Чехов, Александр Павлович, брат А. П. Чехова—186.
Чехов, Антон Павлович, IV, 26, 29, 30, 31, 34, 36, 37, 38, 39, 42, 63, 64, 65, 89, 127, 130, 132, 136, 185—189, 191, 210, 218.
Чехов, Михаил Павлович—210.
Чехов, Николай Павлович, брат А. П. Чехова—218.
Чичиков—77, 177.
Шабельская—псевдоним Ал-дры Станиславовны Монтвид—81, 204.
Шарапов, Сергей Федорович, публицист—174.
Шарко, доктор—23.
Шелгунов, Николай Васильевич, известный писатель—129, 210.
Шильдер, Николай Карлович, историк—218.
Шопенгауер, философ—28, 66.
Шпилевский, Михаил Михайлович, профессор—6, 10.
Шубинский, Сергей Николаевич, редактор „Истор. Вестн."—68, 71, 74, 82, 83, 84, 204, 205.
Щебальский, Петр Карлович, историк и публицист—77.
Щеглов, Иван Леонтьевич, писатель—185, 186, 218.
Щедрин—см. Салтыков-Щедрин, М. Е.
Щепкин, Митрофан Павлович, публицист и общественный деятель—111, 112.
Щепкин, Михаил Семенович, знаменитый артист—52.
Эврипид, греческий трагик—15, 156.
Эдиссон—40.
Эльпе, сотрудник „Нового Времени" см. Попов, Л. К.—35, 159, 199.
Эльхо—89.
Энгельгардт, Николай Александрович, литератор—159.
Энгельгардт—130.
Эссен, О. В., государствен. деятель—171, 214.
Ювенал, римский поэт-сатирик—28.
Юркевич, Памфил Данилович, профессор философии в Московском Университете—111.
Юрьев, Сергей Андреевич, литератор—11, 12, 50, 112, 208.
Яворский Стефан, известный церковный и литературный деятель—3.
Якубовский, Ю. О.—184.
Ярош, К., проф.—175, 215.
Ясинский, Иероним Иеронимович, писатель—75, 189, 218.

520
(15)

20-00
351023/1182

ИЗДАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ В ЛЕНИНГРАДЕ.

318

Библиотечное Обозрение. 1925 г. кн. I, стр. 128, ц. 1 р. 25 к., кн. II, стр. 193, ц. 1 р. 60 к.; 1926 г. кн. I—II, стр. 207, ц. 2 р.; 1927 г. кн. I-II (заканч. печатанием)

Сводный каталог иностранной литературы за 1920—24 гг., полученной в библиотеках Ленинграда. Вып. I, стр. 58, ц. 50 к., Вып. II—III, стр. 127, ц. 75 к.

Вольная русская печать в Рос. Публичной библиотеке. 1920 г. Стр. 352, Ц. 3 р.

Из переписки деятелей Академии Наук. Пригот. к печ. проф. Д. И. Абрамович. 1925 г. Стр. 146, Ц. 1 р. 80 к.

Библиографические материалы для словаря декабристов. Составил С. Вознесенский. 1926 г. Ц. 2 р.

Occidentalia. Analecta Medii Aevi. Fasc. I. Средневековье в рукописях Публичной Библиотеки. Под ред. О. А. Добиаш-Рождественской. Вып. I. 1925 г. Ц. 1 р. 50 к. Вып. II. 1927 г. (заканч. печат.)

Orientalia. Вып. I. Восточный сборник. 1925 г. Стр. VI+200. Ц. 1 р. 50 к.

Вып. II. **Акад. Ф. И. Успенский** и **проф. В. Н. Бенешевич.** Вазелонские акты. 1927 г. Ц. 5 р.

Е. А. Лаппа-Старженецкая. Государственные библиотеки на Западе. Вып. I. Романские страны. 1926 г. Стр. 172. Ц. 2 р. 25 к.

Книга о книге. Сборник I. 1927 г. Ц. 2 р. 50 к.

Цена 2 руб. 50 к.

Продается в Государственной Публичной Библиотеке в Ленинграде Улица 3-го Июля, д. 18, кв. 3 и в книжных магазинах.